

"Крестовский треугольник"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Аннотация

Налаженная жизнь Романа Крестовского стала рушиться на глазах, когда к нему переехал его сын-подросток Санька. Друг отца Андрей живет вместе с ними. Саня подозревает, что в этих дружеских отношениях не все так просто. И однажды, вернувшись раньше времени из школы, застаёт Романа и Андрея за весьма пикантным занятием.

Эпиграф

Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по своему.

«Анна Каренина»

Л.Н.Толстой

Часть 1

Когда мать с отцом развелись, Санька был ещё маленький и не совсем понимал, что же произошло между самыми дорогими ему людьми. Мама тогда часто плакала, крепко прижимая к груди голову сына. Он помнил, как тёплые капли падали на макушку, её горячее дыхание, тихие, полные горечи слова:

— Санечка, сыночек! Ты один у меня теперь. Не оставляй меня никогда, слышишь! Я умру без тебя! Ты единственная отрада в моей жизни!

Но сама не сдержала обещания и умерла, несмотря на то, что Санька всегда был рядом.

Впервые Санька услышал это страшное слово «рак» полгода назад, но было уже слишком поздно. Мать почернела и усохла на глазах.

Отец их не навещал. Никогда. Мать запретила. Сказала, что не нужен Саньке такой папка, она сама воспитает его мужиком.

Мамка до последней минуты своей жизни так и не смогла простить отцу его уход, поэтому строго-настрого запретила своей сестре звать бывшего мужа на похороны, просила не отдавать ему сына после её смерти. Но тётя Катя рассудила по-своему. И завтра утром Рома, как она его называла, должен был прилететь из Питера ранним рейсом.

— Что ж делать, Санёк! Твой же папка родительских прав не лишён. Да и человек он, в принципе, неплохой. Зарабатывает вон сколько. Будешь теперь жить с ним! Всяко лучше, чем в детдоме. А сама я взять тебя не могу. Ты же знаешь дядю Витю. Он своих-то детей в доме видеть не хочет, что уж о тебе говорить! А бабушка старенькая, кое-как ноги волочит... Так что собирай чемоданы. Завтра за тобой отец приедет!

После мамкиных похорон в доме было тихо и пусто. Всю ночь Санька не мог заснуть, вспоминая, как она лежала в гробу совсем бледная, незнакомая, словно чужая. Как защемило сердце, когда её накрыли крышкой, обитой красным велюром. Как заиграла траурная музыка, когда тело стали опускать в могилу. Слезы молча катились из глаз, сползали по щекам на подушку, расплываясь по ткани большим мокрым пятном. Санька тихо всхлипывал, то и дело

растирая солёные ручейки по лицу.

— Санька, вставай! Папка приехал, — тётя Катя тихонько трясла мальчика за плечо.

— Папка? — после пробуждения память возвращалась. — Папка...

Санька вспомнил всё. Матери больше нет, а ему предстоит лететь с отцом в чужой незнакомый город. Они не виделись с тех пор, как Санька перешёл в подготовительную группу детского сада. Мальчик поднялся с кровати, натянул на себя спортивные штаны и вышел в коридор, щурясь от яркого света, льющегося с кухни.

Отец сидел за маленьким кухонным столом, накрытым клеёнкой в красно-белую клетку. Увидев родное лицо, Санька сразу вспомнил, как тот катал его на загравке, как ходили летом в парк. Вспомнил, как звонко смеялась мать, когда Санька опрокинул на голову отцу подтаявшее в руке мороженое. Сейчас он изменился. Между бровей залегла глубокая складка, в уголках карих глаз собрались мелкие лучики морщинок, а пышные тёмно-каштановые волосы подёрнула седина, собираясь белым цветом у висков.

— Ну, привет, сын! Вот при таких невесёлых обстоятельствах нам с тобой приходится встречаться, — мужчина грустно улыбнулся.

— Привет... — Санька растерянно смотрел на отца.

— Как я погляжу, ты уже совсем взрослый. Вон какой вымахал!

Санька добрёл до табурета и уселся рядом, внимательно разглядывая гостя.

— Саня, завтракать будешь? — гремя тарелками, засуетилась тётя Катя.

— Пап, а мне, правда, придётся уехать с тобой? — прохрипел не отошедшим ото сна голосом мальчик.

— Да, сын, правда, — отец вздохнул. — Вот уладим все бумажные дела и поедем. Я уже в Питере со школой договорился. А тётя Катя будет приезжать к нам в гости. Правда? — Роман поднял на неё глаза.

— Правда-правда... Ешь давай, пока не остыло! — не глядя на родственника, женщина поставила перед мальчиком тарелку с овсянкой.

— Кать, я серьёзно. Приедешь? — мужчина выжидающим взглядом смотрел на нее.

— Видно будет! — проворчала та. По лицу скользнула тень неуверенности. — Ром, не заставляй меня давать обещаний! Если бы я могла оставить Саньку у себя, поверь мне, я к тебе не обратилась! Извини, конечно, Ромочка, но я не считаю, что ты лучший вариант для Саньки. Тут уж из двух зол, как говорится!

— Почему же, Катя? Ведь я ни наркоман, ни алкоголик! Зарабатываю, сама знаешь как! Чем я плох?

— Давай не при ребёнке! Я потом тебе скажу, что с тобой не так. Да что тебе говорить... Ты и сам всё знаешь!

— Да, Катенька, я знаю! Но мы же современные цивилизованные люди! Ты же умная женщина, должна понимать, что это не болезнь, не зараза какая-нибудь. На Саньке никак не отразится!

— Посмотрим, Ром, посмотрим! Но учти, если я что узнаю, то, не раздумывая, пойду в суд!

— Господи, Катя! — мужчина всплеснул руками. — Ты кем нас считаешь?!

— Кем надо, теми и считаю! Всё, Рома, давай прекратим этот разговор!

Такси затормозило у аэровокзала. Пока отец расплачивался с водителем и доставал вещи, Екатерина и Санька выбрались из салона.

— Ты всё взял? Ничего дома не забыл?

— Всё! — буркнул подросток себе под нос.

— В общем, квартиру я твою сдавать буду. Деньги папке на счёт пересылать. Пока мы с твоим отцом решили её не продавать, вдруг захочешь в родной город вернуться. Да и мало ли что может случиться... — тётка в сердцах махнула рукой.

— А что может случиться? — на женщину исподлобья смотрели два чёрно-карих глаза.

«Совсем как у Дашки! — мелькнуло в голове. — Копия мать!»

— Да ничего! Всё будет хорошо. Это я так, к слову. — Она сложила руки на груди, выглядывая Романа. — Долго он там ещё будет возиться? На самолёт опоздаете!

Увидев приближающегося к ним мужчину, обвешанного со всех сторон сумками, она снова повернулась к Саньке.

— Как долетите, позвони! Понял? И, вообще, звони! Не забывай тётку! — она внимательно посмотрела в мальчишеское лицо и прижала Саньку к себе. — Господи, правильно ли я делаю?! Ой! Ладно, запричитала, как старуха.

— Ну что, пошли на регистрацию, — подойдя ближе, кивнул Роман.

Все трое устремились к стеклянным раздвижным дверям, ведущим внутрь здания.

Измученный событиями последних дней Санька не заметил, как заснул в кресле самолёта. Очнулся он только тогда, когда в ушах зазвенело от резкого перепада давления.

— Садимся, — заметил отец. — Совсем скоро будем дома!

Гигантская стальная птица накренилась набок. Санька увидал в иллюминатор огромную очерченную кривой линией берега серебристую водяную гладь.

— Это что, море? — он повернулся к Роману.

— Нет, сын. Это Ладога. Море вон там! Впереди!

Вскоре самолёт принял нужное положение, с каждой минутой снижаясь всё больше. Под крылом святающейся паутиной раскинулся огромный город. От этой картины захватывало дух.

— Ух ты, как красиво! — Санька не мог сдержать восторга.

Тоненькие желтовато-оранжевые линии стали увеличиваться, давая различить полосы дорог, фонарные столбы и крошечные движущиеся по автостраде машины.

Самолёт, ревя турбинами, стремительно приближался к взлётно-посадочной полосе. Небольшой удар о землю, и Санька почувствовал, как засосало под ложечкой оттого, что мощная конструкция резко теряет скорость.

Получив вещи, отец и сын направились к выходу. Белые двери матового стекла с шумом распахнулись перед ними. И Санька увидел, что отец машет кому-то из толпы встречающих. Высокий худощавый блондин в светлых джинсах и короткой чёрной кожаной куртке помахал рукой в ответ.

— Привет, Ром!

— Привет! Знакомьтесь, это Санька!

— Андрей! — на Саньку с прищуром смотрели колкие зелёные глаза. Высокие скулы, тонкий подбородок и губы растянuty в полуулыбке так, что на щеках образуются симпатичные ямочки. На вид Андрею нельзя было дать больше тридцати. Парень протянул ладонь для рукопожатия. Санька потряс его за руку.

— Ну, совсем взрослый мужик же! — он с чувством потрепал по рыжим Санькиным вихрам. — Как долетели?

— Всё отлично! Как дома дела?

— Прибрался! Ужин в духовке. Ждёт вас. Что, поехали? — Андрей подхватил чемодан и все трое направились к выходу.

До дома добирались долго — вначале полчаса стояли в пробке на выезде из Пулково, потом ехали по прямому, как стрела, Московскому проспекту мимо сталинских высоток, мимо утопающего в зелени парка. Свернули на извилистые узкие улочки питерского центра со старыми, изъеденными временем домами. Проехали вдоль роскошных садов, мимо Эрмитажа и далее по Дворцовому мосту мимо стрелки с красными ростральными колоннами, свернули на Биржевой мост.

Всю дорогу Санька глядел в окно на сменяющие друг друга сильно контрастирующие пейзажи. Вскоре машина остановилась возле одного из новых домов на берегу реки, за которой начинался бескрайний зелёный оазис. Территория новостройки с детской площадкой, парковкой и небольшим сквериком была обнесена высоким забором. Андрей, достав из кармана пульт, открыл ворота, и автомобиль, тихо шурша колёсами, въехал во внутренний двор.

— Ну вот, мы и дома! — Роман расплылся в улыбке.

Парадная была совсем непохожа на подъезд дома, в котором Санька жил с матерью — холл и лифтовая были отделаны тёплым охристо-жёлтым камнем. У входа за стойкой с цветами сидел консьерж. Просторные лифты с зеркалами и обставленные цветочными композициями лестничные пролёты и межквартирные холлы. На стенах картины в рамах. На полу блестящая жёлто-белая плитка с выложенным узором. От всей этой роскоши Санька открыл рот. Так вот как живёт его отец!

Квартира была просто огромной. Две изолированные комнаты, кухня, совмещённая с гостиной и входным холлом.

— Ничего себе! — присвистнул Санька, зайдя внутрь.

— Ты ещё не видел своей комнаты! Надеюсь, она тебе понравится, — отец был явно доволен впечатлением, которое на Саньку произвела квартира.

— А что, может, поужинаем? — Андрей, потирая руки, направился к кухне. — Санька, Рома, мойте руки и идёте за стол!

Парень по-хозяйски залез в холодильник, доставая оттуда белую фарфоровую менажницу, заполненную нарезкой из сыра, мяса, помидоров и огурцов. Вынул из духовки противень с запечённым по-французски мясом. Расставил на стеклянном прямоугольном столе тарелки, разложил салфетки и столовые приборы. Поставил возле каждого места пузатые приземистые стаканы и два бокала для вина.

— Пойдём! — отец весело подмигнул Саньке.

— Пап, а Андрей — он кто? — намыливая руки розовым жидким мылом, выдавленным из дозатора, спросил мальчик.

— Андрей... мой друг. А что?

— Да нет, ничего, интересно просто.

За столом Санька уплетал за обе щёки. В самолёте он проспал положенный обед, поэтому к вечеру сильно проголодался. Отец с Андреем, переглядываясь, неспешно беседовали о каких-то своих малопонятных делах, потягивая из бокалов на тонкой ножке бордово-красное вино.

Когда Санька наелся, ему стало скучно, и он рассеянным взглядом в сотый раз обводил огромную гостиную с молочно-белым кожаным диваном, стоящим по центру и такими же белыми длинными портьерами на окнах.

— Что, Сань, устал сидеть с нами за столом? — Роман обратился к сыну. — Хочешь, я провожу тебя в комнату?

Санька кивнул.

Комната, приготовленная для мальчика, была небольшой, но светлой и очень уютной. У окна стоял письменный стол. Кровать, к которой с пола вела деревянная лестница, находилась под потолком. Под кроватью расположился целый уголок: полки, большая доска в деревянной

оправе и стол, на котором стоял новенький системный блок и широкий классный монитор.

— Здесь нет ни книжек, ни игрушек. Мы не знали, что тебе нравится. Давай завтра вместе съездим и купим то, что тебе по душе!

— Хорошо.

— Да, и если что-то понадобится, а меня не будет рядом, смело обращай к Андрею.

— А что, он не поедет к себе домой? — мальчик удивлённо вскинул брови.

— Н-нет, — отца почему-то смутил этот вопрос.

— Тогда ладно, — Роман вышел из Санькиной комнаты.

Весь следующий день Роман, Андрей и Санька провели вместе. Они съездили в торговый центр и купили несколько наборов для моделирования. После чего закупились учебниками и интересными книгами в одном из литературных бутиков. Затем поехали на Диво-остров, где долго катались на разных аттракционах.

Андрей оказался очень весёлым и компанейским парнем. Всё время подшучивал то над отцом, то над Санькой. Когда солнце начало клониться к закату, они взяли напрокат лодку и долго плавали по Большой и Средней Невке, наблюдая за тем, как последние желтовато-розовые лучи скользят по водной поверхности, переливаясь серебристыми бликами в длинных морщинках волн.

В этот день Санька был почти счастлив, на какое-то время даже смог забыть о том, что никогда больше не увидит свою любимую мамку.

До начала сентября оставалась неделя. После выходных зарядил затяжной питерский дождь, то заливая улицы тропическим ливнем, то переходя в мелкую, похожую на пыль, морось. В эти дни Санька сидел дома и ждал, когда с работы вернуться отец и дядя Андрей.

Однажды вечером, когда Андрей и Санька в ожидании отца готовили ужин, мальчик неожиданно спросил:

— Дядя Андрей, а почему вы с папой живете вместе?

Мужчина явно был не готов к такому повороту. Он растерянно посмотрел на мальчика и неуверенно промямлил:

— Ну-у-у... так проще... веселее, что ли... мне не так скучно, да и папе твоему тоже...

— Понятно. А ты пойдёшь меня провожать первого сентября?

— Я даже не знаю. А ты хочешь?

Мальчик пожал плечами.

— А ты?

— Наверное...

Звуки шарящего в замочной скважине ключа прервали этот неловкий разговор.

— Папка! — Санька бросился отцу навстречу.

— А я вам вкусенького принёс! На, неси на кухню, — он вручил сыну шелестящий пакет.

— Привет, Андрюш, что на ужин? Я голодный как волк! — шаря по кастрюлям, Роман не смотрел на друга.

— Рома, знаешь, нам, кажется, надо будет с тобой кое-что обсудить.

— Давай обсудим. Говори, что хотел.

— Наедине, — зелёные глаза внимательно смотрели на него. Роман закусил губы и пристально вглядывался в лицо парня. — Что-то случилось?

— Пока нет. Но рано или поздно случится. И Санька к этому близок.

— М-м-м, вот оно как, — Роман понимающе хмыкнул. — Ну, тогда отложим на попозже.

Первого сентября Санька с отцом отправились в школу вдвоём. Андрей сказал, что неважно себя чувствует, и остался дома, чтобы подготовить торжественный обед по поводу начала нового учебного года. По возвращении все трое весело обсуждали новых Санькиных одноклассников и учителей.

Саньке школа понравилась. Просторная, с большими светлыми классами, новыми компьютерным оборудованием и огромной спортивной площадкой перед зданием. Живя в своём городке, о такой он мог только мечтать.

Школа-лицей, где Саньке предстояло теперь учиться, находилась не так далеко от дома. Каждое утро Санька вставал пораньше, завтракал, шёл вдоль набережной, мимо небольшого скверика к двухэтажному новому корпусу. Первое время всё было хорошо. Бойкий мальчик быстро нашёл друзей среди одноклассников. Особенно он подружился с Борькой, невысоким пареньком. Своим видом Борька напоминал героя «Ералаша» — хитрые озорные маленькие глазки, светлые брови вразлёт, тонкая полоска губ и задиристый нрав. Вначале они с Санькой носились на переменах наперегонки, потом стали вместе ходить домой, тем более что им было по дороге. Позже Борька стал ждать Саньку у дома перед началом занятий, чтобы успеть поболтать о разных очень важных мальчишеских делах.

— Слушай, Борька, а пойдём ко мне уроки поделаем! — как-то предложил Саня новому другу, когда они вдвоём возвращались из школы.

— Ну-у-у, — потянул мальчик, — у тебя, наверное, мать дома.

— Неа, — Санька грустно посмотрел на товарища, — у меня нет мамы.

— А где же она?

— Умерла, — прошептал парнишка. Внезапно подступившие слезы сдавили горло.

— Дела-а-а... — Борька с сочувствием покачал головой. — Ты это, держись!

Он похлопал друга по плечу.

— А с кем ты живёшь? С отцом?

— Да, с отцом. Он сейчас на работе.

— Так, получается, у тебя дома никого?

— Никого, — кивнул Саня.

— А пожрать есть? — Борька прищурился.

— Конечно! Там с вечера кастрюля макарон! И ещё бутеры можно наделать из лосося! — радовался Санька.

— Тогда пойдём!

Гремя ключами на весь квартирный холл, Санька открыл дверь и, пропуская друга вперёд, гостеприимно произнёс:

— Проходи!

— Ого! Ничего себе хата! — озираясь по сторонам, Борька скинул кроссовки, и зашёл в гостиную. — А кем работает твой отец?

— Кажется программист. Я точно не знаю.

— Солидно! — Борька провёл рукой по лакированной поверхности высокого белого комода.

— И вы чего, вдвоём тут живете?

— Нет, почему вдвоём. С нами ещё дядя Андрей.

— А! — Борька внимательно разглядывал широкую изогнутую панель телевизора, висящего над камином. — Можно, я включу?

— Можно. Ты макароны будешь?

— Ага.

— А лосося?

— И лосося. Короче, я ем всё! Можешь выкатывать, даже не спрашивая.

Санька на правах хозяина достал из холодильника всё съестное, не забыв вытащить любимые Андреем шоколадные конфеты с водкой.

— Ух ты, крутяк! — увидев сладости с алкоголем, Борька тут же схватил одну конфету и, освободив от бумажки, отправил её в рот.

— Э-э-э-э, ты смотри, много не ешь, а то дядя Андрей рассердится! Он не разрешает брать их! Я по чуть-чуть ем, чтобы не заметил!

— Понятно, — смакуя во рту щиплющий от алкоголя шоколад, промямлил Борька. — А дядя Андрей, он что, брат твоего отца?

— Почему брат?

— Ну как, живёт с вами. Ты его дядей называешь. Значит, брат! — коротко резюмировал Борька.

— Нет же! Никакой он не брат!

— А кто? — паренёк вытаращил глаза.

— Он просто папин друг.

— Друг?! И живёт с вами?! — удивление Борьки росло.

— Да, а что тут такого?

— Да, ничего... так подумалось... мало ли... — Санька знал эту Борькину манеру говорить загадками, если в его шкодливой голове зрели очередные шальные мысли.

— Говори уже, не томи!

— А, может, твой папка и дядя Андрей того...

— Чего того?

— Ну, как чего... — Борька многозначительно шмыгнул носом, проводя пальцем по самому кончику, — сам не догадываешься, что ли?

— Нет, — Санька растерянно помотал головой.

— Педики, вот чего...

— Это как — педики? — мальчик окончательно перестал понимать, о чём толкует ему друг.

— Ну, педики, гомосеки... Догоняешь?

— Нет...

— Слушай, ты из какой глуши приехал? Первый раз, что ли, про такое слышишь?!

— Ну, а если и первый? — обиделся Саня.

— Не, ну ты что, братан, серьёзно?! — Борькино лицо расплылось в ехидной улыбке. — Не знаешь, кто такие педики?! Ну ты вообще, даёшь!

Борька громко заржал, крутясь на высокой барной табуретке возле белой лакированной стойки, отделяющей зону гостиной от кухни.

— Ты, конечно, прости меня! Может, я чего не знаю, но если твой папка и этот... — он опять заржал так, что из глаз выступили слезы, — спят в одной постели, а ты... Ха-ха-ха! Не-е-е-е,

Санёк, с тобой и в цирк ходить не нужно...

— Да скажи ты толком! — Санька начинал злиться.

— Не, ну а вдруг я ошибаюсь... зря людей оговариваю, — красное Борькино лицо вдруг стало серьёзным. — Они где спят?

— Там, — мальчик, хмуро глядя исподлобья, кивнул гостю в сторону комнаты, откуда по утрам выходили дядя Андрей и его отец.

— А ну, пошли! — Борька ринулся в указанном направлении. Санька неуверенно засеменял следом.

Паренёк одним движением руки открыл дверь в комнату отца.

— Ну, ёлы-палы! Чего и требовалось доказать! — задиристо хохотнул Борька, увидев в комнате широкую двуспальную кровать. — Тут и к гадалке не ходи! Гомосеки они! Что, до сих пор не догоняешь?

Саньке отчего-то стало очень стыдно за отца. Он опустил голову и густо покраснел, отрицательно качая головой.

— Да-а, братан! Попал ты... — сочувственные речи, заставляли ещё больше стыдиться, словно Санька сделал что-то очень-очень плохое. — Трахают они тут друг друга...

— Я не понимаю... — шептал Санька себе под нос, едва не плача.

— Чего, правда, не понимаешь? Ну, это когда мужики запихивают писюн друг другу в жопу, — пытался просветить друга Борька.

— Нет! — Саньку внезапно охватила такая злость, что он с силой толкнул гостя и заорал. — Врёшь ты всё! Понял?! Мой папка не такой! Понял?!

— Ах ты! — Борька кинулся на него с кулаками. Мальчишки сцепились, пытались ударить побольнее. Их ноги переплелись, и оба рухнули на пол. Они в порыве ярости кряхтели и перекатывались по светлому ламинату.

— Эй! Пацаны, брейк! — вошедший в квартиру Андрей подскочил к дерущимся мальчишкам. Стараясь расцепить натужно пыхтящий комок, он с силой схватил обоих за шкуру и, слегка придушив, как котят, растащил в разные стороны.

— Почто бьёмся?! — весело спросил он. Но оба мальчика молчали, зло сверкая друг на друга глазами.

— Пустите меня! — Борька дёрнулся из рук.

Подхватив рюкзак с тетрадками, он молча всунул ноги в кроссовки и, не глядя ни на Андрея, ни на Саньку, недовольно буркнул: «До свиданья!» — громко хлопнув за собой дверь.

— Может, расскажешь, что тут у вас произошло? — парень посмотрел на мальчика.

Санька до синевы стиснул губы, чтобы не разрыдаться перед этим... этим... он даже не находил слов хоть как-то назвать в эту минуту друга отца. Крупные капли предательски сорвались с ресниц. Подросток со всех ног кинулся в свою комнату.

— Саня! — мужчина хотел было ринуться за ним следом, но громкий хлопок межкомнатной двери остановил его.

На пороге квартиры Романа встречал озадаченный Андрей.

— Что-то случилось?

Парень пожал плечами.

— Я пришёл, а тут Санька и какой-то мальчишка катаются по полу. Мутузят друг друга. Попытался поговорить с Сашкой, но он закрылся в комнате. Попытки разговора через дверь ни к чему не привели, — перейдя на шёпот, он добавил: — Кажется, он плачет.

— Плачет? — лицо Романа стало тревожным.

Он подошёл к двери, отделявшей Санькину комнату от гостиной.

— Саня, сын! Это я. Открой, пожалуйста, — из комнаты слышались всхлипывания. — Сын. Ну, открой же. Надо поговорить.

— Не хочу я с тобой разговаривать! — глухо прозвучал голос. — Уходи!

— Сань, ну ты можешь толком рассказать, что произошло? Мы с Андреем волнуемся.

— Не буду я ничего рассказывать! Тем более ему!

Андрей молча показал на себя руками и, удивлённо вскинув брови, в полном непонимании замотал головой. Роман, глядя на него, округлил глаза и пожал плечами. Эта пантомима была красноречивей всяких слов. Оба не понимали, что происходит с Санькой.

— Санечка, ну выйди, пожалуйста, я очень беспокоюсь за тебя! — Роман снова посмотрел на Андрея и тихо спросил: — И давно он там сидит?

— Два часа как!

Мужчина с силой ударил в дверь плечом.

— Санька, если ты сейчас же не откроешь, я выломаю дверь!

— Не надо! Я открою, но только пусть он уйдёт!

— Кто он?

— Твой этот... Андрей! — отец услышал, как Санька зарыдал с новой силой.

— Андрюша, я прошу тебя! Я умоляю, погуляй минут двадцать, пока я тут не разберусь.

— Ладно, если что, я на трубе, — парень накинул куртку и вышел из квартиры.

— Всё! Андрей ушёл! Открывай!

Дверной замок щёлкнул. В дверях стоял зарёванный Санька.

— Ну, сын! — Роман, прижимая к себе, обнял его за плечи. — Что у тебя стряслось? Ты же мне расскажешь? Будешь чай?

— Да, — едва шевеля губами, прошептал Саня.

Мужчина подошёл к кухонному столу и включил чайник. Затем, открыв дверцу шкафа, достал две белые кружки. Чайник зашумел, зашкворчал и через минуту, отзываясь коротким звонком, оповестил, что вода вскипела. Налив в кружки кипятка, Роман бросил в каждую по пакетикку заварки и поставил одну из них на стол перед Санькой.

— Спасибо, — пробубнил тот, вытирая распухший нос тыльной стороной ладони.

— Так что тут произошло? Андрей сказал что...

— Папочка, миленький! — Роман вздрогнул от резкого звонкого голоса. — Давай выгоним его! Не нужен он тебе! Давай будем вдвоём жить, только ты и я! Ведь он же не нужен тебе, правда, не нужен?!

В детских глазах было столько боли и отчаяния, что Роману вдруг стало не по себе.

— Что на тебя нашло? Тебе что-то сказал тот мальчик?! Да?! — мужчина был взволнован. — Скажи мне, Саня, что он тебе сказал?!

По детским щекам снова покатались слёзы. Губы мелко задрожали.

— Санечка, не плачь! Спокойно расскажи, что случилось, — обуздав внезапно нахлынувшие эмоции, Роман прижал сына к себе и стал осторожно гладить по каштаново-рыжим непослушным волосам.

— Борька сказал, что вы с Андреем педики, — выдохнул Санька в отцовский джемпер. Внутри у Романа похолодело, рухнув холодной глыбой куда-то вниз. — Папа, ведь вы же не педики? Ведь да?! Да?!

Роман вдруг понял, что не может взглянуть в эти полные слёз карие глаза. Он нервно сглотнул, и, уставившись в пространство, тихо сказал:

— Да, сын. Да.

— Пусть Андрей уедет к себе... пусть... — Санька снова заревел.

Оттого, что произошло в этой комнате всего два часа назад, Романа прошиб холодный пот. Это его сегодня защищал Санька. Он бился с Борькой за честь их семьи. И Роман чувствует сейчас себя предателем. Он предал веру сына в самого себя и продолжает врать. Разве же он мог подумать, что такое произойдёт? А он должен был предугадать, думать на шаг, на два вперёд. Но ему не хватило на это ни духу, ни времени и теперь предстоит расхлёбывать заварившуюся кашу.

— Но, Саня, мы не можем его вот так выгнать на ночь глядя! Что мы ему скажем? — Роман, взяв себя в руки, пытался как-то выправить сложившуюся ситуацию.

Мальчик отпрянул и с недоверием посмотрел на отца.

— Он мой друг! А друга не предают и тем более не выгоняют из дома только потому, что кто-то

сказал гадкую вещь.

— Папа, почему вы с Андреем живёте вместе? — мальчик смотрел сурово.

Роман вспомнил разговор с Андреем два месяца назад.

— Потому что так проще, меньше денег платить за квартиру. Я один и Андрей тоже. Нам вместе не скучно. Вот ты почему с Борькой дружишь? — Роман врал, отчаянно пытаясь поверить в ту ложь, которую сейчас говорит сыну.

— Не знаю... — паренёк пожал плечами. — Потому что... нам нравится разговаривать и играть вместе.

— Вот и у нас с дядей Андреем так же!

— А почему вы с ним в одной комнате живёте? — вопрос был явно с подвохом.

— Ну-у-у, тебе же нужен был свой угол. И дядя Андрей переехал ко мне, освободив комнату для тебя, — это была почти правда.

Сразу после долгого разговора Романа с Катей, мужчины решили переделать мастерскую Андрея в детскую. Пока Рома ездил за сыном, Андрей обустроивал комнату мальчика.

— Ну что, я звоню Андрею, да? — отец ждал согласия сына.

— Звони, — Саньке стало неловко оттого, что он так плохо подумал о парне. Они же просто друзья. Это очевидно! А то, что говорил Борька — это всё гадкая неправда!

Зайдя в квартиру, Андрей неуверенно подошёл к столу, за которым сидели Роман и Санька.

— Ну что, разобрались? — от него приятно пахло морозом и чем-то сладковато-горьким.

— Да, у нас всё в порядке! Правда, Санька?

— Да, — мальчик боялся поднять на Андрея глаза, будто он сможет прочесть все те постыдные слова, которыми вот уже несколько часов подряд мысленно награждал его Санька.

— Ты чего такой набыченный? — парень дружелюбно смотрел. — На меня, что ли, сердишься?

— Нет, не сержусь. Пап, я к себе пойду.

— Иди. Уроки сделал?

— Нет.

— Так, давай бегом. Времени осталось в обрез!

Мальчик встал из-за стола и ушел в свою комнату. Андрей достал кружку и, заварив растворимый кофе, подсел к Роману.

— Замёрз, как собака! Так ты выяснил, что у них тут стряслось?

— Да, выяснил. Но, боюсь, тебе это не понравится.

— ?!

Часть 2

— Борька, это ты? — женщина выглянула из кухни, как только мальчик оказался в прихожей.
— Где ты был? Почему трубку не брал? Я раз сто звонила!

Паренёк, не глядя на мать, направился в ванную. Он с серьёзным видом открыл кран и намылил руки.

— Борис! Я, кажется, к тебе обращаюсь! Слышишь?

— Да слышу я, — огрызнулся мальчик.

— Ой, а что это? Ну-ка покажи! — женщина внимательно разглядывала ссадину на скуле сына.
— Кто тебя так?

— Никто, — пробурчал Борька.

Мать покачала головой.

— Горе ты моё! А был где? Я вся извелась!

— Где надо, там и был!

— Как с матерью разговариваешь?! Немедленно отвечай, где был?! — в звонком голосе слышалась угроза.

— В гостях был. А что, нельзя?

— Можно. И у кого на сей раз? — синие глаза матери смотрели с недоверием.

— У новенького, ну помнишь, рассказывал. Санька.

— Есть будешь?

— Нет, спасибо, накормили уже, — злобно процедил сын.

— У Саньки, что ли, ели?

— У Саньки. Пока не подрались, — паренёк отвёл взгляд в сторону.

— Вот те раз! — женщина всплеснула руками. — Из-за чего сыр-бор? Ты же говорил, что вы с ним друзья!

— Говорил, — горестно вздохнул мальчик. — Но теперь нет. Не могу я больше с ним дружить.

— Из-за того, что дрались?

— Из-за того, что у него отец педик!

От неожиданности мать плюхнулась на табурет.

— Боря, это ты чего говоришь? Тебя кто такому научил? — женщина была растеряна.

— Правду говорю! Вот и Саньке она тоже не понравилась.

— Откуда ты только этой грязи понабрался?! Вот я тебе сейчас задам! — придя в себя, мать вскочила и больно хлестанула Борьку кухонным полотенцем. — Ещё раз от тебя такое услышу, на улицу больше не пущу!

Парнишка громко заныл от обиды.

— Правду я говорю! Правду! А как таких ещё назвать?! У них и койка одна на двоих! Я сам видел!

— Что ты ещё там видел?! Вот я тебя! — мать лупила сына, охаживая по спине и рукам ярко-красной тряпкой. — Смотри же, чем они там занимаются! Интернет этот поганый! Источник просвещения! Похабщину всякую читали, да?! А ну отвечай?!

— Ничего мы не читали! Ели мы! Он первый начал!

— Что начал?! — мать в ужасе замерла.

— Говорить начал!

— О чём?!

— Что отец его с мужиком живёт!

— Не поняла. Как это? — от дошедшей, наконец, мысли женщина оторопела. — Так он на самом деле, что ли?!

— Да! — растирая по лицу ладонями слёзы, Борька обиженно смотрел на мать.

— А-а, — она стеклянным взглядом уставилась на сына и словно застыла в оцепенении.

— Мам, ты чего? — Борька перестал плакать и тихонько потрогал её за руку.

Женщина вздрогнула.

— А про этих... ну про этих, ты откуда узнал?

— Мне Валерка с Петькой рассказали, — мальчик стыдливо потупил взор.

— Вот говорила я отцу, что дружба со старшими мальчишками до добра не доведёт. Вот, пожалуйста... — запричитала мать, потом резко остановилась и внимательно посмотрела сыну в глаза. — Боря, ты только больше никому не рассказывай, что мне сейчас говорил. Никому. Ни в школе, ни на улице. А с Санькой помирись! И никогда его отца так не называй! Ты понял меня?! Понял?!

Вдруг ставшее серьёзным лицо матери напугало Бориса. Её голос звучал так, будто он совершил какое-то преступление, а мать пытается сейчас его спасти от неминуемой кары. Борькины глаза расширились, он молчал и только послушно кивал в такт материных слов.

Когда отец пришёл с работы, родители о чём-то долго говорили, закрыв на кухне дверь. Лёжа на кровати в спальне, Борька не мог разобрать ни слова, только слышал их голоса, то громкий с хрипотцой отца, то высокий возбуждённый матери. Отец курил, и запах сигаретного дыма был слышен по всей квартире. Борька помнил только один случай, когда батя курил на кухне —

день смерти деда. Что такого произошло сегодня?

В субботу Санька встал пораньше, чтобы перед уходом из дома случайно не встретиться с отцом или Андреем. Ему всё ещё было стыдно за свои мысли. Он оделся и, потихоньку выскользнув из комнаты, пробрался к входной двери. Не успел Саня надеть кроссовки, как телефон, лежавший в рюкзаке, громко запиликал.

Нашарив рукой аппарат, мальчик не глядя на номер, ответил на звонок:

— Але! — прошипел он в трубку.

— Привет! — услышать с утра голос мальчишки, с которым они вчера катались по полу в гостиной, Саня не ожидал. — Ты выходишь?

— Да, выхожу! — все чувства разом перемешались. Он был зол на Бориса, но и рад тому, что после драки тот первым позвонил Сане. Теперь надо было прояснить всё до конца, сказать Борьке, что тот ошибся с его папкой.

На дворе стоял конец ноября. Листья с деревьев облетели, оголив кривые узловатые ветки. Густая пелена тумана окутывала городские пейзажи, размывая контуры домов и размазывая оранжевый свет фонарей бесформенными пятнами по отсыревшим тротуарам и стенам. Белёные фары проезжающих мимо машин будто выныривали из вязкой темноты и снова проваливались в никуда, оставляя за собой след негромкого рычания мотора.

Борька, укутанный в капюшон синей болоньевой куртки, стоял, как всегда, возле въезда на парковку Санькиного дома.

— Ну что, пошли, — кинул он, когда увидел перед собой худощавую фигуру друга с громоздким неоново-жёлтым рюкзаком за плечами.

Санька кивнул. Мальчики не спеша побрели по дороге в сторону школы. Молчаливое напряжение нарастало. Борька сделал шумный вдох:

— Сань, ты это... Прости меня. Я не хотел.

— Угу, — Саньке так много хотелось рассказать, но он не мог выдавить из себя больше ничего, кроме этого короткого слова.

— Простишь? — Борька повернул к нему голову в ожидании вердикта.

— Прощаю. Только ты это... не говори больше так, ладно?

— Не буду.

После этого случая жизнь потекла своим чередом. Саня и Борька больше не говорили о том, что произошло. Забыли об этом Андрей и Роман. Но внутри Сашкиной души что-то свербело, не давая покоя, мучило и терзало сердце.

С Борькой Саня по-прежнему дружил. Однако Борис всякий раз находил какой-нибудь предлог отказать, когда мальчик звал его к себе в гости. Хотя сам приглашал часто. Санька любил ходить к другу. Он чувствовал, что нравится Борькиной матери. Его отец же был всегда как

будто недоволен и терпел присутствие мальчика в доме. Но Саньку это не сильно смущало, так как Борькин папка много работал и дома бывал нечасто.

С отцом и Андреем отношения наладились. Они, как и в первые дни, стали много времени проводить втроём. Ездили на поезде в Хельсинки, плавали на пароме в Ригу и Стокгольм, катались на горных лыжах в Финляндии, бродили по лесам Карелии и ловили рыбу ранним летним утром на Ладоге.

Иногда Саньке звонила тётя Катя и спрашивалась о здоровье и успехах в школе. Спрашивала, не обижает ли его отец. На это Санька с гордостью отвечал, что папка у него самый лучший. Он всегда интересовался, что у Саньки происходит, как у него отношения с одноклассниками. Про Андрея тётке мальчик тоже рассказывал, но она слушала неохотно и нередко раздражённо бросала короткие ничего не значащие фразы. Что Сашку иногда немного обижало, ведь он прикипел к Андрею и даже стал считать своим другом. Андрей был художником, занимался оформлением декораций для одного известного театра. В свободное время творил в мастерской. Картины у него получались очень экспрессивные, яркие, жизнерадостные. В хорошую погоду он любил рисовать у моря. В такие дни Саня увязывался за ним, и они вдвоём ехали на машине куда-нибудь в безлюдное место. Пока Андрей наслаждался своим творчеством, Санька бегал по берегу и бросал в воду камешки, вдыхая полной грудью свежий морской воздух с запахом тлеющих водорослей.

В школе Саньку хвалили. Мальчиком он был старательным и общительным. Роман не раз рассказывал за чаем после родительских собраний, как хорошо о нём отзываются учителя.

Первый учебный год пролетел незаметно. Лето, вспыхнув порохом, вмиг сгорело, оставив в напоминание на коже золотистый загар. Санька за это время подрос и даже возмужал — стал шире в плечах, а над верхней губой появился едва заметный золотистый пушок.

Сентябрь выдался на редкость тёплым и солнечным. Труппа театра гастролировала по Европе, свободного времени у Андрея было много, и поэтому он частенько ездил к морю, прихватив по дороге Саньку из школы. Борька с завистью смотрел, как белый «Туарег» исчезает из вида, плавно скользя по чёрному полотну автострады. Поначалу Андрей и Санька звали его с собой, но нарушить данное родителям обещание Борька боялся.

В один из таких погожих дней Санька, как всегда, выскочил из ворот школы, где его уже ждал Андрей.

— Привет, чемпион! Как успехи? — озорные искорки сверкали в зелёных глазах.

— Математичка хвалила, говорит, после школы мне надо на матфак поступать! — весело отозвался мальчик, запрыгивая на разогретое солнцем переднее сиденье автомобиля.

— Саня?! — послышался за спиной высокий женский голос. Светловолосая дама средних лет в лёгком коричневом плаще и с квадратной синей сумочкой через плечо подошла к машине. Мальчик её узнал — это тётя Света, мать Юльки, девочки с которой он вместе учится. — Ведь это не твой папа! Ты знаешь этого человека?

Бдительности Юлькиной матери было не занимать.

— Здравствуйте, — Андрей посмотрел на женщину. Но та как будто его не слышала, в ожидании уставившись на Саньку.

— Это друг моего отца, дядя Андрей!

— Не беспокойтесь, всё в порядке! — попытался охладить пыл женщины парень.

— Твой папа знает, что ты едешь с дядей Андреем? — Санька доверял другу отца и никогда не задавался вопросом, знает ли тот об их поездках к морю вдвоём.

Мальчик растерянно пожал плечами.

— Саня, немедленно выходи из машины! — голос бдительной родительницы звучал напряжённо.

— Женщина, что вы завелись, в самом деле? Я всего лишь подвожу мальчика домой!

Но Света уже открыла дверь и вытаскивала за руку ошарашенного паренька.

— Отпустите меня! Он папин близкий друг! — возмущался Санька, пытаясь отвязаться от прилипчивой тётки.

Получив жёсткий отпор, женщина ослабила хватку. Мальчик, поправляя смятый рукав куртки, уселся обратно в кресло, закрыв за собой дверь.

— Настырная! Кто это? Учительница?

— Неа, Юлькина мать из родительского комитета, — пояснил Саня.

— Понятно. Ну что, к заливу?

— Ага.

— Да, вот! — Андрей повернулся, доставая с заднего сиденья ланч-бокс и маленький термос. — Ешь, давай! Голодный, небось?

Сашка, раскрыв коробку, с аппетитом принялся наворачивать здоровенный сэндвич с ветчиной и листьями салата.

Андрей и Санька быстро забыли этот неприятный разговор со Светланой.

Но вскоре женщина напомнила о себе. Через неделю в Санькином классе состоялось родительское собрание. После речи классной и обсуждений предстоящих материальных трат, родители стали потихоньку расходиться. На ступеньках лестницы Романа догнала Светлана.

— Пойдите! Вы же папа Крестовского Саши?

— Да! А в чём дело?

— Мне надо с вами поговорить. Я хотела позвонить, но не решилась, — женщина замялась.

— Я слушаю вас.

— Дело в том, что в последнее время за вашим сыном часто приезжает мужчина. Довольно молодой, на белой машине. Когда я увидела его в первый раз, попыталась остановить Саню. Но он заверил меня, что это ваш хороший друг, которому вы якобы доверяете. Я не хочу строить никаких догадок, но выглядит это всё весьма подозрительно. Вы ничего такого не подумайте. Я просто вас предупреждаю. Время, сами знаете, какое.

Роман сосредоточенно слушал её.

— Спасибо за бдительность, но вы зря беспокоитесь. Всё в порядке. Я действительно просил пару раз заехать своего друга за Саней.

— Всё-таки я на вашем месте обратила бы внимание. А то мало ли...

— Да-да, конечно. До свидания! — Романа несколько удивил тот факт, что Андрей заезжает в школу за Санькой, ведь они живут совсем рядом. Значит, у этих двоих есть какая-то тайна, в которую его они посвящать не собираются. Неприятное чувство беспокойства на доли секунды завладело им.

Вернувшись домой, Роман застал Саньку и Андрея в гостиной. Они с увлечением клеили очередную модель самолёта, выдавливая из рамок пластиковые заготовки.

— Рома, привет! — улыбаясь, кинул из глубины комнаты парень.

— Папка! Ну, что сказали?

— Сказали, что ты у меня молодец! — отец приобнял сына за плечи.

— Ужинать будешь? — Андрей встал с дивана и направился в кухню.

— Да, буду. Только вот озадачила меня одна дамочка, — усаживаясь за стол, Роман внимательно посмотрел на Андрея. — Говорит, видела, что ты не раз забирал на машине Саньку из школы.

— Да, забирал. И что тут такого? — пожал плечами мужчина, ставя тарелку с едой на стол.

— Вроде ничего, но-о-о... — потянул Роман, — по крайней мере, её это насторожило...

— И?

— Да бог его знает! — мужчина взмахнул рукой, в которой держал вилку. — Ладно, давайте забудем.

Однако забыть не получилось. С этого времени Андрей стал частенько замечать Светлану — то возле школы, куда он теперь старался наведываться как можно реже, то возле дома. Казалось, она преследовала его. Он старался не обращать на это внимания, но что-то подтачивало изнутри, каждый раз подкидывая тревожные мысли.

За окном моросил холодный питерский дождик, собираясь на асфальте в огромные грязные лужи. Прозвенел звонок, оповещающий о конце шестого урока.

Нина Ивановна, преподаватель русского языка и литературы, облегчённо вздохнула. Наконец-то её рабочий день закончен. Нет, она любила свою работу, но вести урок на протяжении пяти часов — это адский труд! Дети, в конце концов, всегда остаются детьми. Шумные, непоседливые, с неуёмной энергией молодости. К концу дня их голоса сливались в монотонное жужжание пчелиного роя, отдаваясь в черепной коробке тупой болью. Когда ученики вышли из класса, она прикрыла дверь и, усевшись за учительский стол, достала из верхнего ящика пудреницу и помаду. Раскрыв плоский синий футляр, женщина внимательно стала

разглядывать себя в маленькое зеркальце. Затем движением одной руки она сняла серебристый колпачок с тюбика и нанесла бежево-розовый оттенок на растянутые в улыбке губы.

В эту минуту дверь класса открылась и в кабинет вошла мама Сорокиной Юли из восьмого «А», в котором Нина Ивановна числилась классной руководительницей.

— Здравствуйте!

— А, Светочка! Здравствуйте! — Светлана состояла в родительском комитете, поэтому частенько общалась с педагогом на предмет различных классных нужд. — Вы насчёт доски хотели поговорить?

— Не совсем, — женщину явно что-то беспокоило. — Даже не знаю, как и начать.

— Ну, начните уже как-нибудь, — Нина Ивановна, захлопнув футляр, засунула пудреницу обратно в стол.

— Дело очень деликатное... Касается одного из учеников нашего класса... — Света медлила.

— И кого же? — педагог, открыв классный журнал, что-то внимательно разглядывала.

— Саши Крестовского.

— Саши?! — женщина удивлённо посмотрела на родительницу поверх очков, сдвинутых на кончик носа. — А что с Сашей?

— Надеюсь, что пока с ним всё хорошо. Хотя точно не могу быть уверенной.

— Вы говорите какими-то загадками. Я вас не понимаю.

Взгляд Светланы блуждал по учительскому столу. От волнения она с силой мяла в руках серый шерстяной берет, покусывая губы.

— Дело в том, что, кажется, его отец живёт с женщиной, — тут она перевела взгляд на педагога и уставилась в суровые глаза работника образования советской закалки. — Я понимаю, как это звучит, но надо подумать и о ребёнке, как это всё может отразиться на мальчике, если уже не отразилось.

Боясь собственных слов, женщина тараторила так, что смысл её короткой речи Нина Ивановна уловила не сразу. В воздухе повисла пауза.

Часть 3

Нина Ивановна женщиной была мудрой и рассудительной. Оставить всё как есть, ей не позволял многолетний педагогический опыт, но и трезвонить во все колокола раньше времени она не собиралась. Посему, после долгих раздумий пришла к единственному, на её взгляд, правильному решению.

Когда занятия в восьмом «А» закончились, она остановила Сашу, который уже собирался выйти из класса:

— Крестовский, задержись, пожалуйста.

Санька в недоумении вернулся на своё место. Как только последний ученик покинул кабинет, Нина Ивановна подошла к двери и плотно прикрыла её.

— Чтобы никто нам с тобой не помешал, — пояснила она. — Садись поближе.

Санька послушно пересел на переднюю парту. Классная уселась рядом и, сложив на столе перед собой руки, ласково посмотрела на мальчика.

— Саня, как у тебя дела? — издали начала разговор Нина Ивановна.

— Вроде нормально, — подросток пожал плечами.

— Папа как твой поживает?

— Тоже хорошо, — Саньку удивляла такая забота учительницы о его семье.

— Скажи, Санечка, а вы с папой вдвоём живете?

— Нет. С нами ещё дядя Андрей.

— М-м-м, — губы учительницы вытянулись в трубочку, брови в задумчивости поползли вверх.

— Он что, брат твоего папы?

— Нет, не брат. Друг.

— И давно он живёт с вами?

— Давно. Ещё до моего переезда в Питер.

— Да?! Как интересно, — женщина с пониманием покачала головой.

— А дядя Андрей и папа... как дружат? В чём проявляется их дружба? Прости, Санечка, что я тебе такие вопросы задаю, но это очень важно. Понимаешь?

— Да, — кивнул подросток, хотя ничего толком разобрать не мог. Чего добивается от него Нина Ивановна? — Ну, они всё вместе делают. Готовят там, за продуктами ездят. Даже живут в одной комнате.

— Угу. А ты где живёшь?

— У меня своя. Дядя Андрей, когда я приехал, мне комнату отдал, — пояснил мальчик.

— Ну, хорошо, Саня. А можно я к вам как-нибудь зайду? Ты позволишь?

— Приходите, конечно.

— Ну, иди! — она встала и, подойдя ближе, ласково погладила парнишку по голове.

Никитин сидел в кресле, откинувшись на спинку. Опять в департаменте образования новые порядки. Никак не уймется, сочиняют всё — новые правила, отчёты, графики, журналы. Голова пухнет от нескончаемой фантазии чиновников. Изо всех сил стараются показать свою нужность. Им бы с таким воображением не в Министерстве образования работать, а книжки

писать.

В дверь тихонько постучали.

— Да! — облокотившись на стол, Никитин принял соответствующую статусу позу.

— Сергей Петрович, вы не сильно заняты? — преподавательница русского и литературы неуверенно переминалась с ноги на ногу на пороге директорского кабинета.

— Нет. Проходите, Нина Ивановна! — женщина села на кресло возле стола, который создавал вместе с директорским мебельную композицию в форме буквы «Т».

— Рассказывайте, что у вас? — Никитин уставился на даму безразличным взглядом.

— Дело очень деликатное! — та вся собралась, выпрямляя спину. — В моём классе учится мальчик Саша Крестовский. Так вот, в его семье не всё ладно. Точнее, совсем из рук вон плохо!

— Что-то случилось? — Сергей уже представил, как отдаёт приказ бухгалтерии на оказание материальной помощи семье Крестовских.

— Не знаю. Может, ещё и не случилось, но всё возможно! — своим уверенным видом Нина Ивановна напомнила ему о временах комсомольских собраний. — Дело в том, что его отец... м-м-м, как бы это выразиться... имеет не совсем традиционную сексуальную ориентацию.

Вот это поворот! Разговор переставал быть томным. Директор глубоко вдохнул и откашлялся.

— И что вы хотите от меня?

— Как что?! Сергей Петрович, разве вы не понимаете всей серьёзности ситуации? Мальчик в опасности! Ребёнка надо спасти!

Никитин часто заморгал глазами.

— От чего?!

— От возможного сексуального посягательства! Мальчик живёт вместе с отцом и его любовником! Вы представляете, какой травме подвергается детская психика. А этот мужчина, ну который живёт с его отцом. Его не раз видели с Саней. Ведь мы же не знаем, что там происходит. Может, он развращает мальчика?! Мы же с вами педагоги! Нам нельзя стоять в стороне и равнодушно наблюдать за тем, как ломают судьбу ребенка!

— Н-да... — потянул Никитин, понимая, что машина по достижению всеобщего благоденствия уже запущена. — Нина Ивановна, давайте не будем пороть горячку и по порядку во всём разберёмся!

— Сергей Петрович, может, у нас не так много времени!

— С чего вы взяли, что его отец... кхм... нетрадиционной ориентации?!

— Мне рассказала одна родительница! Конечно, я ей сначала не поверила и решила поговорить с Саней сама!

— С Саней?! Зачем?! — он ошарашенно смотрел на даму.

— Вы не думайте! Я очень деликатно расспросила его о том, что происходит дома. И он мне обо всём рассказал.

— Так! Давайте для начала сделаем следующее, — лицо директора стало серьёзным. Никитин понимал, что если этот разговор вырвется за стены его кабинета, то скандала и разборок не избежать. Возможно, что даже сделают выволочку в департаменте. Пальцы нервно отбивали дробь по полированной крышке стола. Ещё оставалась надежда, что Нина Ивановна ошибается. И вся эта история всего лишь старческая блажь. А если нет? То нужно хотя бы попытаться оттянуть время до того момента, когда это станет достоянием общественности. — Пригласите отца этого самого Крестовского и мы с вами спокойно всё выясним у меня в кабинете. А после уже будем думать. Но до тех пор, Нина Ивановна, прошу держать эту информацию в строжайшем секрете!

— Я вас поняла, Сергей Петрович! — женщина смотрела на директора с нескрываемым восторгом, так, будто речь шла о государственном перевороте, а он был идейным лидером.

Нина Ивановна вышла. Никитин, поднявшись с кресла, подошёл к двери и повернул защёлку. Затем вернулся и, наклонившись, достал из несгораемого шкафа початую бутылку коньяка. Плеснув алкоголь в белую кружку по самую риску, он опрокинул жидкость в себя. Усевшись за стол, Никитин упёрся локтем, положив ладонь на лоб, и уставился в беловато-жёлтую стену. День явно не задался, проблемы сыпались на него как из рога изобилия.

Когда Роман пришёл домой, Санька с порога огорошил.

— Пап, тебя в школу вызывают.

— Почему? Ты что-то натворил? — благоразумие сына никогда не давало поводов думать о том, что Санька может выкинуть какую-нибудь глупость. Но возраст! В переходном периоде от подростка можно ждать чего угодно. — Саня, признайся, что ты сделал?

— Ничего я не делал. Нина Ивановна сказала, что хочет просто поговорить с тобой.

— О чём?

— Я не знаю. Она сказала, что это касается моего будущего, — отец был заинтригован.

— Здравствуйте! Вы хотели видеть меня, — Роман уверенно вошёл в знакомый класс.

— Здравствуйте! — лицо женщины растеклось в слащавой улыбке. — Роман...

Она в ожидании смотрела на него.

— Олегович, — продолжил фразу тот.

— Роман Олегович! Очень рада, что вы так быстро отозвались на мою просьбу. Разговор будет долгий и я надеюсь на ваше благоразумие и понимание. Речь пойдёт об интересах вашего сына. Но я хотела, чтобы в этой беседе принял участие и наш директор. Давайте поднимемся к нему в кабинет. Вы же не против? — Нина Ивановна продолжала натянуто улыбаться, нервно сжимая пальцы рук.

— Нет, не против.

— Тогда пойдёмте, — она повела его по длинному школьному коридору, выкрашенному в бледно-жёлтые тона. На стенах висели портреты учёных и писателей в тонких деревянных рамах, стенд со стенгазетой, нарисованной детской рукой. Кашпо с длинными, словно конский хвост, комнатными растениями располагались по другой стороне между громадными оконными проёмами. Они поднялись по широкой лестнице на третий этаж. В приёмной за компьютером сидела аккуратная женщина с короткой стрижкой и массивными серебряными серьгами в ушах.

— Сергей Петрович у себя? — спросила её учительница.

— Да, у себя.

Женщина заглянула в кабинет.

— Сергей Петрович! Тут Крестовский подошёл, — с заговорщицким видом сказала она.

— Ну, проходите, — Никитин сделал приглашающий жест.

Преподавательница гордо прошагала к столу для заседаний. Роман последовал за ней.

— Присаживайтесь, — директор взял со стола шариковую ручку, крепко сжав её обеими руками.

— Роман Олегович, если не ошибаюсь, — начал он.

— Совершенно верно.

— Сергей Петрович, — Никитин кивнул головой в знак приветствия. — Тут вот какое дело.

Мужчина сделал вдох и с шумом выпустил воздух из лёгких. Немного помолчав, он впечатал ручку в крышку стола так, что женщина, сидящая напротив, невольно вздрогнула.

— Насколько мне известно, вы проживаете с сыном.

— Да, — Роман внимательно вглядывался в грубоватое лицо директора. Широкие скулы, массивный, гладко выбритый подбородок. Небольшие внимательные серые глаза смотрят из-под низких надбровных дуг. Рот крупный, жёстко очерчен тонкой линией белесоватых губ. Волосы зачёсаны назад и открывают взгляду небольшие залысины надо лбом.

— Так вот, — Никитин опять тяжело вздохнул, судя по всему, слова давались ему нелегко. — Я ни в коем случае не хочу вас в чем-то обвинять или, тем более, осуждать, но до нас дошла информация, что вместе с вами проживает некий мужчина, которого ваш сын называет дядя Андрей.

Ах, так вот оно в чём дело! Роман напряжённо закусил губы, он никак не ожидал такого поворота событий.

— И что? — он зло сверкнул глазами на директора.

— Мы опасаемся за мальчика. Сами понимаете, как это всё выглядит.

— Нет! Не понимаю! — Роман был раздражён. — Что в этом такого? Живёт и живёт. Вы не

думали, что, может, ему больше негде жить?

— Конечно, думал. Но не слишком ли затянулся визит вашего друга?

— Какое вам дело? И вообще, какое вы имеете право лезть в чужую жизнь?

— В вашу не имею, но вот жизнь и здоровье ученика как физическое, так и психическое — на совести школы в том числе! — голос его стал громче.

— У меня больше нет желания с вами разговаривать! Всё это гадкие инсинуации! — взорвался Роман.

— Вы не кричите! Лучше подумайте о будущем вашего ребёнка! Или вам важнее эти нездоровые отношения?!

— Какие отношения! Вы хоть сами понимаете, в чём пытаетесь обвинить меня сейчас?! Не бойтесь, что я подам на вас в суд за оскорбление чести и достоинства?! — Роман чувствовал себя лисицей, загнанной в угол, которая понимала неотвратимость своей плачевной участи, но продолжала отчаянно сопротивляться.

— А вы не бойтесь?! — Никитин набычился. — Что если правда вскроется, то уже самому придётся предстать перед судом на предмет родительских прав в отношении мальчика?!

— Нет! — Крестовский ошалело улыбнулся, мотая головой. — Нет! Вы не сделаете этого!

— Сделаю, — тихо произнёс Сергей Петрович, кивнув в подтверждение своих слов. — Ещё как сделаю!

Роман плюхнулся на стул и обхватил голову руками, натягивая кожу на висках. Всё происходящее казалось каким-то нереальным. В комнате воцарилось молчание. Нина Ивановна испуганно хлопала глазами, переводя взгляд с Романа на Сергея Петровича и обратно.

Чёрт! Кажется, эта старуха права. Внутри у Никитина всё кипело. Он выяснил для себя, что хотел. Но какими должны быть дальнейшие действия, пока не мог сообразить. Нужно всё хорошенько обдумать. Попросить отца перевести мальчика? Это был, несомненно, правильный вариант, но мозг не хотел на этом останавливаться, продолжая штурм. А что, если подтвердятся догадки старой гримзы по поводу соращения? Ведь его, как представителя школьной администрации, могут привлечь за бездействие. Может, он и выкрутится. Но что, если скандал раздуют? А ведь-таки раздуют. Никитин — следующий кандидат на должность главы муниципального округа и врагов у него немерено. Ну почему эта голубая история случилась именно в его школе? Что, школ по Питеру мало? Ещё эта Нина Ивановна — пережиток советского прошлого. И надо ей выносить сор из избы? А ведь она будет — по старой памяти, с тоской о партсобраниях — долго и со вкусом разбирать кто, кому, чего и как! Надо было ещё два года назад, когда только пришёл в школу, отправить бабку на пенсию! Надо! Но уже поздно об этом думать.

Сергей Петрович молча размышлял, сидя за столом. Его не столько напрягал старший Крестовский, сколько энтузиазм старой учительницы. А если его ещё помножить на кудахтанье мамаш из родительского комитета? От представшей на миг перед глазами вакханалии Никитин зажмурился.

— Предлагаю разойтись! — нарушил тишину голос директора. — Кажется, разговор зашёл в

тупик. Всем надо успокоиться.

Опустошённый беседой Роман поднялся со стула и пошёл к выходу.

Учительницу остановил Никитин.

— Нина Ивановна, задержитесь.

— Да, Сергей Петрович! — нездоровый блеск её глаз настораживал.

— Нина Ивановна, я вас очень прошу не раздувать из мухи слона. А если Крестовский и в самом деле не такой? Стыда потом не оберёшься!

— Как?! — дама смотрела на него широко раскрытыми глазами. — У вас ещё остались какие-то сомнения?! По-моему, всё так очевидно!

— Ну всё-таки, — пытался воззвать к женскому разуму Сергей. — Крестовский открытым текстом не сказал, что голубой. А все эти домыслы — не серьёзно. Ну?!

— Вы просто не хотите в это лезть! — отчеканила педагог. — И вам всё равно, что будет с бедным мальчиком! Знайте, я не разделяю вашей страусиной позиции! Я сама разберусь, если директор не в состоянии этого сделать!

Попытка Никитина уговорить Нину Ивановну никому ничего не рассказывать и тем более не поднимать на рога общественность с треском провалилась.

Появившись на пороге квартиры, Роман, ни слова не говоря, прошёл в кухню. Достав из навесного шкафа над плитой бутылку виски, он молча наполнил до середины пузатенький стакан. Резко выдохнув, стал пить большими глотками содержимое, словно это была вода, а его мучила жажда.

— Ром, с тобой все в порядке? — обеспокоенный Андрей подошёл к другу.

— Нет, — прошептал тот, медленно выдыхая в рукав пиджака. — А где Санька?

— У себя. Уроки делает. Что-то случилось?

— Да.

— Расскажешь?

Роман молча кивнул головой.

— В школе все знают.

— Что знают?

— Все. Про тебя и меня, — Андрей отпрянул, будто Роман плеснул в него кипятком.

— Сейчас разговаривал с директором. Грозится подать в суд на лишение родительских прав.

— За что?!

— За то, что мы не укладываемся в образовательные стандарты! Вот за что! Неправильная у нас семья, понимаешь?! Сплошной разврат и растление!

— А ты что ответил?

— Сказал, что за клевету придётся ответить... знаю, глупо... Но что мне было делать?! Сказать ему, что вы, товарищ, правы во всём? А я пойду, убьюсь об стену, чтобы не смущать ваше благородие своим существованием?! — Роман сорвался на крик. — Что я должен был ему сказать?!

— И что теперь будет?! - потерянный вид Андрея раздражал.

— Откуда я знаю?! — в сердцах выпалил Крестовский.

— Пап! — на крик отца из комнаты вышел Санька. — Что случилось?!

В карих глазах сына читалось удивление.

— Ничего, сынок. Всё хорошо. Проблемы на работе, — соврал Роман, грустно улыбаясь мальчику.

— А-а! В школе ты был?

— Да, сын, был. Ничего особенного, говорили с Ниной Ивановной о твоих успехах. Ты у меня молодец!

— Ну ладно. Тогда я спать пойду.

— Уроки сделал?

— Да.

— Ложись. Спокойной ночи.

Мальчик скрылся за дверью. Мужчины в задумчивости остались сидеть на кухне.

— Светочка, — мать Юли опять сидела в кабинете русского языка и литературы, — я позвала вас сюда как представителя родительского комитета, чтобы обсудить дело Крестовского.

Классная дама под села ближе к родительнице.

— Вы же в курсе всего, что происходит. Вы наша активистка и на вас вся надежда. Я разговаривала с папой Саши, разговаривала с директором. Похоже, ваши предположения не беспочвенны.

— Что, он признался? — Светлана округлила глаза, жареные факты будоражили женское воображение.

— Ну кто же в таком признается?! Но его слова, его поведение — всё говорит в пользу того, что мы правы. Правда, наш директор... — Нина Ивановна вздохнула, — не хочет ничего слышать. Ему обещали через год должность в администрации. Так он уже спит и видит себя там. А школьные дела — хоть трава не расти! Нам с вами надо спасти мальчика!

— Но как?

— Здесь я вижу только один выход. Забрать ребёнка у отца!

— Забрать? Но у него же, насколько мне известно, нет матери.

— Что ж поделать. Лучше детдом, чем вот такое. Вы представляете, каково мальчику? Конечно, может, я сгущаю краски. Но видеть, как его отец занимается непотребщиной с мужчиной... Это ведь какая травма для неокрепшей психики! Я думаю, что нужно составить коллективное письмо от лица родителей нашего класса в попечительский совет, чтобы этим занялись юридически грамотные люди. В этом, дорогая моя, я полностью полагаюсь на вас.

— Я поняла вас, Нина Ивановна, — Светлана согласно закивала головой. — Я сделаю всё от меня зависящее. Составлю письмо, соберу подписи.

— Только ради бога, Света, чтобы дети не знали! Ни к чему травмировать мальчика, ему и так нелегко!

— Конечно, детей сюда вовлекать не стоит.

Светлана вышла из школы с гордо поднятой головой. Она все сделала правильно. Только благодаря собственной наблюдательности, ей удалось раскрыть отвратительную тайну. Теперь оставалось спасти Саню от этой скверны, вырвать из лап папаши и его дружка.

Часть 4

Отношение одноклассников к Сане стало меняться, как ему казалось, без видимых причин. Юля, с которой он сидел за одной партой, почему-то смотрела с необъяснимой жалостью. Другие сторонились, стараясь избегать общения. Третьи глядели враждебно. И только Борька по-прежнему ждал утром у дома, но и с ним творилось что-то неладное. Всё больше дулся, словно сердился на Саню. С каждым днём напряжение в классе нарастало. Дети всё больше и больше чурались паренька, заставляя чувствовать себя изгоем. Нередко Санька слышал за спиной перешёптывания, а когда входил в класс, понимал: притихшие вдруг однокашники говорили о том, что не должны были слышать его уши. Мальчик пытался разобраться, понять, что с ним не так, но всякий раз, когда начинал об этом думать, то не находил ответа.

И без того благожелательное отношение учителей стало ещё лучше. Многие прощали ему то, за что других ругали или делали замечание. Нина Ивановна взяла за правило каждый день спрашивать о его здоровье и домашних делах. Частенько интересовалась, чем он занимается вне школы, куда ходит и с кем дружит. Такая забота, несомненно, была приятна, но, однако, сильно настораживала, ведь другим детям она не уделяла столько внимания.

После уроков Саня и Борька, как всегда, шли домой вместе. Очередная оттепель превратила недавние белые сугробы в огромные лужи, покрывающие тоненькие корочки грязного льда, обнажила ислевшую траву, разбросав по дорогам почерневшие обрывки опавших листьев. Промозглый зимний воздух пробирал до костей, заползая склизкой змейкой под куртку. Дымчато-серое небо, казалось, касается макушек почерневших от сырости деревьев. Полумрак растекался по улицам, укутывая дома едва заметной влажной дымкой. Весь путь от школы до самого дома, Саня думал, как начать разговор с другом на волнующую тему.

— Ты не торопишься? — спросил он Борьку.

— Не сильно.

— Давай прогуляемся по скверу. Разговор есть.

Сердце Борьки ёкнуло от предчувствия неладного. Свернув с тротуара на небольшую аллею, Санька заговорил:

— Борька, скажи, что происходит? Я чувствую что-то не так. Герка с Ванькой перестали со мной разговаривать, когда подхожу к ним, шарахаются, как от чумного. И эта Юлька! Не влюбилась ли часом? Сидит и смотрит на меня своими коровьими глазами, вот-вот заплачет.

— Ну-у-у, не знаю! — Борька растерянно пожал плечами. — Может, и происходит, конечно...

— Борька?! А ну, в глаза посмотри! Ты же знаешь... Вижу, знаешь.

Бледное мальчишеское лицо залила краска.

— Колись, давай, если ты мне друг!

Борис глубоко вздохнул. Не сказать Сане о причине резкой перемены казалось предательством.

— В общем, Юлькина мать с родаков подписи собирает. Недавно к нам домой приходила.

— Какие подписи?

— На лишение твоего отца родительских прав, — выдохнул Борька. — Только ты это! Я тебе ничего не говорил, а то меня мать убьёт! Знаешь, как они с Юлькиной мамкой ругались? Думал, подерутся. После маман мне полвечера внушение делала...

Он виновато посмотрел на товарища.

— Как это? Зачем?

— Чтобы ты с ним не жил. С ним и дядей Андреем. Вот.

— Бред! Почему я не должен с ними жить? — тут Борька поджал губы и замолчал.

— Чего молчишь?! — зло ткнул его Саня. — Выкладывай всё, что знаешь!

— Не могу я. За это мне точно влетит!

— А ну, говори! — Санькин кулак угрожающе навис над головой Борьки, глаза его яростно сверкали, давая понять, что он шутить не собирается. — Если не скажешь, то прилетит прямо сейчас!

— Саня, Саня, — Борька покачал головой. — Ведь если скажу, то всё равно подерёмся!

— Говори же! — прорычал тот. — Ну?!

— Вилки гну! Всё по той же причине, что и тогда у вас в квартире...

— Что? — голос зазвучал тихо.

— А то! Юлькина мать всем растрепала, что твой папаша... голубой. И Нина с ней заодно. Наверное, уже вся школа знает.

— Классная наша?

— Да, классная! А ты другую Нину знаешь? — Борька начинал злиться на себя, за то, что Санька вытащил из него всю эту дрянь.

Саня молчал. Его лицо вдруг помрачнело, осунулось, стало не по-детски серьёзным. Взгляд потух. Плечи опустились, придавая фигуре несвойственную молодому возрасту сутулость. Кисти рук безвольно повисли. Подросток плюхнулся на скамейку. Борька топтался рядом.

— Сань, ну чего ты, а?

Санька тяжело дышал — горло сдавило.

— Врут они все, — едва слышно прошелестели губы. — Он не такой...

— Пойдём уже. Холодно.

Домой идти не хотелось. Как смотреть в глаза отцу после всего, что рассказал Борька? А Андрей? Саньку раздирали противоречия. Вдруг всё-таки правда? И кто виноват в этом? Кто? Для мальчика ответ был очевиден. Это всё он, Андрей! Но нет, не может этого быть. Выдумывают. Наговаривают. То ли от зависти, то ли от злобы. С чего они вообще взяли? Как стыдно-то! Хоть носа в школу не показывай. И что теперь с вытянутой из Борьки правды делать? Обратно в него слов не засунешь! И поделиться, поплакаться некому! Папке не расскажешь, опять расстроится, как в прошлый раз.

Санька до скрежета сжал зубы. Губы затряслись: «Не вздумай разреветься как девчонка! Ты мужик и должен сам справиться с этой идиотской ситуацией!»

— Пошли! — Санька вскочил.

— Братан, ты в порядке?!

— Да, в полном! — горячая волна отчаянья захлестнула.

Такие резкие перемены пугали Борьку. Десять секунд назад он мог поклясться, что Санька вот-вот разрыдается, но сейчас его было не узнать.

Дома Саня старался избегать отца. Ему было стыдно. Стыдно за чужие слова, мысли и поступки. На все вопросы отвечал односложно, потупив взгляд.

В этот вечер мальчик раньше обычного отправился спать. Но никак не мог уснуть. Всё вертелся в кровати: то переворачивался с боку на бок, то ложился на живот, подтягивая правую ногу, то на спину. Сон не шёл. Всякие мысли лезли в голову, сверлили изнутри, царапали, скребли. Его бросало в жар. Горло пересыхало. Хотелось пить. Он вставал и шёл через тёмную гостиную в кухню, неслышно ступая по холодному полу босыми ногами. Возвращался обратно. И всё думал, думал и думал. Почему малознакомые люди лезут в их жизнь? Чего они хотят? Почему возводят напраслину?

Мальчик подошёл к окну и в задумчивости уставился на улицу. Непроглядная питерская ночь, освещаемая цепочкой ярко-оранжевых фонарей, тянущихся вдоль дороги, да разноликие окна высоток, светящимися квадратами застывшие на стенах домов. И за каждым из них своя

жизнь, своя судьба, своя история. Счастливая или не очень. Порой жуткая и трагичная. Где-то там, в их глубине, спрятаны свои секреты, бережно хранимые от посторонних глаз. Где-то любовь и понимание, где-то бушуют страсти, а, может, тихо, едва дыша, окутанная воспоминаниями, со стопкой пожелтевших фотографий, старость ждёт своего конца.

Утром Саня вошёл в класс. Девочки на задней парте что-то тихо обсуждали, косо поглядывая в его сторону. Захихикали. От этого Саньку прошиб холодный пот. Наверное, над ним смеются. Он зло сощурился и прошагал к своему месту. Достав из рюкзака увесистый учебник, с силой швырнул на стол.

Начавшийся урок тянулся целую вечность. Мальчик смотрел на Нину Ивановну, пытаясь уловить смысл её слов, но никак не мог сосредоточиться, прислушиваясь к шёпоту одноклассников, изредка бросая короткие взгляды то на одного, то на другого. Казавшееся раньше родным помещение давило, душило липкой атмосферой тайного сговора. Саньке словно не хватало здесь воздуха. Хотелось поскорее вырваться, подышать зимней прохладой улиц. Напряжение в теле нарастало.

Звонок на перемену отозвался в груди мощными ударами сердца. Наконец-то свобода! Есть время, чтобы перевести дух, хоть немного прийти в себя.

Саня вышел из класса, глубоко вдыхая влажную прохладу, проникающую в коридор из приоткрытых окон. Он подошёл к стенду со стенгазетой и стал вчитываться в тексты, написанные чьей-то аккуратной рукой. Из-за спины послышались низкие голоса:

— Этот, что ли?

— Да! Тихо ты! Услышит.

Он обернулся. Двое пацанов из параллельного класса бесцеремонно разглядывали его.

— Что надо?! — Санька набычился.

— Да так, — скривившись в нахальной ухмылке, ответил один из них. В их взглядах было столько брезгливого пренебрежения, столько чванства и уверенности в собственной исключительности, что в груди заклокотало.

— Чего уставились тогда?! А ну, валите! — ноздри раздулись.

— И не подумаем! Будет нам ещё указывать, что делать! — хмыкнул толстяк. — Скажи спасибо, что тебе ещё с нами в одной школе учиться разрешают!

— Что ты сказал?!

— Что слышал! Таким, как ты, тут не место, понял!

Руки Сани сами сжались в кулаки, больно впиваясь в ладони тонкими пальцами. Удар был молниеносным. Кровь хлынула из носа, моментально покрыв белую ткань рубашки алыми пятнами. Ещё один. Резкий мощный. Санька вложил в него всю свою злость, которая копилась со вчерашнего дня.

— Получай!

— Бей его! — чужие руки крепко обхватили за шею. Санька вывернулся, ударив локтем в подреберье. Толчок в грудь сбил с ног, повалил на пол.

— Ну-ка живо прекратить! — из кабинета выскочила Нина Ивановна. — Что вы здесь устроили?!

— Он первый начал! — шмыгая разбитым носом, ябедничал белобрысый. — Мы просто стояли! А он задираться стал!

— Саня?! — классная выпучила на него белесовато-серые глазки, смотревшие из-за круглых стёкол очков. — Что с тобой сегодня происходит? Весь урок о чём-то мечтал, а теперь решил затеять драку?

Санька виновато молчал, потирая правой рукой штанину брюк. Разве же она могла понять, что он сейчас чувствовал? Как ему тяжело было слышать упрёк?

— Посмотри, что ты наделал! Знаешь, мне придётся вызвать твоего отца в школу! — учительница перевела взгляд на блондинистого подростка в рубашке, измазанной кровью.

— Зачем? — Саня поднял на Нину Ивановну глаза, в которых дрожали крупные капли, вот-вот готовые сорваться с ресниц.

«Зачем?! — хотелось заорать, выкрикнуть ей в лицо. Со всей ненавистью, со всей злобой. — Зачем вы это делаете? Зачем?! Зачем?! Зачем?!»

Слёзы комом застыли в горле. Санька больше не мог терпеть. Понимая, что вот-вот разревётся, он кинулся в класс. Сгрёб в рюкзак с парты свои вещи и опрометью бросился прочь.

— Саня! Пстой! — неслось ему вслед по коридору. Он бежал, не желая оглядываться назад на застывшую в непонимании классную и ошалело уставившихся пацанов.

Часть 5

Серый угрюмый рассвет за окном едва освещал комнату, добавляя неярких красок безликим ночным силуэтам. Андрей открыл глаза. Под боком сладко сопел Ромка. Как же хорошо, когда наступают выходные. Не надо куда торопиться, вскакивать по первому звонку будильника и нестись сломя голову на кухню, чтобы приготовить завтрак и успеть собраться.

По субботам, когда Санька уходит в школу, можно расслабиться, неторопливо потягиваясь в постели, наслаждаться утренней негой, во власти которой ещё пребывает тело. В такие моменты на душе особенно светло и спокойно, и хочется, чтобы эти мгновения не заканчивались никогда.

Андрей осторожно толкнул спящего друга в плечо.

— Вставай, уже утро.

На попытки разбудить его Роман отреагировал коротким мычащим звуком, переворачиваясь на другой бок.

— Ром, ну вставай уже!

— Ага... Сейчас... Ещё чуть-чуть... Пойди пока, завтрак приготовь, — отмахиваясь от

назойливых приставаний, мужчина натянул на голову одеяло.

Андрей, надев спортивные штаны и футболку, поплёлся в кухню. Подойдя к холодильнику, он открыл дверцу и заглянул внутрь.

— Что тебе приготовить? — прокричал он в надежде, что Роман в спальне его услышит.

Но, как и ожидалось, ответа на заданный вопрос не последовало.

— Значит, будешь есть, что дают, — пробурчал Андрей.

Овсяная каша или яичница? Овсянка — полезно, яичница — белок с немалой дозой холестерина. Немного поколебавшись, Андрей склонился в пользу не самого здорового, но вкусного блюда. Поставил на плиту сковороду, налил несколько капель масла, размазав их по поверхности силиконовой кисточкой, и разбил туда четыре яйца. Яичница зашкворчала, брызгая маслом в разные стороны.

— Ага, готовишь! Молодец! — взыгравшая совесть не дала Крестовскому спокойно досмотреть утренний сон. Роман подошёл к Андрею сзади и обнял за талию, положив ему голову на плечо.

— Сыр нарежешь?

— Угу, — Роман нехотя убрал руки и достал из навесного шкафа разделочную доску.

Нарезая тонкими ломтиками сыр, Роман начал разговор:

— Знаешь, беспокоюсь я за Саньку. В последнее время смурной ходит. В глаза не смотрит. Что не спросишь — уставится куда-то в пространство и говорит, не поворачивая головы.

— Я тоже заметил, — вздохнул Андрей. — Меня так вообще чураться стал. Привет-привет, пока-пока. Прихожу домой, а он из своей комнаты не выходит. Сидит там, в стрелялки играет. Раньше мне на кухне помогал, рассказывал, что в школе происходит, а теперь...

Андрей махнул рукой.

— Не нравится мне всё это. Вначале разговор с директором, потом Санька...

— Не переживай так, Ром, может, всё обойдётся, — постарался приободрить друга Андрей.

— Андрюша, как мне хочется верить твоим словам, но моё чутьё подсказывает, что будет хуже.

— Не каркай! Ведёшь себя, как бабка на завалинке. Мы справимся. Я люблю тебя!

— Я тоже тебя люблю, — по лицу Романа скользнула грустная улыбка.

— Ромка, прекрати, — Андрей притянул мужчину к себе и обнял, легко касаясь губ. — Тебе надо расслабиться. Ты слишком напряжён. Хочешь, я сделаю тебе массаж?

— Угу, — кивнул Роман, — у тебя волшебные руки.

— Не только, — шепнул на ухо Андрей, едва улыбаясь краешками губ.

— Андрюшка, — Роман положил ладонь ему на затылок и уткнулся лбом, глядя в зелёные глаза. — Что бы я без тебя делал...

Санька всю дорогу от школы сдерживал душившие его слёзы. Оказавшись в квартире, он скинул с себя кроссовки и куртку. Первые капли предательски упали на пол. Паренёк громко шмыгнул. Не хватало ещё, чтобы увидели, как он плачет. Но, как назло, Санька никак не мог найти свои сланцы, роясь на полочке для обуви.

«Чёрт подери! Куда они могли деться?!» — глаза вновь заволокло пеленой.

Найдя наконец свою пару, мальчик всунул ноги в тапки, и направился было в комнату, чтобы предаться страданиям в одиночестве, как вдруг услышал какие-то странные звуки, доносившиеся из глубины квартиры. Слёзы мгновенно отступили, на смену горечи пришли любопытство и страх. Поначалу, едва различимые, редкие сдавленные стоны слышались всё чаще, становясь громче с каждой минутой. Было очевидно, что эти странные звуки доносились из комнаты отца. Санька осторожно пошёл к двери. В голове мелькали разные ужасные мысли.

Он приблизился вплотную и заглянул в щель, образовавшуюся между косяком и неплотно прилегающим дверным полотном, через которую открывался вид на большую двуспальную кровать. То, что предстало его взору, повергло Саньку в шок. Голова резко закружилась, уводя из состояния реальности в невесомость. Он чуть не ввалился в спальню, потеряв равновесие.

Всё было именно так, как и говорил Борька. Всё именно так, как об этом шептались за его спиной в школе. Именно поэтому его сегодня унизили два урода из соседнего класса. Из-за них! Всё из-за них! Ком снова подкатил к горлу, остро впившись в кадык изнутри. Санька попытался сделать вдох, но грудь словно стянуло тугими ремнями, казалось, лёгкие готовы взорваться от тщетных усилий.

Санька понял, что его обманули — нагло, бессовестно, жестоко. Он попятился назад, мотая головой из стороны в сторону. Его папка и Андрей! Этот Андрей! Это всё он! В барабанных перепонках гулко стучала пульсирующая кровь. Саньке хотелось кричать, но голос пропал. Вместо этого получалось только глухое утробное рычание. Не помня себя, он выскочил из квартиры и помчался, не разбирая дороги, по тротуару вдоль набережной — мимо сквера, мимо новостроек, мимо храма, заставленного лесами, мимо высокого, причудливо выкованного чугунного забора, стучаясь плечами и руками о прохожих, поскользываясь на тонкой ледяной корке, покрывающей брусчатку. Ветер порывами срывал с глаз слёзы, размазывая по щекам. Санька бежал, сколько хватало сил, преодолевая усталость и холодные уколы ветра. Мышцы бёдер и икры горели, лицо пылало, а он все нёсся, не понимая, куда и зачем. Ноги будто сами несли его прочь от внезапно раскрывшейся чудовищной правды, от стыда, чувства беспомощности, ненужности и сквозящего одиночества.

Силы стремительно покидали. Он остановился, с шумом вдыхая сырой воздух, наполненный запахами тлена и выхлопных газов. Слёзы сползали по лицу, скользили по шее, оставляя мокрые дорожки на коже, затекали за воротник, оставляя ощущение неприятного леденящего холода.

Обессиленный и опустошённый, Санька медленно побрёл вдоль высокого ограждения ко входу парка.

Каждый шаг по деревянному настилу моста отдавался глухим стуком. Он остановился на середине и, встав возле перил, посмотрел вниз на зеленовато-чёрную мутную воду, покрывающуюся мелкой рябью от каждого порыва ветра. Глубина манила, звала к себе,

притягивая взгляд, словно магнит. Санька забрался на металлическую конструкцию, вцепившись обеими руками, и наклонился, нависая на полкорпуса над водой. Что ему теперь делать? Как пережить этот позор? Что он скажет Борьке? А тем другим в школе? Но, главное, как он будет жить с осознанием, что его отец...

Перед глазами вдруг опять всплыла развратная картинка. Мальчик с силой зажмурился, будто стараясь избавиться от увиденного, стереть из памяти. Он чувствовал себя глупым маленьким ребёнком, которого запросто обвели вокруг пальца лживые взрослые, перечеркнув раз и навсегда веру в них. Санька вспомнил мать. Её грустное лицо там, в больнице, когда он видел её в последний раз. Вспомнил, как она провела тонкой полупрозрачной рукой по щеке, как в потухших темно-карих глазах дрожали слезы. Вдруг он остро почувствовал, как ему не хватает сейчас её тепла, её прикосновений, её родного запаха.

«Мама! Мамочка, мама! Мне так плохо без тебя!» — Санька стоял над водой, боясь сделать вдох, чтобы не расплакаться ещё сильнее. Рядом не было никого, кто бы смог утешить в эту минуту. Отец предал, променял на Андрея. Или он предал обоих, его и маму? Ещё раньше? Тогда, когда ушёл из семьи? Мама никогда не рассказывала, а Санька и не спрашивал. И сейчас его вдруг осенило, что это из-за Андрея столько бед свалилось на него. И такое чувство злости и ненависти охватило Саньку, что он заорал, громко, истошно, глядя в тяжёлую свинцовую воду канала.

— Эй, парень! А ну, слезь! — грозная фигура в чёрном бушлате надвигалась.

Мальчик спрыгнул с перил, скользнув по охраннику колючим взглядом, и зашагал вглубь парка. Голые деревья упирались узловатыми скелетами крон в мрачное низкое небо. Под ногами шуршал мокрый гравий, кое-где покрытый островками грязного льда. Людей в парке почти не было. Колючий ветер, путаясь в ветвях, покачивал их, издавая противные посвистывающие звуки. Санька уселся на скамейку и, опустив голову, обнял руками колени. Резкий порыв гнева сменился полной апатией. Ему не хотелось абсолютно ничего, и если бы не пронизывающий насквозь холод, заставляющий дрожать всем телом, он готов был сидеть тут вечно, не видя, не слыша, не думая, не дыша. За один короткий миг что-то перевернулось в душе, изменив до неузнаваемости весь окружающий мир. Боль и ненависть кололи и жгли, делая всё вокруг мрачным и безрадостным.

Санька не помнил, как добрёл до Борькиного двора, как оказался на лавке возле парадной. Он долго сидел, уставившись невидящим взглядом куда-то вдаль, не замечая мелькающих мимо людей. Начало смеркаться. Постепенно разгорались фонари, всё ярче освещая детскую площадку и входную металлическую дверь, окрашенную в красно-коричневый цвет. Слез уже не было, казалось, что за сегодняшний день они все вытекли из него. Голова гудела, словно трансформаторная будка. Воспалённые веки жгло, заставляя чаще моргать. Пальцы рук и ног давно заоченели, и Санька их почти не чувствовал. Да и не хотел чувствовать, полностью погрузившись в отрешённое состояние, когда всё происходящее вокруг кажется далёким и нереальным, будто смотришь киноленту из зрительного зала.

— Санька?! Саня! — услышал он Борькин голос, звучавший словно по ту сторону экрана.

Санька увидел перед собой знакомую фигуру в синей болоньевой куртке.

— Сбежал с уроков, ничего не сказал! Я тебя сто раз набирал. Ты чего трубу не берёшь?

- Телефон дома остался, — прохрипел Сашка.
- Ревел, что ли? — Борька вглядывался в отёкшее лицо.
- Нет! — зло огрызнулся тот, — это я так... просто...
- Угу. Из-за Киселя и Толстого расстроился?
- М-м, — Саня понуро кивнул головой.
- И давно ты тут?
- Не знаю, — Санька пожал плечами.
- Меня, что ли, ждёшь?
- Наверное.

Борька сел рядом, широко расставив ноги и опершись руками на бёдра, завертел головой по сторонам.

— О, гляди, это ж Валерыч! — он ткнул Саню в бок. — В том году, как девять классов окончил, ушёл. Помнишь?

— Не-а, не знаю я его.

— Ну, ты, братан, даёшь! Валерыча не знаешь? — Борька громко свистнул. — Валерыч! Здарова!

— Привет, пацаны! Как житуха? — Валерыч протянул руку сначала Борьке, потом Сане.

— Как сам?

— Всё пучком! А у вас, я смотрю, тут полный тухляк. Кошку похоронили? — парень в чёрной куртке, высоких ботсах и чёрной вязаной шапке, натянутой до самых бровей, пристроился к сидевшим на скамейке подросткам. Санька мельком оглядел нового знакомого. Глубоко посаженные синие глаза обрамлены густыми прямыми ресницами, скульптурное лицо с высокими скулами, широковатый короткий нос и крупный рот, очерченный яркой каймой чуть пухлых губ. Валерыч выглядел несколько старше своих семнадцати лет.

— Да не... Тут Санёк в школе одному чмырю нос разбил. Переживает.

— За дело или так, ради порядка? — поинтересовался Валерыч.

— За дело, — ответил вместо Саньки Борис.

— А-а-а. Это ты, что ли, Санёк, у которого папаша пидор?

От этих слов Саньку будто шибануло током. Он вздрогнул, болезненно морщась.

— Тебя кореш твой слил, — пояснил парень, кивая на Борьку.

От негодования внутри поднималась буря. Санька окатил друга гневным взглядом.

— Да не бзди, пацан! — хлопнул по плечу Валерыч. — Я могила. Мне можно. Слышь, может, по

пивасу?!

Парень, вопросительно посмотрев на ребят, полез в карман и нашарил несколько купюр, извлекая их на свет.

— Сань, ты в теме?

Санька вяло похлопал себя по куртке. В правом кармане что-то было.

— У меня только вот, — слабо улыбаясь, он протянул бумажку.

— Лан, сочтёмся. Борька, ты? — взяв из рук Бориса деньги, Валерыч направился за покупками.
— Я мигом!

Когда Валерка скрылся из виду, Борис виновато потупил взор.

— Ты это... прости, что я Валерке натрепал, — он тяжело вздохнул.

— Проехали... — махнул рукой Саня, — чего уж там, и так вся школа шепчется... Одним больше, одним меньше...

— Ты, Санёк, не переживай. Устаканится как-нибудь.

— Ничего уже не устаканится, — горестно выдохнул Саня. — С каждым днём только хуже. Уже и не знаю, как в школу ходить. И домой...

Тут он замолчал, опустив голову и уставившись на сложенные в замок руки. Со стороны улицы доносились звуки проезжающих машин, слышался стук каблучков, звонкие детские голоса долетали с игровой площадки. Возникшее неловкое молчание нарушил Борька:

— Зря. Вон у Лёшки Веселкова из сто пятнадцатой мамаша тоже с бабой живёт...

— И? — брезгливо скривился Санька. — Как Веселков? От радости жопой потолок пробивает?

— Нет, конечно. Ну, живут же как-то. Не у тебя одного такие проблемы!

— Опять тухляк на рожах! Во, глядите! — подошедший Валерыч раскрыл пакет, в котором лежал двухлитровый баллон «клинского», пластиковые стаканчики и пачка разрекламированного хрустящего картофеля. — Чё, потопали? Не здесь же палиться!

— А где?

— Известно где, — Валерка озорно глянул на Саню, — тут недалеко, в соседнем дворе.

Территория детского сада утопала во мраке. Одинокий фонарь у входа выхватывал лишь небольшой пяточок перед дверью, позволяя разглядеть невысокое крыльцо с тремя изрядно стёртыми ступенями.

— Пойдём! Тут есть дыра в заборе! — махнул рукой Валерыч.

Протиснувшись сквозь изогнутые прутья решётки, парни направились в сторону деревянных беседок, находившихся в самом отдалённом углу.

Расстелив пакет, на который водрузили ёмкость с пивом и чипсы, ребята примостились на низеньких скамейках вдоль дощатых стен, выкрашенных ярко-голубой краской.

— Ну что? За знакомство? — Валерка разлил по стаканам пенящуюся жидкость.

В нос ударила острая смесь запахов солода и хмеля. На вкус напиток оказался терпким, с ярко выраженной горчинкой. Санька сделал несколько больших глотков. Только сейчас он ощутил жажду. Приятное тепло растекалось по телу, вовлекая в мягкое кружение. Реальность отдалялась. Словно издалека Сашка услышал голос Валеры.

— Да-а, Санёк, тебе не позавидуешь. Жить под одной крышей с пидорами стрёмно.

— Угу, — Санька вяло кивнул, опрокидывая в себя остатки пива.

— Ещё?

— Давай!

— Что делать собираешься?

— Хер знает! Что тут сделать можно?

— Ну-у-у, не знаю... — потянул Валерыч, почёсывая лоб под шапкой. — Вот Гелка... Знаешь Гелку?

Он повернулся к окосевшему Борьке.

— Ну, такая вся расфуфыренная из третьей парадной... Ну?

— А-а-а, вспомнил! Мамашка у неё ещё каждый раз с новым мужиком ходит, — оживился Борис.

— Не, братан, вот тут ты неправ! — Валерка, глотнув прямо из горла, погрозил пальцем. — Ходи-ла. Понял, хо-ди-ла. Бушь?

— Лей!

— Так вот, Гелка... Она, знаешь, Санёк, что сделала?! Знаешь?! Не-е-е, не знаешь... А я тебе сейчас расскажу! Вот! Значит, привела Гелкина мамашка очередного хахала на жилплощадь. Ну, тот, понятное дело, с мамкой шпили-вили. Бывать у них стал часто. Прописался почти. А Гелка херакс! И западня! Мамка её больше мужиков к себе ни-ни. А знаешь, что придумала? Она мне сама рассказывала... Когда мужик этот у них был, маман в магаз решила по-быстрому сгонять. А Гелка вся такая в одном халатике к мужику этому подседа и... На-а-а! — тут Валерыч рывком распахнул полы расстёгнутой куртки. — Мамаша ее нарисовалась. Что было! У-у-у... Гелке, конечно, тоже досталось. Но мужика того мать гнала ссаными тряпками!

— И чё? — перед глазами плыло. Санька едва мог сфокусировать взгляд на раскрасневшемся лице нового знакомого.

— Как чё, Санёк? Не догоняешь? Если твой папашка и этот мужик посорятся... Ну?! Допёр?

— Не-а, не допёр!

— Ну ты и дебил, Санёк! Извини, конечно! Пацан ты классный, но деби-и-ил!

— Сам ты debil! — Санька попытался затеять драку, неловко толкнув Валерыча в грудь, но едва удержался от того, чтобы не свалиться со скамейки на деревянный настил веранды.

— У-у-у, да ты в сиську нахерачился ! Давай, домой вали!

— Не пойду я туда больше!

— Дурак совсем? На улице спать собрался? Бомжарой стать хочешь?! Пошли давай! — Валерыч подхватил пьяного Саньку под руку. — Борька, помогай!

Кожа на лице у Саньки онемела, собственные прикосновения едва чувствовались, будто это было не его тело. Яркий свет фонарей неприятно слепил, заставляя щуриться. Земля под ногами куда-то ускользала, норовя сбросить в чуть подмёрзшую грязную жижу. Санька будто плыл, преодолевая сопротивление вязкого холодного воздуха, повисая на костлявых руках друзей. Он с трудом понимал, куда они его тащат. Возле калитки Санькиного дома требовательный голос заставил собраться.

— Номер квартиры у тебя какой?

— Номер... пятьсот... двадцать... не-е-е... тридцать семь...

Валерка ткнул несколько раз в клавиатуру пальцем. Домофон неприятно загудел.

— Кто? — послышался из динамика мягкий баритон.

— С-с-сука! — злобно просвистел Санька.

— Кто, я не слышу?

— Я, я! — рыкнул в микрофон подросток.

— Саня?! Заходи!

Послышался противный писк, зелёная лампочка на панели замигала.

Когда дверцы лифта распахнулись, на пороге открытой квартиры Саньку ждал Андрей.

— Саня! Ты где был?! Мы чуть с ума не сошли!

Окатив мужчину пренебрежительным взглядом, Санька устремился внутрь. Желудочный спазм колючкой подкатил к горлу.

— Саня! — закрыв за мальчиком дверь, Андрей ошарашенно уставился на него. — Ты что, пьян?!

— Отвали, пидор! — почувствовав, что его сейчас вырвет, Санька поморщился и опрометью кинулся в туалет.

— Что?! — шокированный словами Андрей застыл в оцепенении. Дошедшие до сознания слова больно ударили грубой правдивостью, оставляя неприятное чувство тревоги.

Запиликавший в руке телефон, нарушая тишину жалобными трелями, вывел из состояния ступора.

- Да!

Это был Роман.

— Его нигде нет! Я иду в милицию!

— Не надо в милицию! Он дома. Только что пришёл.

— Фу-у-ух, — облегчённо выдохнул на том конце голос.

— Только...

— Что?! Что с ним? — Роман снова заволновался.

— Кажется, он выпил.

— Как выпил? Он что, пьяный?!

— Ну, да.

— Где сейчас? — напряженно спросил Ромка.

— Блюёт в туалете.

— Вернусь, я ему задам!

— Не надо, Рома... — Андрей нервно покусывал нижнюю губу. — Знаешь, он назвал меня пидором. Думаю, всё из-за этого.

Часть 6

В квартире было темно и тихо. Санька, проторчав около получаса в ванной, ни слова не говоря, демонстративно прошёл мимо Андрея, не обращая на него ни малейшего внимания, и заперся в комнате. Романа всё не было. Наверное, в поисках сына он забрёл слишком далеко.

Андрей сидел в кухне, положив голову на стол, и смотрел на светящееся в темноте окно. Чувство вины душило его. Наверное, во многом, что сейчас происходит, виноват именно он. В памяти всплывали картины прошлого. Он помнил и бережно хранил всю историю их с Романом любви в мельчайших подробностях, начиная с первого дня знакомства. Перед глазами снова проносились события четырнадцатилетней давности. Они мелькали, словно кадры старой доброй киноленты, заставляя сердце сладко сжиматься от воспоминаний о днях ушедшей молодости.

После окончания университета Роману очень легко удалось устроиться на работу в солидную нефтяную компанию. Знакомые удивлялись, некоторые даже завидовали. Корпоративная этика предприятия была очень похожая на то, как ведут себя представители западных стран. Здесь было принято улыбаться всем и всегда. Руководство насаждало идею сплочённости команды, говоря, что все делают одно большое дело. Поэтому доноительство в профессиональной среде считалось делом благородным, а

сокрытие ляпов своих коллег непростительным преступлением, за которое могли наказать рублём или даже попросить написать заявление по собственному.

Работали остервенело, с утра и до закрытия движения городского транспорта. Иногда без праздников и выходных. В такие периоды Ромка переставал различать дни недели. Жизнь была бесконечной чередой напряжённых рабочих будней, и только подведя курсор к правому нижнему углу экрана, он мог хоть как-то ориентироваться во времени. Такой сложный рабочий график психика выдерживала с трудом, и поэтому нередко он и его коллеги срывались на пьянки, наплевав на все сроки, забурившись в ближайшее питейное заведение. Но на следующее утро, опять тащились в ненавистный офис заколачивать бабки для любимой конторы.

Школьная подруга Крестовского, Ритка, смеялась, говоря, что Роман одержим жаждой наживы. Она всячески пыталась вытащить бывшего одноклассника на молодёжные тусовки, зная, что Ромка, в отличие от многих, неплохо зарабатывает и с ним можно хорошо покутить. Иногда он поддавался уговорам неумной авантюристки. Ритка отличалась весёлым нравом и была особой весьма общительной, каждый раз приводя его в новые компании.

Каким ветром выпускницу нефтяного университета занесло в общежитие художественно-графического факультета пед.универа, можно было только догадываться. Но тусовка подобралась интересная, можно сказать, богемная. Помимо студентов худграфа, здесь были балетные девочки, глупо хихикавшие после бокала выпитого шампанского, рыжий болтливый аспирант Глеб с филфака и быковатого вида парни с физкультурного.

Роман удобно устроился на кровати между двумя длинношеими грациями, с собранными на затылке в пучок волосами.

— А вы что, прямо-таки балерины? — непринуждённая остановка общажной комнаты располагала к открытому общению.

Девчонки, озорно глядя на симпатичного кареглазого брюнета, заулыбались, передразнивая:

— Прямо-таки да, балерины!

— И что, правда в театре танцуете?

— Ага! В театре. Приходи, посмотришь.

— Приду, раз приглашаете. Контрамарку сделаете?

— Хорошему человеку можно и контрамарку сделать, — сощурилась светленькая зеленоглазая Ирка, кокетливо улыбаясь. — А ты здесь учишься?

— Нет, девоньки, я человек от искусства далёкий. Левополушарный. Отчего излишне прагматичен и склонен к наживе, — Роман потянулся к столу и, ухватив с тарелки кусок колбасы, лихо отправил его в рот.

Весело хохоча, в комнату ввалились несколько парней в сопровождении Ритки.

— Знакомьтесь, — возвестила она. — Стас, Альберт и...

Девушка обернулась к парню, стоявшему позади всех. В отличие от других, он был спокоен и

даже немного скован.

— Андрей... — чуть слышно подсказал тот.

— И Андрей! Юрик, почему ты мне не говорил, что у тебя такие симпатичные соседи?

— Ритусь, так ты и не спрашивала! — Юрка был вечным студентом и к двадцати трём годам смог доплыть только до третьего курса. — Заходите, пацаны! У меня сегодня днюха!

— Поздравляем! — Стас, самый бойкий из всех, уселся к скромному праздничному столу. — Берт, Андрюха, чего там стоите?

Парни подошли ближе. Гостеприимный хозяин, попросив потесниться физкультурников, похожих друг на друга как братья-близнецы, налил вновь прибывшим в стаканы дешёвой водки. Альберт уселся между спортсменом и товарищем. Андрей же остался стоять, прислонившись к стене.

Ворвавшаяся ураганом в соседскую комнату Ритка, отправленная на поиски штопора, заметила троицу хорошеньких мальчиков и уговорила их зайти на праздник. Вечно голодные студенты упустить такой шанс не могли. Несмотря на сопротивление тихони соседа, они всё-таки уломали его не расстраивать девушку отказом и присоединиться. По всему было видно, что парень чувствовал себя неловко в малознакомой компании. Что-то было в нём странное, притягивающее взгляд. Он стоял как раз напротив Романа и тот с интересом разглядывал изящную фигуру с тонкими покатыми плечами, узкое лицо с заострённым подбородком, бледные, почти белые губы, застывшие в полуулыбке, и лукавые зелёные глаза, на которые падала длинная золотистая чёлка. Андрей, почувствовав интерес со стороны незнакомого брюнета, бегло взглянул на Романа. От этого взгляда в груди будто кольнуло. Выпив залпом очередную порцию водки за здоровье именинника, и извинившись перед девочками-танцовщицами, Роман вышел на общую кухню покурить.

Кухня представляла собой просторное помещение с четырьмя старыми газовыми плитами, выстроенными возле стены. Пол был выложен метлахской коричневой плиткой, в которой кое-где зияли геометрической формы дыры, открывающие вид на бетонную стяжку. Стены, наполовину покрашенные побелкой, наполовину — ядовито-зелёного цвета краской, местами облупились и отсырели. Небольшой замызганный стол, накрытый стёртой по углам клеёнкой с аляповатым рисунком, довершал убогую обстановку.

Роман подошёл к окну и, пристроившись на широком подоконнике, закурил, выпуская дым в открытую форточку.

— Сигаретой угостишь? — на пороге кухни стоял Андрей.

— Угу, — Роман достал пачку, протягивая её навстречу. — А ты на каком курсе?

— На втором, — несколько раз чиркнув зажигалкой, Андрей закурил. — Ритка — твоя девушка?

— Не. Подруга детства.

— Сам где учишься?

— Отучился уже. Работаю.

— И где, если не секрет? — стряхивая пепел в консервную банку, приспособленную в качестве пепельницы, спросил Андрей.

— В нефтянке.

— Круто...

Повисло молчание. Роман уставился в окно, наблюдая, как по освещаемой последними лучами заходящего солнца дороге, громыхая колёсами, медленно ползёт трамвай, заворачивает со скрипом на соседнюю улицу и останавливается напротив приземистых двухэтажных деревянных домиков. Старинных, с покатыми ржаво-коричневыми крышами, утопающих в едва проклюнувшейся молодой листве деревьев, растущих вдоль обочины. Видно, как на западе догорает заря, очерчивая светящимися контурами на сиренево-розовом небе тяжёлые лилово-серые тучи, делаю их невероятно объёмными и контрастными. Воздух напоён свежими майскими ароматами. В них слышится запах разогретой земли, городской пыли и грозových дождей, идущих где-то вдалеке за линией свинцовых облаков.

— Может, прогуляемся? — сидеть в душной тесной комнате общаги больше не хотелось.

— Можно, — Андрей согласно кивнул.

— Тогда я за курткой. Жди меня на крыльце.

— Ладно.

Распрощавшись с именинником, под разочарованные возгласы всей компании Роман, подхватив ветровку, торопливо спустился по лестнице. На ступеньках у входа он увидел тонкую фигуру нового знакомого.

— Ну что, пойдём?

Андрей молча кивнул в ответ.

Так приятно медленно шагать вслед заходящему солнцу, когда тусклые лучи, низко скользящие по земле, создают радужное мельтешение в глазах, пробиваясь сквозь ветви деревьев, а ласковый майский ветерок, путаясь в волосах, нежно щекочет кожу своим прикосновением. И становится так хорошо, что кажется, будто время замерло на месте, и нет ничего, кроме этого чудесного весеннего вечера в декорациях старых узких улочек.

Откуда-то издалека послышались раскаты грома. Внезапный порыв ветра поднял столб пыли, обдавая песчаной волной. Резко набежавшие тучи затянули небо, розовеющее последними всполохами солнечного света.

— Сейчас ливанёт! Побежали! — крикнул Роман.

Первые тяжёлые капли ударили о землю, расплзаясь тёмными влажными точками по светло-серой дорожной пыли. Они сыпались сверху всё чаще, били по лицу, падали на голову, плечи, спину, мгновенно впитываясь в волосы и ткань одежды. Вскоре дождь хлынул сильнее, вбиваясь мощными струями в асфальт, мгновенно наполнив бурлящими потоками ложбинки водостоков, пенясь в возникших за считанные секунды лужах. Улица моментально опустела. Вокруг, казалось, ни души, и только громкая дробь по жестяным кровлям, сквозь мерный шипящий заполняющий пространство белый шум.

— Давай под крышу! — парни, перескакивая через лужи, побежали в сторону заброшенного дома.

Одним прыжком преодолев три ступеньки, Роман оказался на деревянной веранде. Пахло ветошью, разбухшими от влаги прогнившими досками и сырой, напоенной дождевой водой землёй. Заскочив следом, Андрей обхватил себя руками и судорожно засмеялся:

— Во даёт! Льёт как из ведра! — он дрожал, пытаясь согреться, растирал предплечья руками.

— Что, замёрз? — прохрипел улыбающийся Роман. Со слипшихся сосульками волос, ставших от воды чёрными, на его лицо скатывались крупные капли.

— Не... Нормально... — не в силах унять дрожь, выдавил Андрей. Мокрая одежда облепила его хрупкое тело, делая похожим на подростка. Он выглядел таким жалким и растерянным, что Роману захотелось согреть его, закрыть от дождя, спрятать от всех невзгод.

— Иди сюда, ты весь дрожишь, — прошептал Роман, схватив ледяную ладонь парня. Притянув к себе, он крепко прижал Андрея к груди, закутывая в полы распахнутой куртки. Их тела соприкоснулись, давая почувствовать тепло другого человека. От этого бросило в жар. Перестав дрожать, Андрей застыл, уставившись стеклянным взглядом в стену. И только частое прерывистое дыхание выдавало его волнение.

Роман поймал себя на мысли, что пристально разглядывает его лицо. Высокий лоб, изогнутая линия тёмных бровей, светло-зелёные глаза, очерченные серой каймой, будто что-то рассматривающие за его спиной. Взгляд скользнул ниже к подбородку. Изящный изгиб тонких губ... Вокруг словно всё поплыло, растворяясь в звуках первого майского ливня.

Одно невесомое касание, и они уже не понимали, что происходит, поддавшись внезапному сладостному порыву. Их руки ласкали и нежили друг друга, забираясь под одежду, с шелестом скользили по влажной коже. Горячие волны накатывали одна за другой. Они словно утонули в этом сказочно прекрасном мороке, забыв обо всём. Объятия становились теснее, будто их тела пытались слиться воедино, стать одним целым. Наваждение, скрытое за пеленой дождя, увлекало за собой, засасывая в пучину запретных желаний. Пустота заброшенного дома разом наполнилась будоражащими воображение глубокими вздохами... Это казалось невероятным.

То, что Андрей представлял в мечтах, происходило наяву. Его целовал высокий красивый брюнет. Когда он увидел Романа, тот сразу ему понравился.

Андрею нравились многие парни, он даже влюблялся. Это было его личным, сокровенным. Он никогда и ни с кем не делился, ни на что не рассчитывал и не надеялся, понимая, что если кто-то узнает, то его жизнь превратится в кошмар. И вдруг такое! Тело будто плавилось, оказавшись во власти сильных рук, желало томительной ласки, благодарно отвечая на каждое прикосновение. Он был готов отдаться этому красавцу здесь и сейчас, не задумываясь о том, что будет, без сожаления. Раствориться в этом дождливом вечере, оставив навсегда в памяти Романа, как своего первого мужчину.

«Что я делаю? — промелькнуло в голове Романа. — Это же парень!»

Он резко отстранился, оттолкнув от себя млеющего от желания Андрея, и пристально посмотрел на него.

— Что? — Андрей встrepенулся, его взгляд был полон тревоги. — Ты...

Роман замотал головой:

— Бред! — он отступил, опуская глаза в пол. — Мне пора...

Сердце kloкoтaлo в гpyди, гoтoвoе выпрыгнуть через горло. Роман опрометью кинулся прочь. До него дошёл ужас всего происходившего. Он знал, как это называется, но всегда думал, что его это не коснётся. Никогда. И тут внезапное помешательство, наваждение.

Дождь прекратился, и на асфальте застыли огромные лужи, отражая своей мутноватой поверхностью проглядывавшее из-за туч розово-сиреневое закатное небо. Роман шёл быстрым шагом, не зная, куда и зачем, лишь бы подальше от этого позора. Как он мог? Как? Он, Ромка Крестовский, который щёлкал девчонок, как орехи. Слышавший на курсе жутким бабником — и вдруг такая осечка. Какой стыд! Он ведь чувствовал, как потяжелело внизу живота, наливаясь желанием, и был готов сделать с Андреем всё. Ещё немного, и это бы произошло. И что тогда? Нет! Только не это. Но ведь было! Было! Роман понял, что не сможет сегодня заснуть. Надо было сделать что-то, что бы реабилитировало его в собственных глазах. Исправить досадную оплошность. Доказать самому себе, что он не... Его разум блокировал слова, подходящие для описания подобного сексуального поведения. Ромка достал телефон и стал листать записную книжку, судорожно вспоминая всех барышень, которые были в ней записаны. Его взгляд остановился на имени «Дашка».

Дашка — его одноклассница, рыжая смешная девчонка. На первом курсе у них даже случился небольшой романчик. Потом, правда, Роман увлёкся другой девицей, потом третьей. А Дашка, кажется, была по уши в него влюблена. До самого выпускного томно поглядывала на него. Он частенько пользовался её расположением, прося списать лабу или очередное задание по практике. Парочка комплиментов, и Дашка была готова на что угодно. И сейчас он вспомнил именно её, она не должна отказать. Роман нажал вызов. Только бы взяла трубку.

— Алло, — послышался мелодичный девичий голос.

— Дашка, привет!

— Рома! — она явно обрадовалась. Кажется, ему сегодня обломится.

— Как дела? Сильно занята?

— Всё хорошо. Не особо.

— Может, прогуляемся?

— Поздно уже.

— Ну, тогда давай я приеду. Столько времени тебя не видел. Соскучился жуть как! — девушка захихикала.

— Ну приезжай!

— Ты всё там же? Не переехала?

— Там же!

— Всё понял! Буду через полчаса! Ну, пока. До встречи!

Даша жила одна в квартире, которая досталась ей после смерти бабушки. Прихватив по дороге вино и конфеты, Роман ввалился к ней в половине одиннадцатого вечера и остался до самого утра. Напрочь позабыв про презервативы, он брал её раза три за ночь, абсолютно не думая о последствиях, лишь бы забыть то, что случилось с ним в заброшенном доме.

После этой ночи Роман стал частенько захаживать к Дашке. А спустя два месяца, перебрался к ней жить. Но воспоминания об Андрее всплывали в сознании всё чаще. Отчего-то Роман чувствовал себя виноватым перед этим парнем. Испуг застыл в зелёных глазах, когда оттолкнул его от себя. Андрей выглядел таким жалким и беспомощным, что Роману становилось жаль его и от этого щемило сердце. Чувство вины росло с каждым днём, не давая спокойно жить. Решение пойти и попросить прощения возникло само собой, но непонятное тревожное чувство удерживало от опрометчивого шага.

Ноги будто сами привели его сентябрьским вечером к зданию художника. Воздух был наполнен последним дыханием осени — ароматом тлена с нотами отсыревшей коры и кленового сока. Ярко-жёлтые упругие резные листья шелестели над головой, осыпались вниз, кружа в воздухе, тихо падали на землю, теряясь среди тысячи других, таких же солнечных, ещё напитанных влагой. И от этой картины умирания природы на душе становилось светло и грустно.

Роман сидел на скамейке, нервно затягиваясь очередной сигаретой. Он не был уверен в том, что встретит сегодня Андрея, но каким-то шестым чувством знал: встреча должна состояться.

Примерно через час он увидел знакомый художавый силуэт с узкими покатыми плечами. Парень шёл по аллее вдоль корпуса университета, неся в руке большую коричневую папку.

— Андрей! — окликнул его Рома.

Молодой человек вздрогнул. Он никак не ожидал увидеть Романа снова.

Рома вскочил и быстрым шагом приблизился. Отчего-то хотелось спрятать глаза, не смотреть. Зачем он пришёл?

— Андрей, привет! — подойдя совсем близко, Крестовский протянул руку.

— Привет, — юноша неуверенно пожал раскрытую навстречу ладонь.

— Хотел поговорить. Есть время? — Андрей молча кивнул.

— Знаешь, ты прости меня за тот вечер.

— Я уже забыл, — едва шевеля губами, произнёс он. Это была ложь. Андрей не мог забыть Романа. С того самого дня, как кареглазый брюнет так вероломно ворвался в его личное-сокровенное, Андрей жил воспоминаниями, каждый раз мысленно возвращаясь к тому поцелую в старом заброшенном доме. Рома стал самым дорогим, бережно хранимым секретом, от которого так сладко заходило сердце.

— Андрюх, с тобой всё хорошо? — лицо юноши стало слишком бледным.

— Да. Всё отлично. Ты зря пришёл. Не стоило, — конечно, не стоило, ведь когда он вновь увидел Романа, то у него появилась робкая надежда на то, что едва ли может сбыться.

Глядя на Андрея, Ромка ощутил, как всё внутри вдруг сжалось, затрепетало, как тогда. И ему снова захотелось взглянуть в светло-зелёный омут глаз, почувствовать телом его тепло. Он гнал от себя эти мысли, но они не исчезали, всё явственнее рисуя в воображении картины запретного.

— Может, пройдемся?

— Ты... ты... правда хочешь этого? — Андрей повернулся к нему, удивлённо вскинув брови.

— Идешь?

Они зашагали по аллее в сторону парка. Роман шёл рядом. Андрей мог видеть его, слышать любимый голос и от этого всё внутри наполнялось счастьем.

Часть 7

Через неделю, выходя из университета, Андрей издали заметил бродившего взад и вперёд по аллее Крестовского. От этого на душе потеплело. Роман нервно курил, поёживаясь от холода, вглядывался в лица прохожих. Сердце Андрея застучало, отдаваясь гулкими ударами в барабанные перепонки. Тот, увидев юношу помахал рукой. Лицо Вересова само собой расплылось в счастливой улыбке. Он никак не мог поверить в то, что Рома снова пришёл. Всё его существо ликовало.

С этих пор они стали встречаться раз, а то и два в неделю. Медленно прогуливались по старым улочкам с обветшавшими двухэтажными домами, по парку, облачённому в медно-ржавый наряд листвы, иногда заходили греться в небольшие уютные кафе, и разговаривали обо всём: о музыке, книгах, об увлечении Андрея живописью, о работе Романа. Много шутили, вспоминали интересные истории из детства и школьные годы. Но никогда больше не говорили о первом дне их знакомства, словно это была запретная тема. Ромка замечал, как Андрей кокетливо поглядывает на него, как отводит глаза, когда они встречаются взглядами, как заливаётся краской, когда их руки случайно соприкасаются. И ему это нравилось до такой степени, что он чувствовал, как по телу растекается приятное томление. Роман старался гнать от себя такие мысли, оправдывая своё желание видеться с Андреем тем, что они друзья и ему просто интересно в компании этого парня. Ведь с ним можно поболтать о том, что Дашка вряд ли поймёт, отдохнуть в мужской компании от надоевшего уже семейного быта.

Когда Дашка сказала, что беременна, Роман обрадовался и, недолго думая, сделал ей предложение. И теперь, встречаясь с Андреем, испытывал непонятное чувство вины. Отчего-то ему было стыдно признаться, что совсем скоро они с Дашкой пожениются. Приглашать друга на свадьбу он не спешил, да и надо ли? Ведь они хоть и знакомы полгода, но тесно общаться стали совсем недавно. Может, потом, после, он всё расскажет и Андрюха поймёт. Они отметят это событие в каком-нибудь кабаке, и ничего в их жизни не изменится. Да и, вообще, разве женитьба Романа может как-то повлиять на их дружбу? Позже, возможно, Крестовский познакомит Дашку с Андрюхой и всё будет замечательно. Но было в его рассуждениях что-то неправильное. Он чувствовал это, понимал, но отказывался принять.

Свадьбу отгуляли на ура. Всё было как положено. Машина с кольцами на крыше, ЗАГС, родственники, цветы, поздравления, фотосессия с голубями и банкет в ресторане. Родители Дашки погибли в автокатастрофе, поэтому самой близкой для неё была старшая сестра Катя, которая и помогла организовать торжество.

Виктор, Катин муж, показался Роману скользким типом. Было в его внешности и жестах нечто неуловимо отталкивающее, неприятное. Невысокий, коренастый, с грубоватыми чертами лица. Цепкий, колкий, настороженный взгляд серых глаз, бегло разглядывающий гостей, останавливался чуть дольше положенного на красивых девушках. По лицу Виктора сложно было определить, о чём он думает, что чувствует. Голос ровный, спокойный. Русые волосы зачёсаны назад так, что открывают небольшие залысины над висками. Как Роман узнал позже, Виктор работал в милиции.

Сама же Катя, не походя на свою младшую сестру, обладала выразительной внешностью. Была выше среднего роста. Черты лица крупные, чёткие, правильные. Профиль, словно срисован со скифских ваз — красивый, ровный, с тяжеловатым для женщины подбородком. Голубые пронзительные глаза смотрят по-доброму из-под широких тёмно-русых бровей. Светлые волосы собраны на затылке. Было в её облике какое-то величие, особая стать, выделявшая из толпы прочих. Она Дашке была вместо матери. К ней Ромка сразу проникся симпатией.

Но вот самой Кате новый родственник пришёлся не по душе. Для неё было в Роме нечто настораживающее. Каким-то бабским чутьём она знала, что не будет Дашке счастья рядом с этим человеком. Пыталась даже поговорить с сестрой, понимая, что растить ребёнка без отца тоже несладко. Но об аборте речи быть не могло, Дашка всем сердцем хотела этого малыша.

После свадьбы жизнь завертелась по-новому. Молодая жена на сносях чувствовала себя всё хуже и требовала к себе всё большего внимания. Ромка закрутился в водовороте последних событий, не находя времени для встреч с Андреем. Но постепенно как-то всё улеглось, и к концу ноября он вспомнил о друге.

— Алло! Андрюх, привет! Как жизнь?

— Привет! Неплохо. Куда пропал?

— Дела были. Может, сходим куда-нибудь? Посидим. Я тебе последние новости расскажу. Ты вечером свободен?

— Да. Я с радостью.

Встретиться договорились у Гостинки. Роман пришёл первым. На улице уже стемнело, и фонари ярко освещали площадь. В воздухе, искрясь под желтоватым светом ламп, плыли снежинки. К запаху мороза примешивались ароматы ванили и кофе, доносившиеся из кофейни, расположенной на углу. Снег сыпал сверху, хрустел под ногами, запорашивал чёткие контуры следа, оставляемого ботинками. Пытаясь согреться, Рома решил закурить.

— Привет! — широко улыбаясь, Андрей коснулся плеча друга, пытавшегося зажечь сигарету.

— О, Андрюха! Привет! — Роман обнял юношу, похлопывая по спине. — Куда пойдём?

— Куда скажешь.

— Отлично. Предлагаю в «Таверну». Есть повод выпить!

Андрей смотрел в карие глаза. Его переполняла нежность, которую хотелось дарить только ему, своему Ромке. Как же он соскучился за эти несколько недель! Он ждал его каждый вечер, искал глазами в толпе прохожих возле университета. Сердце всякий раз заходило сумасшедшим ритмом от телефонного звонка в надежде, что сейчас услышит знакомый хриловатый голос. Андрей закрывал глаза и пытался вспомнить каждую чётточку любимого лица, рисовал на бумаге, чертил пальцем на замёрзшем окне первую букву его имени. И когда Роман позвонил, радости не было предела. Андрей перебрал все вещи, думая, что наденет на свидание. Придирчиво разглядывал себя в зеркало, мысленно сетуя на то, что не успел вовремя сделать стрижку. Он торопился, боясь опоздать. Придя на полчаса раньше, бесцельно шатался по торговым бутикам, пытаясь скоротать время. И когда увидел Романа, ещё пять минут наблюдал из-за стеклянной двери торгового центра за тем, как тот смотрит по сторонам в ожидании.

— Ромка! Я скучал, — так захотелось прижаться к сильному плечу, взять его за руку, коснуться губами — тёплого, желанного, родного.

— Я тоже, — ухмыльнулся Роман. — Не хочешь спросить, что за повод?

— Что за повод? — повторил Андрей слова друга, расплываясь в ответной улыбке.

— Поздравь меня! Я женился! Во! — Роман снял перчатку, демонстрируя кольцо розового золота.

У Андрея потемнело в глазах. Земля будто ускользала из-под ног, вынуждая терять равновесие. Тело точно погрузилось в невесомость, словно гравитации больше не было, и вокруг разом образовалась зияющая пустота. Казалось, ещё немного, и он упадёт, провалится в никуда, поглощаемый этим ненасытным вакуумом, где нет ни этой площади, ни неба, ни домов, ни деревьев, ни людей. Мир вокруг потускнел, замер, застыл в жутком холоде, не оставляя надежды. Все его мечты разом потеряли смысл, растворились, превращаясь в жуткую, давящую болью, не позволяющую сделать вдох, остро впивающуюся в сердце. Внутри будто онемело, заставив кровь отхлынуть от лица. Губы побелели, глаза словно подёрнуло коркой льда.

— Андрюх, ты чего? — такая резкая перемена не на шутку испугала. Роман с тревогой посмотрел на внезапно побледневшего друга. И вдруг его осенило, какую жестокость он сейчас совершил.

— Андрей, я...

— Да пошёл ты! Козёл! — Андрей резко развернулся и быстро зашагал прочь.

— Андрей! — донёсся из-за спины голос Романа, но Андрей больше не хотел ни видеть, ни слышать его.

Зачем Ромка так поступил? Он ведь всё знал. Лучше бы он оскорбил, ударил, избил до полусмерти, чем вот так. К чему было давать надежду? Разве Роман не понимал, что между ними происходит? Это же было так очевидно, так явственно. Чего он добивался? Зачем приходил? Хотел посмеяться? Сделать больнее? Или что? Пожалел? Решил поиграть в благородство, показать, что не такой, как все? Влюбил в себя, а потом безжалостно растоптал возникшее чувство. Дал понять, что Андрею не место в его сердце.

Обида душила, ранила нестерпимой мукой. Андрей только крепче сжимал кулаки, стараясь сдержать внезапно подступившие слезы. А чего он ждал? Что Роман ради него захочет изменить свою жизнь, решит стать таким как он? Жить в вечном страхе, бояться, что кто-то узнает, осудит, унизит? Зачем ему это? Не стоит Андрей таких жертв. От этих мыслей становилось ещё горше.

Но, может, оно и к лучшему, что все так случилось. Ведь Андрей любит Рому и не хочет сломать его судьбу. Пусть Роман будет счастлив, пусть у него будет настоящая семья. Наверное, так правильно. А он, Андрей, пронесёт свою первую любовь через всю жизнь, бережно храня воспоминания о майском ливне и той их осени, одной на двоих, с дождём из жёлтых осыпающихся листьев. И пусть это навсегда останется самым светлым, самым чистым воспоминанием в его сердце. Андрею будет достаточно просто знать, что где-то там живёт Ромка и у того все хорошо, его любят, понимают и ждут.

Но почему так нестерпимо больно?! Ручейки слёз текли по щекам, оставляя на коже холодные следы.

После того, что произошло, Андрей замкнулся. Ему не хотелось ни с кем разговаривать, ни встречаться. Он с головой ушёл в учёбу. Только рисуя, мог не вспоминать, не думать. Рана была ещё слишком свежей. Веки горели от слёз, которые то и дело наворачивались на глаз. Но он терпел, не позволяя себе разрыдаться у всех на виду. Когда подкатывавший к горлу ком сдавливал так, что невозможно было вдохнуть, Андрей до крови прикусывал губы, стараясь отвлечься от этой недостойной сырости.

Если во время занятий ему ещё как-то удавалось справляться, то оставшись наедине со своими мыслями, жалость к себе побеждала. В такие моменты Андрей подходил к окну в дальнем конце коридора и смотрел на происходящее по ту сторону стекла равнодушным взглядом. Из распахнутых глаз одна за другой катились крупные капли, скользили по лицу, беззвучно падая на подоконник. Он молча стоял и смотрел, боясь пошевелиться, лишь изредка вытирая их запястьем. Не было слышно ни вздохов, ни всхлипываний. Со стороны всё выглядело так, будто парень внимательно следит за тем, что происходит на улице.

Андрей ждал, когда пройдёт время, надеясь, что его боль исчезнет, утихнет, но этого не случилось. Владевшая им целиком, она стала сжиматься в одну точку, концентрируясь где-то в самом отдалённом уголке сердца. Теперь её можно было спрятать, засунуть подальше, чтобы продолжать жить. Но она навсегда осталась с ним. Стоило лишь задеть воспоминанием, как тут же с утроенной силой она впивалась острым шипом в грудь, пронзая насквозь чудовищной мукой.

Андрей избегал всего, что напоминало бы о Романе. Постепенно он приходил в себя, даже стал улыбаться. Делал отчаянные попытки быть более открытым и общительным, и это спасало. Отношение окружающих менялось на глазах. Многие не узнавали Андрея. Из

забитого тихони он превратился в весёлого и компанейского парня. Но разве кто-то мог догадаться, что стоит за этой лёгкой весёлостью? В университете и в общаге его стали любить. Приглашали в компании, зная, что с Андреем скучно быть не может. Казалось, жизнь заиграла яркими красками, и в ней нет больше места унынию. Но под конец пятого курса произошло то, что сильно отравило его существование.

Вручение дипломов было назначено на двадцать пятое июня, а двадцать третьего состоялась выпускной, который проводили в ресторане «Дали». К заказанному меню собственными силами было докуплено несколько ящичков водки и вина. Так что на празднике алкоголь лился рекой. Приглашённые на торжество преподаватели не отставали от своих подопечных, а некоторые даже показали мастер-класс по употреблению горячительных напитков, устроив соревнование, кто больше выпьет зараз. Победителем оказался декан. Солидный профессор, хорошенько взболтав содержимое бутылки вращательными движениями, лихо опрокинул его в себя. Закрученная спиралью жидкость, без лишних бульков, легко полилась в глотку именитого художника. Пол-литра за секунды исчезло в бездонной утробе.

— Ой, ё... — всхлипнул пьяный Лёха, одноклассник Андрея, глядя на известного портретиста. — Мало водки взяли!

Организм мастера всё же не справился с героизмом хозяина, и декана вырубил, уронив в тарелку с остывающим стейком. Распив пьяных, довольных и не совсем вменяемых служителей искусства по такси, и сдав бездыханное тело мэтра на руки жене, шумной студенческой компанией было решено продолжить веселье у Руслана.

Отец Руслана был светилом в области проктологии и посему имел просторную квартиру в центре города, а также загородный дом, куда семья выезжала на лето. Шестикомнатные апартаменты с видом на реку и парк, обставленные дорогой мебелью, пришлись по душе весёлой братии. Захватив из ресторана остатки провизии и алкоголя, студенты продолжили веселье. Но танцы и дополнительные градусы сделали своё дело, и молодёжь вскоре разбрелась по углам, устраиваться на ночлег. Андрей не помнил, как он оказался на диване рядом с Русланом. Сквозь сон парень почувствовал, как его настойчиво ласкают. От выпитого голова кружилась, и он поддался внезапному порыву страсти. В какой-то момент острая резкая боль заставила его прийти в себя. Он чуть не вскрикнул, но быстро вспомнив, где находится, сумел сдержаться. Чувство боли постепенно отступало, сменяясь невнятным удовольствием.

— Андрюх, я догадывался, что ты пидор. Но что вот так дашь, не думал! — от этих слов Руслана как подкинуло. — Может, ещё отсосёшь? Говорят, вы это классно делаете.

Пьяное лицо одноклассника расплылось в язвительной ухмылке. Вдруг Андрею стало противно. Он вскочил, судорожно пытаясь застегнуть ремень на джинсах.

— Она! Чё это вы тут? Трахаетесь, что ли? — прохрипел проснувшийся Лёха, едва разлепляя глаза. — То-то, чую, меня покачивает... Ну, и кто кого?

— Андрюха очко своё подставил. Я ему спьяну присунул, думал, Ленка!

Лёха вытаращился на Андрея нетрезвыми глазами:

— Ты пидр?! Ни хера се!

От стыда Андрею хотелось провалиться сквозь землю. Он выскочил из квартиры как

ошпаренный. Раннее утро встретило прохладой, обдав с крыльца запахами дорожной пыли и распустившихся на газоне жёлтых ирисов. Солнце поднималось над городом, отражаясь золотисто-розовыми бликами от окон, скользя светящимися полосами по стенам, забираясь в арки, рисовало яркие следы на асфальте. Тополя шелестели над головой сочной зеленью, окутывая тёплым медово-терпким ароматом. Небесная синь уходила ввысь, пестрея небрежными штрихами перистых облаков.

Клацая механизмом и цепляясь штангами за провода, по пустой дороге медленно проехал троллейбус, и накренившись на правый бок, с шумом распахнул двери. Андрей, добежав до остановки, заскочил на заднюю площадку. Чувство саднящего, распирающего жжения не проходило, вынуждая морщиться. Вспоминая момент своего позора, он все ещё надеялся, что, может, обойдётся, и парни не станут никому рассказывать. Но не обошлось.

Весть о том, что Вересов — гей, разнеслась по университету в мгновение ока, дойдя и до общаги. Альберт и Стас, пользуясь хорошей погодой, старались как можно реже заходить в комнату, брезгливо поглядывая на соседа. Многие сокурсники перестали просто здороваться, не говоря уже о том, чтобы пожать руку. Андрей частенько стал ловить на себе неприязненные взгляды, слышать, как шушукуются за его спиной, пересказывая незамысловатый сюжет. Андрей понимал, что долго не выдержит такого давления. Хорошо, что до вручения диплома оставалось совсем мало времени. На торжественную церемонию он не пошёл. На следующий день, стараясь не сталкиваться ни с кем из знакомых, добрался до кафедры и забрал свою корочку у секретаря. На её вопрос, почему не пришёл на вручение, ответил какой-то невнятной отговоркой.

Купив на родительские деньги комнату неподалёку от центра, Андрей устроился работать в театр художником по декорациям. Выбрал именно театр, зная, что там отношение будет не таким, каким могло быть в другом месте. Правда, и в миллионном городе что-то сложно утаить, тем более что богемная среда здесь небольшая, все как на ладони. О том, что он «не такой» скоро узнали и в театре. Андрей замечал, что некоторые из балетных мальчиков с интересом поглядывают на него. Но изучив изнутри всю эту театральную кухню, решил не связываться ни с кем из танцовщиков, зная, что здесь, скорее, можно подцепить какую-нибудь экзотическую заразу, нежели найти хоть сколько-нибудь серьёзные отношения. По мелочам растрачивать себя не хотелось.

Время шло. Интерес к его персоне потихоньку иссяк. Даже стали поговаривать о том, что у Вересова есть любовник из министерства культуры. Такие слухи играли Андрею только на руку. Его стали частенько брать на гастроли. За два года работы в театре Андрей успел объездить половину Европы, побывать в Мексике и даже в Австралии.

Но все эти поездки были такими, что красоты мира он видел лишь из окна автобуса, перевозившего труппу из одного города в другой. Его основной задачей было следить за декорациями, их целостностью. И, в случае непредвиденных обстоятельств, принимать действия по восстановлению утраченного или испорченного при транспортировке реквизита.

По работе большей частью Андрей общался с монтажниками и осветителями. Но в том, что касалось отдыха и проживания, его опекали балетные девочки. В отличие от многих они с каким-то трепетом относились к парню. Когда выдавались свободные дни, то брали его за покупки. А на весёлых вечеринках старались вытащить танцевать. Конечно, он чувствовал себя неловко в окружении этих пластичных граций, идеально владеющих своим

телом. Но девчонки не отставали, тащили за собой. Ему казалось, что он нашёл то место, где его принимают таким, какой он есть.

Но чувство одиночества не покидало Андрея. Особенно остро оно ощущалось, когда он возвращался после поездок в свою комнату. Соседкой по квартире была старая одинокая бабка, постоянно грозившая вызвать участкового в случае, если парень надумает устраивать шалман. Но Андрей дома бывал редко, в основном приходил только ночевать. И бабка потихоньку успокоилась, даже, кажется, полюбила его.

На новогодние каникулы Андрей старался всегда уезжать к родителям, которые жили далеко от города в небольшом посёлке. Но в этот раз обстоятельства сложились так, что на обратном пути с гастролей труппа задержалась во Франкфурте в связи с нелётной погодой. И купленный Андреем заранее билет пропал. Обменять его на другой рейс было невозможно, так как многие стремились на праздники уехать из города.

Новый год он встретил дома один. Под бой курантов выпил шампанское и лёг спать. Потом два дня шатался по расцвеченным праздничными гирляндами улицам, заходил в кафе, наблюдая за тем, как веселятся другие. Среди незнакомых людей Андрей чувствовал себя не так одиноко. Праздничное настроение, повсюду царившее в это время, отзывалось в сердце необъяснимой светлой грустью.

Сверкавшие на фоне тёмных окон разноцветные огоньки, блестящие ёлочные шары, зелёные мохнатые ветки, украшавшие интерьер, и звуки концерта Рахманинова, льющиеся из динамиков кофейни, дарили ощущение зимней сказки. Андрей сидел у самого окна и украдкой поглядывал на шумную компанию молодых людей. Он так увлёкся, разглядывая светящиеся улыбками лица, что не заметил, как в кафе вошёл мужчина. Посетитель приблизился к его столику, обдавая холодом и ароматом мороза.

— Привет! — голос заставил вздрогнуть.

Андрей поднял взгляд и увидел перед собой Романа. В груди сладко кольнуло.

— Ты позволишь?

— Да... — едва прошептали губы. Эта встреча казалась невероятной, настоящим волшебством, чудом, на которое Андрей не надеялся.

— Я искал тебя, — присев на стул, Роман не сводил глаз с Андрея.

— Искал? Зачем?

— Я так рад нашей встрече. А ты? — что-то изменилось, взгляд Романа будто стал теплее.

— Я?! Давно не виделась... — Андрей опустил глаза. — Как живёшь?

— Хорошо. Знаешь, а у меня сын...

— Я рад...

— Я ужасно скучал по тебе, — Роман взял Андрея за руку, накрыв её тёплой ладонью, и придвинулся ближе.

— Ты ненормальный? — Андрей резким движением высвободил кисть, озираясь по сторонам.
— Не дай бог, увидят!

— Ты боишься?

— Да! Если бы ты пережил то, что я в своё время, тоже бы боялся.

— Андрюшка, прости! Я был дурак, — Роман виновато опустил голову.

— После того, как ты просишь прощения, мне бывает очень хреново. Может, обойдёмся без патетики и тихо разбежимся? — Андрей приподнялся с твёрдым намерением покинуть кафе.

— Зачем ты так? — Роман, вцепившись в рукав его свитера, смотрел с мольбой. — Ну давай хотя бы выпьем за встречу. Новый год же.

Андрей в замешательстве сел обратно.

— Может, шампанского?

— Лучше водки.

— Девушка, — обратился Роман к стоявшей неподалёку официантке. — Принесите нам водочки.

Когда она ушла, Роман повернулся к другу.

— Ну, рассказывай, как живёшь?

— Да чего рассказывать-то? Окончил университет. Работаю.

— Хм... где?

— В театре, художником по декорациям.

— И много платят?

— Не особенно, но на жизнь хватает. Зато за границей побывал. А ты?

— Ну, я всё там же. Повысили. Теперь руководитель департамента. А давай махнём ко мне? Дашка с сыном уехали к тётке в Вологду. Посмотришь, как я живу.

Предложение Романа смутило. Андрей почувствовал, как по телу разливается горячая волна. Слова друга звучали так заманчиво, что он не мог найти силы, чтобы отказать.

— Что, поехали?

— А как же заказ?

— Да бог с ним. У меня дома бутылка есть. Поехали, — Роман встал и направился к выходу. Андрей последовал за ним.

Всю дорогу Андрей ловил на себе многозначительные взгляды друга. Глаза Романа,

казавшиеся в полумраке машины почти чёрными, блестели, отражая электрический свет фонарей и праздничных гирлянд. Глядя в них, перехватывало дыхание. Рома изменился, возмужал, лицо приобрело более жёсткие черты. Между бровей наметилась складка, брови чуть опустились, придавая ему немного суровый вид. Но это был его Ромка, которого он любит до сих пор, и, кажется, не разлюбит никогда.

Андрея охватило неприятное тревожное чувство, стоило ему только оказаться в квартире Крестовских. Всё вокруг было наполнено женским присутствием. Пальто, висевшее на вешалке, и бутылочки с духами на полке в ванной, и кухонный фартук с яркими цветами, и розовые тапочки с пушком в прихожей. Это был дом Даши, а Ромка — её муж, о чём напоминало золотое кольцо на его безымянном пальце. Ощущение тревоги мелко и гаденько зашевелилось внутри, оно росло с каждой минутой пребывания здесь. Последней утверждающей каплей в неправильности спонтанного решения стала семейная фотография в рамочке на полке в гостиной. С неё смотрели счастливые лица: Ромка с рыжеволосой приятной женщиной и мальчиком, сильно похожим на мать. Картина семейной идиллии подействовала отрезвляюще.

«Что же я делаю? — вдруг мелькнуло в голове. Андрей почувствовал себя вором, забравшимся в чужой дом. Но от мыслей о пустой тёмной комнате, куда ему предстоит возвратиться, вдруг стало не по себе. — Они даже не узнают. Ничего не узнают. Разве я не могу хоть ненадолго, хоть на несколько часов почувствовать то, в чём они живут каждый день, даже не осознавая своего счастья?»

Ромка подошёл сзади и осторожно обнял за талию.

— Не смотри, — он протянул руку и положил фотографию на полку так, чтобы снимка не было видно. И повернув Андрея к себе, поцеловал. Голова закружилась, мысли о собственном поведении и Ромкиной семье отделились, стали неважными. Он снова чувствовал кожей эти твёрдые тёплые ладони, так нежно и трепетно ласкающие его. Слышал знакомый и такой родной запах, чувствовал, как горячие губы касались тела, отчего волнами расходилось возбуждение, погружая в приятную негу. И больше не существовало ничего, кроме этих ласк, кроме нарастающего с каждой секундой желания, обещающего фантастическое наслаждение. Его мечты сбывались здесь и сейчас.

Прикосновения становились всё более бессовестными, дразнящими, даря безумное удовольствие. Андрей едва сдерживался, слушая страстный Ромкин шёпот:

— Хочу увидеть, как ты кончишь.

От этих слов будто накрыло ударной волной. В глазах потемнело, звуки стали отдаляться. Андрей словно проваливался, летел, испытывая состояние свободного падения. Из его груди вырвался хриплый стон.

— Я люблю тебя, — выдохнул в губы Ромка, накрывая их своим ртом.

Зачем? Зачем он опять давал ему надежду? Ведь то, что произошло сейчас, вряд ли повторится. Не будет Андрей лезть в их семью, да и не сможет. Как потом жить с чувством, что он стал причиной несчастья других людей?

Часть 8

Открыв дверь, Роман ступил в сумрак. В квартире было так тихо, что слышался ход настенных часов. Он протянул руку и включил свет. Андрей, щурясь от яркого потока, поднял голову.

— Ты где был?

Роман махнул рукой, снимая в прихожей ботинки.

— Долго рассказывать. Сел в такси, а он на Коломяжском сломался. Потом три часа до дома добирался. Где Санька?

— У себя.

— Не поговорил с ним?

— Он еле до комнаты добрёл.

— Хоть на кровать улёгся?

— Не знаю. Заперся. Со мной разговаривать не хочет...

— Чёрт знает что происходит! — раздосадованный Ромка прошёл на кухню. — Давай хоть чаю выпьем. А то промёрз до костей.

Наполнив чайник водой, он нажал кнопку.

— Похоже, ему опять кто-то что-то сказал. Идиотов, сам знаешь... — Роман достал кружки из навесного шкафа.

— Ром, может, он всё-таки видел? — Андрей поднял глаза.

— Даже думать об этом не хочу!

— Но ведь ты сам слышал, как хлопнула дверь. И потом, рюкзак у порога...

— Нет-нет... — Роман замотал головой.

— Ты не хочешь видеть очевидного...

— Замолчи! — голос Романа стал гневным. — Он мой сын, понимаешь! Сын! И я не хочу, чтобы он... он...

— Это всё из-за меня. Все проблемы. Не проходит и дня, чтобы я не пожалел...

— Глупый, какой же ты у меня глупый. Ведь я люблю тебя, дурачок... И готов был на всё, лишь бы ты был со мной, — Роман обнял Андрея и, с нежностью поцеловав, уткнулся лбом в висок.

— Как думаешь, Ромка, что будет, а? Мне как-то беспокойно.

— Всё будет хорошо. А с Саней я завтра поговорю, выясню.

— Ты только не дави на него, пожалуйста. Ему и так нелегко приходится.

— Не буду. Обещаю, — потрепав Андрея по голове, Роман улыбнулся.

Наутро Санька проснулся на полу в собственной комнате. Голова просто раскалывалась, во рту

пересохло так, что язык ворочался с трудом. Хотелось пить. Он встал и поплёлся на кухню. Припав к крану, стал с жадностью заглатывать пахнущую тинной водой, постепенно вспоминая все события вчерашнего дня.

— Я недоволен твоим поведением. — Роман вышел из спальни и направился к Сане. — Нам надо поговорить.

Санька, оторвавшись от журчащей струи, исподлобья глянул на отца.

— О чём мне с тобой разговаривать? Об Андрее твоём?

— Не только. Мало того, что ты его вчера оскорбил, ты пришёл домой пьяным. Как это понимать?

— Как хочешь понимай! Только не лезь ко мне!

— Как ты разговариваешь с отцом? — Роман нахмурился.

— Как заслуживаешь, так и разговариваю, понял?

— Нет, не понял! Объяснись!

— Ничего не буду объяснять! Объяснять нечего... Меня от вас тошнит! — парень метнул на отца взгляд, полный злобы, и кинулся в комнату, громко хлопнув за собой дверь.

Андрей стоял и внимательно наблюдал за происходящим, скрестив на груди руки.

Опустив голову, Роман остался стоять по центру открытого пространства. Он весь сник.

— Не понимаю, что с ним происходит?

— Неспроста всё, Ром. Тебе надо поговорить с ним. Объяснить всё. Если ты не соберёшься с духом и не расскажешь, потом может быть поздно. Ты потеряешь его. Это надо сделать и как можно раньше пока за тебя не сделали другие, — Андрей подошёл и обнял любимого за плечи.

— Не знаю, — Роман замотал головой, — я не знаю, как ему объяснить. Ни тогда не знал, ни сейчас. Возможно ли вообще это объяснить ребёнку? Я не могу. Мне стыдно смотреть Саньке в глаза. Стыдно. Я не думал, что будет так сложно.

— Ты же сам говорил, что мы любим друг друга. А в любви нет ничего постыдного. Объясни ему. Он поймёт, он умный взрослый мальчик. Он должен понять.

— Всё так, Андрюша, всё правильно. Но ты же знаешь, что говорят про таких, как мы.

— Раньше ты не боялся, что скажут люди.

— Раньше не касалось моего сына, а теперь касается. И я боюсь того, что ему уже наговорили и могут ещё наговорить.

— Так опереди их. Расскажи обо всем, как ты чувствуешь. Лучше тебя никто не знает. Только не лги. Позволь ему спокойно разобраться во всём самому. Поддержи. Направь в нужное русло.

— Ты прав, Андрей.

Однако попытки Романа вызвать Саньку на откровенный разговор закончились ничем. Мальчик не желал ничего слушать.

Просидев до вечера в своей комнате, Сашка обдумывал, как ему теперь жить дальше. Он ненавидел любовника отца. Ему казалось, во всём, что творится с Романом, виноват только Андрей. И если его не будет в их жизни, то, возможно, папка исправится, и они заживут, как все. Слова Валерыча не выходили из головы. Их надо поссорить, да так, чтобы отец выгнал этого урода на улицу раз и навсегда. Пусть катится ко всем чертям! Не нужен он тут. И без него проживут. Санька сам будет готовить и ждать папку с работы. А потом тот, может, найдёт себе женщину и тогда никто не посмеет больше сказать, что он педик. Надо прогнать Андрея. Но как это сделать? Как Гелка? Но он ведь не девчонка, что ему показывать. Или... Или всё-таки как Гелка? Подождать пока папка уйдёт, а потом... И его внезапно осенило. Да! Именно так! Чем больше Санька думал, тем чётче становились очертания плана мести. Надо не спешить и продумать всё досконально. К концу дня план мести был проработан до мелочей. Оставалось только собраться с духом и реализовать задуманное. Но чтобы отвести от себя все подозрения он решил быть пай-мальчиком.

Санька глубоко вдохнул и вышел из комнаты. Андрей и папка сидели за столом.

— Андрей, прости меня, — он наигранно опустил голову, будто раскаиваясь.

— Ничего. Я уже всё забыл, — парень улыбнулся краешками губ.

— Саня, — по голосу стало ясно, отец был рад таким переменам. — Ужинать будешь?

В животе урчало, Санька не ел со вчерашнего утра, если не считать чипсов, купленных Валерычем к пиву.

— Угу, — мальчик покорно кивнул. — Только руки помою.

Когда Санька ушёл в ванную, Андрей повернулся к Роману.

— Кажется, он немного остыл. Может, попробуешь сейчас?

— Не стоит так спешить. Один день ничего не решит. Давай завтра вечером все втроём сядем и спокойно поговорим, — поведение сына успокаивало. Роман даже малодушно подумал о том, что момент истины можно отодвинуть на более поздний срок.

— Тебе решать, — Андрей согласно покачал головой, но какое-то непонятное тревожное чувство не покидало его.

Ужин прошёл в спокойной обстановке. Санька старался вести себя как обычно, даже пытался шутить. Но в его поведении сквозила фальшь, не заметить которой Андрей не мог.

Утро директора школы-лицея началось со звонка. Никитин взял трубку. Кто бы это мог быть в такую рань, да ещё в понедельник?

— Да!

- Привет, Сергей Петрович! Узнал?! – низкий мужской голос хрипло засмеялся из динамика.
- Лёвка? Лёвка Петров! Здорово!
- Точно! Он самый, собственной персоной!
- Слушай, говорят, что тебя прочат на место Иванова в администрацию.
- Ну, это ещё на воде вилами...
- Не скромничай, все уже знают. Дело у меня к тебе.
- Выкладывай.
- Не по телефону. Давай встретимся, обсудим. Ты как после трудового дня?
- Нормально.
- Вот и отлично. Значит, договорились. Ну, давай, пока!
- Пока!

Лёвка Петров, одноклассник Никитина, был человеком не столько приятным, сколько полезным. Сергей Петрович поддерживал с ним связь на случай непредвиденных обстоятельств. Однако обстоятельств для использования этого знакомства пока не случилось, что не сильно огорчало. А школьный товарищ дружбой с Никитиным пользовался, хотя и нечасто. Звонок Лёвки, скорее всего, был связан с очередной выходкой сына-шалопая, которого, несмотря на папины чины, выгоняли то из одной, то из другой школы. В рядовую СОШ Лёвка отдавать его не хотел, а в лицей и школы со спецуклоном парня брать не особо стремились. Вот и звонил он своему школьному товарищу с завидной периодичностью. Среди коллег Никитин был человеком уважаемым и знал многих.

Сергей Петрович выглянул в приёмную и обратился к сидящей за компьютером даме.

- Люда, будьте добры, чаю мне принесите!
- Конечно, Сергей Петрович! Одну минуту! — секретарша встала из-за стола, взяла с тумбочки чайник и хотела уже наполнить его водой из примостившегося возле окна кулера, как дверь распахнулась и в приёмную влетела запыхавшаяся дородная тётка с ярко-красной помадой на губах. меховая шапка, похожая на стог, лезла длинным ворсом в глаза, отчего она, смешно выпячивая нижнюю губу, дула наверх, пытаясь убрать щекочущие веки кончики.
- Директор на месте?!
- Да! А что вам нужно? — но посетительница уже не слушала Люду. Она рывком открыла дверь в кабинет.
- Здравствуйте! — звонкий голос, отражаясь от полупустых стен, застал Никитина врасплох.
- Здравствуйте! Чем обязан?
- Я хочу узнать, что у вас тут такое творится?!
- Простите, не понял вашего вопроса.

— Моего ребёнка избили, а вы делаете вид, что ничего не знаете! Что за школа такая, я не понимаю?!

— Так, спокойнее, а вот с этого момента поподробнее.

— Мой сын Иван Киселёв пришёл в субботу с разбитым носом. Ребёнку сломали нос! Это же ужас, а не школа! Рассадник малолетних преступников! Нет, вы знаете, я буду писать на вас в прокуратуру!

— Подождите, ради бога! Давайте сначала разберёмся. Вы сказали, это было в субботу. Так?

— Да! — раздражённо выпалила женщина.

— В какое время?

— После первого урока.

— Хорошо. Кто его ударил, знаете?

— Это ненормальный ребёнок! Нормальные дети на такую жестокость неспособны!

— Ну, у вас же мальчик, не девочка. Мальчишки иногда дерутся, — дама смерила директора взглядом. Сергей Петрович понял, что увещевать женщину не получится. Прокашлявшись, он спросил: — Он сказал, как зовут того, кто его стукнул?

— Какой-то Санька из параллельного класса! Учительница русского и литературы всё видела! Ваня говорил, что она ведёт тот класс, где учится это бандит!

— Так, кое-что проясняется, — Никитину не понравилась догадка, к которой он пришёл. Неужто сын Крестовского, с которым он беседовал три недели назад? — Главное, не волнуйтесь. Мы всё выясним. Давайте сделаем так: я разберусь с этим, а потом позвоню вам. Обещаю, виновные будут наказаны.

Дама недоверчиво посмотрела на Никитина. Её явно не устраивало такое решение, но доводов противоречить директору она не нашла.

— Ну, хорошо, — фыркнула женщина. — Я надеюсь, что вы действительно с этим разберётесь. Иначе мне придётся...

— Я вам обещаю, что мы разберёмся. Как ваше имя-отчество?

— Маргарита Витальевна.

— Маргарита Витальевна, я вас понимаю! И даю вам слово, что мы всё решим. Прошу, — Сергей подошёл к даме и, помогая ей встать со стула, проводил до двери. — До свиданья! Я вам позвоню, как только все выясню.

— До свиданья! — тётка в последний раз глянула на Никитина через плечо и вышла из кабинета.

Такое начало понедельника не обещало ничего хорошего. Все эти шевеления вокруг семьи Крестовских сильно беспокоили. Никитин чувствовал, как водоворот событий быстро раскручивается, перерастая в нечто большее, тянет на дно, и совсем скоро от него

потребуется решительные действия, иначе и его засосёт в эту воронку, утопит в грязном потоке скандалов и сплетен.

Он нажал на настольном телефонном аппарате кнопку. После нескольких гудков из динамика послышался женский голос:

— Да, Сергей Петрович!

— Люда, пригласите Киселёва из восьмого «Б».

Через несколько минут белобрысый мальчишка стоял в дверях директорского кабинета, опустив голову. Разбитый нос опух, расплываясь сиреневато-зелёными потёками по лицу. Чуть ниже переносицы был наложен бежевый пластырь.

— Ну, боец, рассказывай, кто тебе эту красоту навёл?

Парнишка бегло взглянул на директора и нехотя ответил:

— Санька.

— Это какой Санька? — Никитин сощурился.

— Крестовский из восьмого «А».

— Так, понятно. Что не поделили?

— Ничего, — буркнул парнишка.

— То есть он вот так подошёл и на ровном месте тебе заехал кулаком в нос? — Сергей щёлкнул языком. — Не вяжется как-то. Колись, как дело было, а то придётся вас обоих на педсовет вызывать.

— Меня-то за что?! — в глазах подростка читалось негодование. — Он мне нос сломал и меня же на педсовет!

— А что делать? Должен же я разобраться, что у вас приключилось. Устрою вам очную ставку, как в кино!

— Не надо педсовет! Я всё расскажу!

— Ну, так я слушаю, — директор сложил руки в замок, опираясь локтями о стол.

— Он первый в драку полез. Я ему слово, а он мне кулаком!

— И что сказал?

— Не помню.

— Так... — Никитин глубоко вздохнул. — Значит, всё-таки педсовет. Учти, Киселёв, вы у меня оба претенденты на вылет! Исключим за драку, потом ни в одну приличную школу не возьмут.

— За что, Сергей Петрович?!

— Так, рассказывай, как дело было, — Никитин пристально смотрел на мальчишку.

— Ну, мы с Толстым... Коротковым, сказали, что таким как он не место в нашей школе... — последние слова подросток произнёс едва слышным голосом.

— И с чего вы так решили?

— Так у него... — мальчик потупил взор, — папашка голубой... А вы разве не знали? Вся школа знает...

— Та-а-ак... А дальше?

— А дальше он драться полез!

— Ладно. Я понял... — на душе было мерзко. — Можешь возвращаться в класс.

— А педсовет?! — подросток обиженно смотрел на Сергея Петровича.

— До педсовета ещё разобраться кое в чём надо... — задумчиво глядя в окно, произнёс директор. — Всё, иди!

«Что, чёрт возьми, происходит?! — раздражение нарастало. — Месяца не прошло после разговора с Крестовским, а школа уже гудит, как улей. Это всё старая галоша Нина. Бедный пацан, представляю, как ему сейчас хреново!»

Никитин понял, что дальнейшие разборки надо устраивать не с детьми. Поэтому пригласив к себе педагога, решил узнать, как так получилось, что его просьбу не разносить грязные слухи грубо проигнорировали.

Спустя полчаса преподаватель русского языка и литературы уже сидела в кабинете напротив Сергея.

— Уважаемая Нина Ивановна, поведайте мне, откуда каждый ученик нашей школы знает о ваших безосновательных выводах относительно отца Саши Крестовского?

— Я ничего об этом не знаю, — раздражённый тон директорского голоса заставил Нину Ивановну заволноваться.

— Вот только не лгите! — Сергей Петрович зло хлопнул ладонью по столу. — Я помню, что вы в прошлый раз грозились самостоятельно во всём разобраться! И теперь я хочу знать, что происходит за моей спиной!

Женщина вздрогнула.

— Не кричите на меня, Сергей Петрович! Я вам не девочка! Я заслуженный учитель, между прочим!

— Не надо передо мной трясти регалиями! Объяснитесь, что вы сделали такого, что о нашем разговоре стало известно всем?!

— Ничего я не делала! И никому ничего не говорила!

— Нина Ивановна! — голос Никитина набрал такую силу, что стёкла в рамках задрожали.

— Да, я и родительский комитет предприняли кое-какие действия, но это вряд ли стало причиной слухов!

— Что?! Что вы ещё там предприняли?! — Никитину хотелось задушить её, взять за глотку и сжимать, глядя на то, как она, хрипя, задыхается в его руках. Вместо того, чтобы погасить едва разгорающиеся угли скандала, эта тётка раздула его до небес.

— Было составлено письмо в попечительский совет. Естественно, коллективное, за подписью всех родителей нашего класса.

Сергей закрыл ладонью лицо. Боже, какая фантастическая дура! Потирая рукой висок, он устало спросил:

— Зачем?! Дорогая моя, зачем вы это сделали?

— В отличие от некоторых, я не могу спокойно смотреть, как погибает ребёнок! Мы хотим помочь мальчику!

— А вы не думали, что такими действиями только навредили ему?

— Как?! — она вытаращила глаза. — Я вас не понимаю!

— Знаете из-за чего в субботу произошла драка?

— Откуда вам известно про драку?

— Мать Киселёва час назад была у меня. Так вот, этот самый Киселёв с товарищем сказали Сане, что такие, как он, не должны учиться в нашей школе. Вы понимаете? Такие...

— Не совсем...

— Да, куда уж вам... Письмо где?

— Думаю, уже в попечительском совете.

Никитин понял, что то, чего он больше всего боялся, уже произошло.

Часть 9

День был относительно спокойным, если не брать во внимание косые взгляды и небольшую стычку с Киселём в столовой. Однако сегодня Саньку мало интересовали его придирки. Он был полностью поглощён мыслями о своей мести. Лишь бы только Андрей пришел раньше папки. Все шесть уроков он провел, как на иголках. И как только прозвенел звонок, оповещающий о конце занятий, Санька помчался домой.

В четырех стенах спокойно не сиделось, он изнывал от нетерпения. К реализации плана было все готово. Санька даже зачем-то помылся и зачесал мокрые волосы набок. Натянул подходящие для дела джинсы и свежую футболку. От волнения подташнивало. Ладони стали противно липкими и потными. Когда в замочной скважине послышались шебуршения, все его тело напряглось в волнительном ожидании. Это был Андрей. Увидев у порога мальчика, тот слегка удивился, но вида не подал.

— Привет, Санька!

— Привет! — паренек нервно сглотнул.

— На-ка вот, отнеси, — с этими словами Андрей протянул пластиковые пакеты с покупками.

Санька, послушно взяв поклажу, направился к холодильнику.

— Есть-то будешь, говори? — сняв верхнюю одежду, Андрей прошел на кухню.

Санька кивнул. Все шло даже лучше, чем планировалось. Он скользнул взглядом на настенные часы. Половина восьмого, отец скоро должен приехать.

— А-а, можно я тебе помогу ужин приготовить?

Андрей, складывавший в холодильник продукты, повернулся и с удивлением посмотрел на мальчика.

— Я буду только рад, — по его лицу скользнула улыбка. — Картошку почистишь?

— Ага.

Достав из сетки несколько крупных картофелин, Андрей сложил их в металлическую миску и протянул Саньке. Мальчик взял нож в руки и принялся счищать с клубней кожуру.

Андрей, гремя посудой, достал сковороду. Поставил на плиту и аккуратно выложил на нее порезанные куски мяса. Добавив немного воды, накрыл посудину стеклянной крышкой и взялся за лук. Ловкими движениями порезав полукольцами луковицу, отправил ее к закипающему вареву. По кухне пошел сладковатый пряный аромат.

Санька возился с картошкой, то и дело поглядывая в окно, боясь пропустить машину отца. Когда к воротам подъехал черный «Рендж Ровер», от волнения в горле пересохло. Санька отложил нож в сторону и, обтерев руки о штаны, подошел ближе.

Андрей снял с плиты сковороду и потянулся к навесному шкафу, когда мальчик окликнул его:

— Андрей, — от напряжения голос стал хриплым. Сердце колотилось, отдавая пульсацией во все конечности, голова сильно закружилась. Санька тяжело дышал, глядя на светлый стриженный затылок.

Андрей обернулся. От такой близости вдруг стало не по себе.

Услышав, как отец открывает ключом дверь квартиры, Санька положил руку на пояс брюк. Пуговица легко выскочила из петли. Схватив за язычок молнии, судорожно потянул за него. Джинсы, бесшумно соскользнули вниз, собираясь у щиколоток гармошкой. Белья на нем не было.

Андрей замер, в оцепенении уставившись на обнаженные Санькины прелести.

— Что?! Что здесь происходит?! — дыхание перехватило — от представшей взору картины Роман готов был задохнуться. Дикое смешение чувств негодования, злости, страха, ревности, отвращения разом овладело им.

Андрей, увидев на пороге квартиры любовника, невольно вздрогнул. В прозрачных зеленых глазах застыл ужас.

— Рома! Рома! Ты все не так понял! Это какая-то дурацкая шутка! — Андрей подскочил к ошарашенному другу.

Лицо Романа резко побледнело, осунулось, отчего складки морщин казались более глубокими, губы стали белыми.

— Ты-ы-ы... — негодуя, зашипел он. — Ты-ы-ы...

— Нет-нет! — Андрей попытался схватить Романа за руку. — Послушай меня...

— Не прикасайся ко мне! Мразь! — резко выдернул свою кисть Роман, сверкая гневным взглядом. Его грудь тяжело вздымалась. — Саня!

Роман кинулся к сыну и, присев возле, стал тревожно разглядывать.

— Саня! Что он с тобой делал?! Саня! — мальчик посмотрел в карие глаза отца. В них было столько горечи и боли, что ему стало страшно за папку. То ли от сильного эмоционального всплеска, то ли от напряжения последних дней, внезапно брызнули слезы.

— Саня, Санечка! Прости меня, прости! — при виде дрожащих в глазах сына каплях, сердце Романа больно сжалось. Он обхватил Саньку за плечи и, прижав к груди, заскулил, словно побитая собака. — Я не прошу ему этого! Слышишь, никогда не прошу! Верь мне, Саня! Я больше никогда... слышишь! Ты только прости меня... прости...

— Папка... папа... — зашептал Саня, утыкаясь носом в его сорочку. Не хотелось ничего говорить. Он снова чувствовал его тепло. Это был его папка, такой родной, близкий. Он не позволит больше никому встать между ними.

— Рома... я ни в чем не виноват... — едва слышный голос Андрея заставил резко обернуться.

— Я посажу тебя! Ты понял, тварь?! Ты заплатишься за то, что сделал с моим сыном!

— Нет, Рома, нет! Я ни в чем...

— Заткнись и не называй меня так! — слова Романа звучали жестко, холодно, отрывисто. — Ты для меня умер! Тебя больше нет!

На миг Андрею показалось, что все это страшный сон, и он вот-вот проснется — таким нереальным и диким был разворачивающийся сюжет.

— Саня! Ну хоть ты скажи, что ничего не было! — Андрей в отчаянии закрыл лицо руками и залился истеричным смехом. — Это какой-то бред! Фарс! Саня... ну скажи хоть что-нибудь!

Санька, подтянув штаны, молча стоял и смотрел. Все получилось! Все, как он и задумывал. Разве же он теперь добровольно откажется от перспектив счастливой жизни, в которой Андрею нет места? Ни за что!

— Рома! Рома! — из глаз Андрея заструились слезы. — Почему ты не веришь мне?! Рома, поверь!

Он упал перед Крестовским на колени, хватая за бедра.

— Ты мне противен! — процедил сквозь зубы Роман. Брезгливо отталкивая любовника, он достал из кармана куртки телефон и стал набирать номер.

— Куда ты звонишь, Рома? - не унимался Андрей, рыдая в голос.

— Алло, милиция? Я хочу заявить об изнасиловании...

— Рома, ты с ума сошел! Ничего не было! Услышь меня, Рома! Я прошу...

— ...у меня на квартире моего сына изнасиловал мой... мой... друг... да... хорошо... записывайте адрес...

— Рома... — Андрей всхлипывал, сидя на коленях посреди гостиной. — ...Саня...

Неожиданно Роман вспомнил разговор с одной из родительниц. Ее слова всплыли в голове зловещим шепотом: «...в последнее время за вашим сыном часто приезжает мужчина... я не хочу строить никаких догадок, но выглядит это все весьма подозрительно...».

От досады Роман замычал. Какой же он был дурак, не видел очевидного! Возможно, Андрей уже давно совращает Саньку. Как же не хотелось верить в происходящее. Ведь он любил этого человека, которого, как оказалось, совсем не знает. Человека, с которым хотел прожить всю свою жизнь, делить радости и горе, вместе воспитывать сына. Сына! При мысли о Саньке в груди больно сдавило. Ведь ему еще нет и четырнадцати. Как же он мог, подонок! Делать это с ребенком... О том, чем Андрей заставлял заниматься Саньку, думать не хотелось. Было страшно и противно одновременно.

Сложившийся втрое на полу, поскуливавший, Андрей вызвал только чувство злого омерзения. Вся любовь, нежность, страсть вмиг исчезли. Их больше не было. Роману не хотелось даже смотреть в сторону бывшего любовника. Но что будет теперь с Санькой? Неужто он тоже будет таким? Но ведь Роман пошел на этот шаг сознательно, в зрелом возрасте. А Санька совсем ребенок, он еще не может разобраться в своих желаниях. Конечно, есть надежда, что все образуется, но этот первый грязный опыт навсегда останется с ним. И, возможно, повлияет на его судьбу. Сможет ли он простить отца за такое, когда подрастет? Ведь если бы не его союз с Андреем... Он виноват, виноват во всем. Виноват в том, что Санька долгое время рос без отца, виноват в том, что сломал жизнь Дашке, виноват в том, что пошел на поводу своих желаний, глупо полагая, что между ним и Андреем какое-то особое неземное чувство. А все оказалось до пошлости банальным. Ничего этого нет. Одна тупая извращенная похоть и грязь!

Роман кое-как удерживался от желания избить Андрея, понимая, что если начнет, то вряд ли сможет остановиться. Внутри все тряслось. Он подошел к сыну и заглянул в лицо. Мальчик уже не плакал. Он молча стоял возле кухонного стола, опустив глаза в пол.

— Садись, — отец ласково погладил Саню по спине, на глаза навернулись слезы. — Саня, сейчас приедет следователь. Ты ему расскажи, чем вы с Андреем занимались. Ничего не скрывай и не стесняйся. Хорошо? Если что-то было до сегодняшнего дня, то это тоже надо будет сообщить.

— Ты сошел с ума! — захлебываясь слезами, заорал Андрей. — Я люблю тебя... я никогда... никогда... Слышишь! ...никогда... Рома...

Санька будто остолбенел от происходящего вокруг. Сидящий на полу в отрешенном состоянии Андрей с покрасневшими от слез глазами, расстроенный бледный отец, говоривший со следователем, сотрудники милиции в их квартире. Он будто был участником нелепой криминальной постановки, пугающей своей реалистичностью. Боясь лишней раз

пошевелиться, он только кивал в ответ на задаваемые вопросы, не до конца понимая того, о чем его спрашивают.

Что теперь будет? Андрея заберут в тюрьму? Несмотря на свою нелюбовь к парню, Саня не хотел этого. Андрей виноват в его несчастьях, но разве он заслуживает того, чтобы его посадили? Ведь тот с Санькой ничего не делал, даже и не думал, а он наврал, обвинил бог знает в чем. Но как же страшно признаться! А вдруг за клевету Саньку отругают или еще хуже — отправят в колонию для несовершеннолетних преступников? Он не ожидал, что отец сообщит в милицию. Это в его план не входило. И что же теперь делать? Молчать, может, не все так страшно. В милиции поймут, что Андрей ни в чем не виноват и отпустят.

— Саня, а расскажи мне, что дядя Андрей с тобой делал? — мужчина в штатском смотрел на мальчика холодными, ничего не выражающими глазами.

Санька вытаращился на следователя, пытаясь выдать из себя хоть слово, но получалось только нечленораздельное блеяние.

— Он напуган. У него шок, — ответил за сына Роман.

— Так, папаша. Не отвлекайтесь, пишите все, что можете сказать по поводу этого дела. Что вы видели, как все было. Короче все, что сможете вспомнить.

— Мне нужно писать только о сегодняшнем происшествии или еще о том, что было раньше?

— Если что-то замечали ранее, пишите, — следователь недовольно вздохнул, окинув взглядом Романа сверху вниз. — Могу курить?

— Да-да, пожалуйста, — Рома придвинул к нему пепельницу. Мужчина достал из кармана пиджака пачку и ловким движением выбил из нее сигарету. Взяв из рук Романа зажигалку, в знак благодарности кивнул светлой кучерявой головой и прикурил, слегка щурясь сквозь очки в тонкой золотой оправе.

— Мальчику сегодня или в крайнем случае завтра необходимо пройти медицинское освидетельствование. В бюро СМЭ* лучше ехать сегодня же, чтобы зафиксировать не только возможные физические повреждения, но и следы спермы, если они есть. Адреса я вам оставлю. Потом ко мне, но предварительно позвоните. Ваше дело буду вести я. Меня зовут Евгений Петрович Золотарёв, — мужчина, зажав зубами сигарету, достал из коричневой дерматиновой папки визитку и протянул ее Роману. — Адрес указан. При себе иметь документы, удостоверяющие личность.

— Уголовное дело возбудят?

Золотарёв откинулся на спинку стула и, положив на нее руку, произнес:

— Уже возбуждено. Мне ваше заявление нужно для составления более подробной картины происшествия. Ну что, дописали? Дата, подпись. И еще вопрос — мальчик был в этой одежде, когда вы застали Вересова с ребенком?

— Да.

— Тогда мне нужна его одежда. Могу попросить мальчика переодеться?

— Да-да, конечно. Саня, переоденься и принеси джинсы и футболку, — Роман повернулся к сыну.

Санька вышел из комнаты. Золотарёв перевел взгляд на Андрея и взялся за шариковую ручку.

— Вересов, что вы можете сообщить по факту совершенного преступления?

— Я ничего плохого не делал...

— Понятно. Не хотите работать со следствием, — Золотарёв удрученно вздохнул и повернулся к милиционеру в форме, стоявшему за спиной. — Коля, отведи подозреваемого в машину.

Когда Санька вернулся в гостиную, Андрея в ней уже не было. Он подошел к столу, за которым сидел следователь и молча протянул мешок с вещами. Получив пакет, Золотарёв поднялся со стула и, сложив в папку бумаги, направился к выходу.

— Жду вас завтра. До свидания!

Помимо Андрея, в полуподвальном «собачнике» находилось еще пятеро. Комната была темной и грязной, в затхлом сыром воздухе пахло табачным дымом и прокисшей мочой. Сокамерники, пристроившись на верхних настилах, разговорились. Через некоторое время один из них, соскочив на пол, застучал в металлическую дверь. Послышались шаги. В отверстии распахнувшейся со скрежетом кормушки появилось мясистое лицо тюремщика:

— Чего надо?

— Ужин когда?! Жрать охота! — заорал мужик бомжеватого вида.

— Ты поори еще тут! Не в санатории! Сегодня не жди. На довольствие вас еще не поставили! — дверца захлопнулась с противным скрипом.

— Гнида! — в сердцах выплюнул беззубым ртом арестант и, сморщив в злобной гримасе лицо, полез обратно.

Андрей сидел внизу, вжавшись в стену, до сих пор не веря в то, что произошло. В этот момент он чувствовал лишь глухое беспробудное одиночество. Вся его жизнь разом обрушилась, обвалилась, погребя под собой прошлое, настоящее и будущее. Он вдруг оказался один на один со своим горем. Ему неоткуда было ждать ни помощи, ни сострадания. Родители не знали о его личной жизни. Он всегда старался уберечь их от этой ненужной и такой болезненной правды. Но теперь скрываемая столько лет истина приобретала безобразные уродливые черты. И от этого становилось нестерпимо больно.

Его мама, любимая добрая мама не сможет пережить такого позора. Если она узнает, что сына обвиняют в совращении мальчика, то для нее это станет двойным ударом. От этих мыслей защемило в груди. Рома! Тот, кого он любил больше жизни, предал. Не поверил. Не выслушал. Отправил его за решетку, толком ни в чем не разобравшись, по первому импульсу, шальной мысли, пришедшей в голову. Как он вообще мог подумать, что Андрей способен на такое?! Он верил Роману, считая его надежным другом и опорой, самым близким, самым дорогим, самым родным. И в один миг тот отказался от него, отвернулся. Предал! Ведь Рома знает, что сделают с Андреем в тюрьме. За что?

Было холодно и страшно. Что ждет впереди? Об этом Андрей боялся подумать. Завтрашний день пугал своими мрачными перспективами. Страх пробирался под кожу, будто ледяными костлявыми пальцами погружаясь в теплую, наполненную кровью плоть, сжимал внутренности, втягивая их в один плотный пульсирующий в области солнечного сплетения сгусток.

От тяжелых мыслей отвлек хриплый голос:

— Курить охота! Братва, дайте закурить!

На просьбу бомжары кто-то презрительно хмыкнул.

— Эй, ты! — Андрей увидел сморщенное лицо, свисавшее сверху. — Курить есть?

Андрей достал из кармана пачку и протянул ее мужику. Тот ловким обезьяньим движением ухватил ценную добычу и, с хрипом расплзаясь в уродливой улыбке, скрылся из вида. Лезть в драку и отбирать сигареты Андрей не стал. Тюремные порядки были ему чужды.

Наутро Андрей проснулся от скрежещущих металлических звуков. Дверь в камеру распахнулась.

— Вересов, на выход, — в проеме стояла грузная фигура человека в сером камуфляже.

Не до конца отойдя ото сна, Андрей вскочил на ноги и направился к выходу.

— Лицом к стене! Руки за спину! — небрежный властный голос эхом отдавался от унылых тюремных стен. Загремели ключи. — Вперед!

Дежурный подтолкнул Андрея в нужном направлении. Они шли по извилистому коридору, залитому болезненно-желтым электрическим светом.

Атмосфера учреждения давила. Вдоль отсыревшей, с ржавыми потеками стены ошметками свисала потрескавшаяся и облупившаяся побелка. Одинаковые металлические двери выкрашены в уродливый серый. Откуда-то из глубины доносились глухие звуки, вибрирующие низкими частотами. Запах сырости, табака и нечистот сливался в едкий смрад, забивался в нос, впитываясь в кожу и волосы.

Каждый раз, остановившись у решетки, конвоир, побрякивая ключами, отпирал и запирал очередную дверь, повторяя грубым тоном две заученных фразы. Андрей потерял счет всем этим решеткам с толстыми прутьями, бесчисленным поворотам и узким лестницам. Наконец, тюремщик остановил его:

— Стоять! Лицом к стене!

Конвойный открыл дверь и, пропустив арестанта, встал у выхода.

В небольшой комнате за столом сидел уже знакомый светловолосый мужчина. Увидев на пороге Андрея, вместо приветствия он окатил его пренебрежительным взглядом:

— Садитесь, Вересов, — проследив за тем, как Андрей уселся на скамейку у стола, продолжил: — Давайте вернемся к нашему вчерашнему разговору. Что вы можете сообщить следствию о произошедшем?

— Ничего. Я не трогал мальчика.

— Знакомая песня. А если подумать?

— Мне нечего добавить к тому, что я уже сказал.

— А ты знаешь, что делают с педофилами в тюрьме? — Золотарёв, сцепив перед собой руки в замок, подался корпусом вперед. — Рассказать?

Андрей нервно сглотнул.

— Вересов, я, конечно, не маг и волшебник, но кое-что могу для тебя сделать. Если ты добровольно во всем признаешься, то я похлопочу, чтобы тебя оставили в ИВС*. Иначе я отправлю тебя в СИЗО*, как только у меня на руках будет решение. Я понятно выражаюсь? — его узкие серые глаза колко смотрели сквозь изящные сглаженные прямоугольники линз.

— Я не трогал мальчика, — Андрей уперся взглядом в столешницу.

Следователь резко выдохнул и покачал головой, опираясь локтями о стол.

— Не завидую я тебе. ИВС — это еще не вся тюрьма. Здесь всем глубоко насрать, за что тебя повязали. В СИЗО другие порядки. Как только в хате узнают твою статью... — Золотарёв сделал скорбное лицо. — Скрыть, конечно, не получится. Но у тебя есть возможность оттянуть момент истины до решения суда. Будешь писать чистосердечное?

Он придвинул к Андрею листок с лежащей поверх авторучкой. Стоическое молчание подследственного раздражало.

— Ну что, Вересов?

— Я не буду ничего писать, — уверенность в собственной невинности давала Андрею надежду на оправдание в суде.

— А не пиши, так даже лучше. В СИЗО ты до суда не доживешь. Тебя в камере сначала изнасилуют, а потом прибьют. Причем мучиться ты будешь долго. У наших сидельцев фантазия, знаешь, какая? Кружок «Очумелые ручки» нервно курит в сторонке. Последний раз спрашиваю, пишешь?

От сказанного по телу Андрея прокатился холод, ладони стали влажными. Но он продолжал стоять на своем, молча мотнув головой, не глядя на Золотарёва.

— Что ж, — следователь отодвинулся от стола и разочарованно посмотрел на Андрея. — Но запомни, Вересов, я все равно докопаюсь до истины, и тогда ты получишь по полной. Это я тебе обещаю! Посмотри и распишись в протоколе допроса.

Пробежавшись глазами по документу, Андрей поставил внизу свою подпись.

Золотарёв обратился к конвоиру:

— Я закончил. Можете увести!

Евгению Петровичу Золотарёву ужасно хотелось передать это дело как можно скорее в суд. Он всей своей сущностью ненавидел педофилов и за долгое время работы в органах никак не мог

привыкнуть к этой категории преступлений, каждый раз содрогаясь от выясняемых подробностей. Дело Вересова не было исключением. Следователю до отвращения не хотелось копаться в том, что отталкивающего вида смазливый мужик вытворял с ребенком. Принуждал ли он мальчика? Как уговаривал? Какими частями тела касался? От всех этих разговоров хотелось напиться, но прежде дать в морду этой твари.

От того, что Золотарёв уже узнал, становилось не по себе. После смерти жены папаша-гей забрал сына, решив, что в состоянии дать ему нормальное воспитание. И что из этого получилось, Золотарёв видит собственными глазами. Разве можно таким давать детей? Евгений полез в карман пиджака. Достав ртом из пачки сигарету, несколько раз чиркнул зажигалкой и закурил. Он уже пять лет пытается бросить, но никак не может избавиться от никотиновой зависимости, слишком близко принимая к сердцу расследуемые преступления. Евгений понимал, что такие профессии, как хирург и следователь, требуют особой жесткости, если не сказать черствости. И хотя говорят, что с годами эти качества появляются сами собой, но чувствительность Золотарёва к чужому горю никак не проходила. В такие минуты ему хотелось сменить работу, но что он будет делать? Ведь кроме расследований тяжких и особо тяжких он ничего не умеет. Золотарёв глубоко затыкнулся, выдыхая дым через нос.

—
*ИВС - изолятор временного содержания,

*СИЗО - следственный изолятор.

*СМЭ - судебно-медицинская экспертиза.

Часть 10

Как только милиция покинула квартиру, Роман потащил сына по адресам, оставленным следователем. Время было позднее. В больницах их принимать отказывались. Раздосадованный, он ругался с дежурными, но все попусту.

Вжавшись в кресло автомобиля, Санька тихонько радовался неудачам отца. Страх, что его обман раскроется, крепко засел в голове.

— Пап, поехали домой. Давай завтра, а? — заканючил он, когда Роман в очередной раз, со злостью хлопнув дверью, повернул ключ в замке зажигания.

— Гады! - негодуя, сквозь зубы процедил отец. - Я знаю, ты очень устал. Тебе столько сегодня пришлось пережить, Санька...

Он в сердцах потрепал сына по всклоченным вихрам.

Всю дорогу Роман помалкивал, обдумывая, как начать разговор, чтобы лишний раз не ранить. Несмотря на отвращение, которое он испытывал, ему хотелось выяснить, что все-таки Андрей делал с мальчиком и как долго это продолжалось.

Но по возвращении домой Санька сразу отправился спать. К Роману сон не шел. Он сидел за столом и курил над чашкой остывшего кофе. На мгновение он почувствовал жалость к Андрею. Однако сумел подавить в себе эту внезапную эмоцию. Поступку сожителя не было оправдания. Как же он мог так ошибиться в человеке? Роман всегда считал Андрея намного лучше себя. И тут такое! Вдруг Роман задумался над тем, что нередко люди отождествляют гомосексуальность с педофилией. Может, есть в этом рациональное зерно? Крестовский

попытался вспомнить какие-то свои ощущения, связанные с мальчиками. Но кроме симпатии, вызванной ностальгией по детству, ничего не нашел. Глядя на мальчишек, он вспоминал себя в их возрасте. Как носился с утра до вечера по улицам, как играл с друзьями в казаки-разбойники, как прыгал с крыш гаражей в снег. И ничего похожего на влечение.

Этой ночью Санька тоже не спал, ерзая в кровати. Он чувствовал себя очень паршиво. В голове крутились разные мысли, возвращая к событиям сегодняшнего вечера. Он вспомнил глаза Андрея, полные страха, когда отец увидел обнаженного Саньку. Как тот ползал в ногах у отца, умоляя выслушать. Стенания на полу в гостиной.

Перед глазами всплывали картины обреченной безмолвной покорности, с которой Андрей принимал все обвинения отца в свой адрес, когда приехал следователь. Сане отчего-то стало жаль парня. Во всем случившемся была ужасающая несправедливость. Несомненно, то, что происходит между папкой и Андреем стало причиной всех бед, свалившихся на Саньку в последнее время, но разве за это надо сажать в тюрьму? Чувство вины за случившееся не давало покоя. Оно словно царапало изнутри маленькими коготками, причиняя почти физическую боль. Что теперь будет? Отец так сильно разозлился, что готов был убить Андрея. Санька видел, как сжались папкины кулаки, когда тот плюхнулся перед ним на колени. Но рассказать правду было страшно. От одной только мысли о том, что его вранье выплывет на поверхность, Саньку охватывал ужас, заставляя сердце замирать. Но как долго он сможет жить с этой ложью, зная, что из-за него страдает невинный человек?

Утром Роман и Санька снова направились на медицинское освидетельствование.

В больничном коридоре никого не было. Роман подошел к нужному кабинету. Заглянув туда, он долго и путано объяснял суть визита старенькому профессору в белом халате.

— Как я понимаю, постановления на руках у вас нет, — сухонький старичок посмотрел на мужчину поверх очков.

— Нет, но есть направление, — Роман шагнул внутрь. Санька засеменял следом.

— Очень хорошо! — взяв в руки протянутую бумажку, эксперт посмотрел на подростка. — Как ты себя сегодня чувствуешь?

Санька, покусывая губы, покосился на седовласого врача и, громко шмыгнув носом, ответил:

— Нормально.

— Спал хорошо?

— Не очень.

— Саша, я задам тебе несколько неприятных вопросов, но ты постарайся на них ответить. Договорились? — пожилой мужчина посмотрел на мальчика ласковым взглядом. Санька кивнул.

— Скажи, пожалуйста, как так получилось, что ты оказался раздетым, когда твой папа зашел в квартиру?

— Андрей снял с меня джинсы.

— И ты не сопротивлялся?

— Нет. Я испугался, когда он начал их расстегивать.

— А что было дальше?

Санька почувствовал, как заливается краской, не зная, что ответить старичку. Ведь Андрей его и пальцем не тронул. Сейчас-то его ложь и раскроется! Он набычился и опустил глаза, крепко стиснув губы, будто боялся, что правда сама вырвется наружу.

— Следователю даже этого не рассказал, — волнуясь, пояснил Роман.

— Что ж, его можно понять. Для ребенка это большой стресс. Давайте тогда приступим к осмотру. Ну-с, молодой человек, — профессор, поднявшись со стула, подошел к Саньке и, открыв дверь в смотровую, сделал приглашающий жест. — Проходи, раздевайся. Сейчас мы запишем телесные повреждения. Начнем с внешнего осмотра, а потом уже и все остальное, если получится.

Санька оголился до трусов и слегка поежился от прохладного уличного воздуха, попадающего в помещение через открытую узкую форточку. Доктор, внимательно осматривая руки, ноги и тело ребенка, сдвинул брови, стал сосредоточенно диктовать:

— Так! Гематомы на внешней стороне правого бедра, небольшие, около двух сантиметров в диаметре. Количество пять штук, — молоденькая медсестра заносила в документ то, что говорил профессор. — А здесь у нас что? Поверхностная царапина... так... очень хорошо... три сантиметра в длину... глубокого повреждения эпидермиса нет... Кровоподтек на правом предплечье овальной формы...

Профессор замерил небольшой линейкой ссадину.

— ...четыре сантиметра в длину... ширина — один...

— Это я с Киселём в субботу подрался, — буркнул Санька себе под нос.

— Вот как? — старичок посмотрел на него из-под очков. — Ну-с, давайте теперь попробуем выяснить, было ли анальное сношение.

Профессор кашлянул и повернулся к Роману:

— Папочка, нам нужно будет снять трусы и наклониться. Вы не против?

— Да-да. Я все понимаю... — Роман нервно сглотнул и обратился к сыну, — Саня, сделай, пожалуйста, как говорит доктор.

Санька застыл в недовольной позе, надув губы.

— Не буду, — просьба эксперта показалась унижительной.

— Саня, пожалуйста, это надо сделать! Я прошу тебя, — Роман умоляюще смотрел на сына. — Доктор, можно я с ним поговорю наедине?

— Да-да, конечно! Мариночка, давайте оставим молодых людей на минуту, — с этими словами профессор вывел девушку из смотровой, взяв ее под локоть.

Дождавшись, когда за ними закроется дверь, Роман подошел к Саньке вплотную и заглянул в лицо.

— Саня, ты же понимаешь, что это все серьезно? Мы так и не поговорили. Ты мне ничего не рассказал. Ну? Это нужно для следствия, чтобы наказать его.

— Не надо. Он со мной ничего не делал, — мальчик опустил голову, старался не смотреть в глаза отцу. В ушах гулко стучало, от волнения ладони стали влажными и липкими. Ему было страшно, что теперь его могут наказать за обман. Санька почувствовал, как к горлу подкатывает ком.

— Я знаю, что тебе стыдно. Но это не повод, чтобы простить Андрея.

— Не делал он мне ничего... Это я сам...

— Что?! Я не понимаю! — внутри у Романа будто что-то оборвалось и упало, обдавая холодом.

— Это я специально придумал...

— Что ты придумал?!

Санька сжал губы и исподлобья посмотрел на отца.

— Я дождался, когда ты приедешь, а потом подошел к Андрею и сам снял штаны...

Оглушенный таким откровением Роман схватился за голову. Мысли путались, насакивали одна на другую, смешивались, взрывая мозг непрекращающимся хаотичным движением. Он вдруг осознал всю абсурдность и жестокость сложившейся ситуации. Пол будто закачался под ногами. Голова закружилась. Его охватил ужас.

— Но зачем?! Саня?!

— Я хотел, чтобы ты его выгнал.

— Да, черт возьми, почему?! — отец схватил сына и хорошенько тряхнул. — Посмотри же на меня! Почему?!

— Потому что ты из-за него стал таким! Я все видел! — сорвалось с Санькиных губ.

Последние слова будто обрушились, давя невыносимой тяжестью. Роман понял, что его трусость может обернуться трагедией для любимого человека. Панический страх открыть правду сыну был самой большой ошибкой. Может, если бы он не смалодушничал год назад и честно признался мальчику, то этого бы не случилось. Или поговорил с сыном еще каких-то два дня назад, не откладывая на завтрашний день. Ну почему он такой трус? Получается, что во всем виноват он и никто больше. Именно его эгоизм толкнул Саньку на столь отвратительный поступок. А Андрей? Почему он не поверил человеку, которого любил, обвинив в чудовищных вещах? Бедный Андрей. Получается, что Роман из-за трусости опять предал его, как сделал уже однажды. Но тогда Андрей его простил. Простит ли сейчас? А что, если в тюрьме... от внезапно пришедшей в голову мысли Роману стало не по себе. Надо было что-то срочно предпринять. Вытащить любимого из заключения. Но сейчас главное — попытаться все

объяснить Саньке, иначе он может еще таких дров наломать.

— Саня! — в полном отчаянии Роман заглянул в глаза сыну. — То, что ты видел — плохо, но если только это происходит не по любви. Понимаешь? Как бы тебе это лучше объяснить... Многие мужчины, когда приходит время, встречают ту единственную женщину, которую хочется любить и оберегать. И к ней возникает особое притяжение. Тогда они ложатся в кровать и занимаются сексом, чтобы выразить то, что чувствуют. Но иногда природа ошибается и единственным оказывается парень, такой же, как и ты... Такими рождаются... С этим ничего не поделаешь. Это как цвет глаз, нельзя изменить.

— А Андрей, он твой единственный? — неуверенно спросил Санька.

— Да, — сердце Романа больно сжалось.

Мальчик смотрел на отца глазами, полными отчаяния. Уголки рта опустились, от негодования губы мелко задрожали.

— А я?! Как же я?! — по мальчишеским щекам покатались слезы. — Ты хочешь быть только с ним, а я совсем тебе не нужен...

Санька, схватив оставленные на кушетке брюки, начал быстро одеваться. Руки тряслись, делая привычные движения неловкими и порывистыми. Пелена застилала глаза, крупные капли изредка срывались с глаз на пол.

— Пойми! Это другое... — пытался оправдаться Роман.

— Ненавижу вас обоих... Ненавижу... Сволочи!

Наспех натянув на себя толстовку, Санька запихнул ноги в кроссовки и ринулся к выходу.

— Саня! — Роман попытался остановить сына, схватив за локоть, но тот ловко вывернулся и выбежал из кабинета.

Роман выскочил следом, лишь махнув рукой на удивленный возглас эксперта.

— Саня! Постой! — он побежал по коридору за быстро удаляющейся фигурой подростка. Нагнав его почти у самого выхода, Роман схватил сына в охапку и прижал к груди.

— ...пусти...пусти...ненавижу... — Санька отчаянно сопротивлялся, пытаясь ударить отца. Но Роман крепко держал его, не давая возможности выскользнуть.

— Саня, Саня! Успокойся! — Роман уткнулся подбородком в рыжую макушку.

— ...пусти... — тело подростка обмякло в сильных отцовских объятиях, Санька зарыдал.

— Все... успокойся... — Роман тяжело дышал. — Я люблю тебя, ты мой единственный ребенок... Ты мой сын... Никто на свете не сможет заменить тебя. Понимаешь? Никто.

Санька, жалобно воя, вцепился в отца, стиснув тонкими пальцами мягкую ткань джемпера.

— А Андрей... Андрей... он не виноват... так нельзя, понимаешь... я не могу любить только тебя... но с Андреем это другое... тебя я никогда не разлюблю. Ты всегда будешь мне дороже всех... Ты мне веришь? Веришь?

Санька замолк, слушая Романа, только изредка вздрагивая телом от судорожных всхлипываний. Отец и сын стояли среди больничного коридора, обняв друг друга, и молчали. Мимо проходили люди, оборачивались, смотрели, не понимая, что происходит. Но каждый чувствовал то незримое, искреннее, сильное, что связывало этих двоих.

Паузу нарушил хриплый от слез мальчишеский голос:

— Но почему ты такой, а? Не как у всех?

— Не знаю, сын, — Роман попытался улыбнуться, но вместо этого у него получилась только скорбная гримаса.

Когда Роман проснулся, в квартире было тихо. Слышался только ход настенных часов, беспощадно отмеряющих время. По углам скользил полумрак, рассеиваемый тусклым дневным светом. Возле разобранного дивана валялись наспех снятые вещи. Роман встал с кровати и, ступая босыми ногами по прохладному дощатому полу, выкрашенному темно-коричневой краской, прошелся по всем комнатам. Андрея нигде не было. Произошедшее этой ночью на миг показалось сном.

— Андрей, — позвал он. Ответом ему была тишина.

Вдруг Романа осенила мысль, что он не знает ни номера телефона Андрея, ни где тот живет. Почему он ушел вот так, не попрощавшись? В надежде, что Андрей оставил записку, Роман беглым взглядом окинул все поверхности. Но ни на полочке рядом с поваленной фотографией, ни на круглом столе, накрытым бежевой скатертью с длинными кистями, ни на старом полированном трюмо не было ничего похожего. Неужто для него эта встреча ничего не значила? Приятно проведенный вечер, мимолетный секс и больше ничего?

У Романа появилось неприятное чувство, что его просто использовали. Но ведь Андрей не настаивал ни на чем, не напрашивался. Даже хотел уйти. В голове настойчиво вертелись слова, брошенные невзначай: «После того, как ты просишь прощения, мне бывает очень хреново». Андрюшка же не мог просто так все забыть, ведь он когда-то любил его. Теперь Роман это знал наверняка. У него было много времени, чтобы во всём разобраться. Те пять лет, что они не виделись, Крестовского не оставляла эта мысль. Сколько пришлось передумать, переосмыслить, понять, чтобы признаться себе в том, что он тоже любит. И любит мужчину.

Поначалу эта мысль казалась Роману невообразимой дикостью, от которой становилось страшно настолько, что он долгое время пытался заставить себя перенаправить копившуюся в душе нежность на жену, но не получалось. Со временем, когда чувства к Андрею померкли, Роман стал замечать, что поглядывает на симпатичных парней. Однако решиться на отчаянный шаг так и не смог. Но даже тогда он невольно сравнивал приглянувшихся мужчин с Андреем. Он тосковал по своей несостоявшейся любви так, что делал попытки найти любимого, но все было тщетно. Роман уже ни на что и не надеялся, когда неожиданно увидел друга, сидевшего за столиком в кофейне. Именно в эту минуту Роман понял, что больше никогда не сможет отпустить Андрея. Ведь это его Андрюшка, такой любимый, такой желанный!

Андрея надо найти во что бы то ни стало. Единственной зацепкой был театр оперы и

балета, благо в городе он только один.

Праздники пролетели как одно мгновение. Вскоре Даша с Санькой вернулись от тетки, и жизнь потекла своим чередом. Однако Роман, как полоумный, почти каждый вечер пересекал чуть ли не весь город, чтобы постоять возле служебного входа в театр, надеясь, что встретит Андрея. Караулить пришлось недолго. Через две недели Роман увидел, как Вересов идет по театральному скверу в сторону перекрестка.

— Андрей! — окликнув, Роман подбежал к Андрею, и тяжело дыша, схватил его за руку. — Постой, нам надо поговорить!

— О чем? — Андрей даже не удивился, увидев Романа.

— Почему ты тогда сбежал? — Крестовский, пытаясь восстановить дыхание, наклонился вперед. Полы незастегнутого черного кашемирового пальто разъехались, давая разглядеть строгий серый костюм. Белый шарф свисал так, что напоминал полотенце на шее боксера во время брейка.

— А для чего мне было оставаться? Мы приятно провели время и только...

— И все на этом?

— А разве может быть что-то еще, Рома? Если ты не забыл, то у тебя семья, сын...

— Но ты мне нужен.

— В качестве кого? Какую роль ты мне отвел? Любовницы, которая тоскливо ждет у окна, получая жалкие подачки? Вообще-то, я хочу тебе напомнить, что я не баба. Меня роль наложницы султана не устраивает.

— Ты хочешь, чтобы я развелся?

— Больной! Иди к жене, я не хочу тебя больше видеть! — с этими словами Андрей уже направился к остановке, но Роман крепко ухватил его за руку.

— Стой! — зло процедил он, и, уставившись куда-то вдаль, стал говорить сквозь плотно стиснутые зубы: — Ты от меня так просто не отделаешься! Я тебя не отпущу, слышишь?!

Роман резко развернул Андрея к себе лицом и, глядя в глаза, продолжил:

— Я люблю тебя и мне плевать, что ты об этом думаешь! Ты мой, понял, и только мой!

Андрей, испуганно озираясь по сторонам, зашипел:

— Крестовский, ты псих! Отпусти меня, на нас люди смотрят!

— Если ты сейчас не скажешь, что согласен со мной встречаться, то я прям здесь тебя поцелую в засос! Ты этого хочешь?!

— Чокнутый!

— Так я не понял, да или нет?!

— Да-а! Отпусти же, наконец!

Роман с облегчением выдохнул, на мгновение прикрыв глаза.

— Так-то лучше. Пойдем.

— Куда?

— Моя машина припаркована у входа в театр. Я тебя отвезу домой.

— Крестовский, тебе голову не мешает проверить...

— Угу, пойдем. В машине продолжишь свои комплименты.

Роман, как только оказался в салоне автомобиля, притянул Андрея к себе и накрыл его губы ртом. Внутри сладко заныло. Они целовались долго, слегка прихватывая зубами кожу, шаря по телу руками.

— Андрюха, я так больше не могу, — зашептал Роман, обдавая горячим дыханием.

Андрей наклонился и расстегнул ширинку на его брюках. То, что произошло потом, Роман толком не запомнил. Словно в тот момент все провалилось в темноту зимнего вечера. Он слышал только звон в ушах и гулкое биение сердца, пульсирующего в груди с невероятной силой.

Увидев на пороге квартиры хорошо одетого незнакомого мужчину, бабушка-божий одуванчик ничего не сказала, лишь окатила гостя оценивающим взглядом.

— Добрый вечер, Марья Никитична! — поздоровался Андрей.

— Это что ж, друг? — не ответив на приветствие, скривилась бабка.

— Да. Друг.

— Роман, — мужчина, ухватив старуху за костлявую руку, слегка потряс ее. Та брезгливо освободилась от столь нахального приветствия.

— Бухать, что ли, собрались?

— Никак нет! Никаких «бухать»! Мы парни приличные, потребляем только чай. Правда, Андрюх? — настроение у Крестовского было игривым.

— Ну-ну, хоть закуска-то к чаю есть? А то смотрите, буянить начнете, я ментов вызову!

— Не волнуйтесь, бабуля, мы тихо. Как мышки! — Роман бережно приобнял пенсионерку.

— Ты руки-то убери. Ишь, какой охальник! Бабу свою хватать будешь. — Старуха отстранилась и шаркающей походкой направилась в свою комнату.

— Давай чаем тебя напою. А то замерз совсем в своем фильдеперсовом пальто, охальник! — усмехнулся Андрей. — Раздевайся, проходи в комнату. Я сейчас все принесу.

— Как скажешь, любовь моя, — одними губами проговорил Роман.

— Балбес!

— Не обзывайся, меня это заводит, — Роман подошел к Андрею вплотную и, закусив нижнюю губу, обхватил друга, глядя наигранно томным взглядом карих глаз.

— Тоже мне, Казанова! — Андрей аккуратно убрал с талии руки Романа и направился в кухню.

С тех пор Роман зачастил в гости к Вересову. Поначалу они боялись, что бабка может их заподозрить, поэтому любовью занимались нечасто, стараясь это делать как можно тише. Но со временем бдительность притупилась, и они стали давать волю своим сексуальным фантазиям, не задумываясь о последствиях, под носом у бабушки-божьего одуванчика. Однако старушка оказалась не из робкого десятка и довольно скоро сообразив, что творится в квартире, вызвала милицию.

Роман собирался уходить и, полностью одетый, уже топтался в коридоре. Звонок в дверь стал неожиданностью. Бабка выползла из комнаты и, кое-как переставляя ноги, обутые в стоптанные тапки, направилась открывать. К большому удивлению, на пороге стоял милиционер, в котором Роман узнал свояка. Он был в курсе, что родственник работает в органах, но его никогда не интересовали подробности.

— Ба-а-а, Крестовский ты ли это? — Виктор расплылся в неестественно радостной улыбке.
— Честно говоря, не ожидал тебя увидеть! Надо же, какая удача!

— Товарищ милиционер! — перебила его бабка. — Товарищ милиционер, я вам звонила. Педерасты у меня в квартире. Арестуйте их.

Старуха показала трясущейся рукой на ошарашенных неожиданной выходкой пенсионерки мужчин.

— Крестовский? — участковый, вскинув брови, уставился на Романа.

— Какой бред! — отмахнулся от обвинений старухи тот, закатив глаза и многозначительно покачав головой.

— Бабуля, с чего вы взяли, что они педерасты?

— Я все слышала. Они в комнате закроются и начинается... Бум-бум-бум... А у меня давление... Мне врач таблетки прописал... — надтреснутый голос старухи дрожал в попытке что-то объяснить участковому.

Увидев, как лицо любовника в изумлении вытягивается, Крестовский перехватил инициативу:

— Да она из ума выжила! Мерещится черт знает что! Это мой старый приятель. Недавно встретились. Ну, посидели немного. — Роман показал кулак, отставив в сторону мизинец и большой палец.

— Врет он... Педерасты... Арестуйте их...

— С радостью бы, но не могу. Сейчас не тридцать девятый. Другие жалобы есть? — Виктор едва сдерживал хохот.

— Они ко мне приставали... — тряся головой, бабка вглядывалась белесоватыми мутными глазами в участкового. Ее обвисшее морщинистое лицо ничего не выражало. Седые волосы, сколотые желтым пластиковым гребнем, вываливались из прически и торчали клочьями. — Вот этот особенно, — старуха показала на Романа.

— Он меня за руки хватал и обниматься лез...

— Крестовский, да ты, я смотрю, вообще очумел! Не только с мужиками зажигаешь, но и к старушкам пристаешь! — Виктор громко заржал, краснея лицом. — Ну, блин, ваще... Столько за вечер о тебе узнал...

Проржавшись, он громко со звуком выдохнул, утирая выступившие на глазах от смеха слезы.

— Ну, бабуля, ну даешь! Молодец... — его еще временами потрясывало от хохота.

Роман стоял бледный как полотно, и смотрел на свояка. Он не знал, как воспримет Виктор слова, сказанные старухой. Если он ей поверит, то скандала не избежать.

— Ладно, бабушка, пойду я. Не бойтесь, они больше к вам приставать не будут. Я прослежу.
— И, повернувшись к выходу, произнес: — Идешь, Раскольников?

Когда Роман с Виктором вышли из подъезда, последний повернулся к родственнику:

— Тебя до дома подвезти?

Роман хотел сказать, что на машине, но осекся, вспомнив, что наплел свояку о пьяных посиделках. Оказавшись внутри ментовского «бобика», родственник дружелюбно улыбнулся:

— Не бери в голову, Крестовский! Знаешь, сколько таких старушек у меня на участке? С крышей не все в порядке. — Заведя машину, Виктор вырулил со двора и продолжил: — Одна бабка соседям снизу на балкон кипяток лила. Мстила, за то, что те якобы ее микроволновкой облучают. Так и сказала: открывают дверцу в потолок, включают и ждут, когда она от излучения помрет, чтобы ее квартирой завладеть.

Он замолчал, в салоне повисла пауза. Слышалось только, как работает мотор и шумит коробка передач при переключении скоростей.

— Жалко их. Одинокие. Никому не нужны, вот и хотят привлечь к себе внимание, — после нескольких минут размышлений резюмировал свояк.

За окном мелькали пейзажи освещенных вечерних улиц. Свет фонарей и витрин отражался от снега, покрывавшего тротуары и крыши домов. Крупные частые снежинки носились в темном небе, застилая обзор, падали на лобовое стекло, таяли, и, не успевая превратиться в прозрачные капли, смывались работающими дворниками.

Часть 11

В баре царил полумрак. Затхлый запах, вьедшийся в обивку мебели бил в нос с порога. Вдоль стен узкого длинного зала стояли столики для гостей. Высокие спинки выдавших виды диванов

отделяли пространство возле каждого из них, создавая иллюзию отдельного кабинета. Под потолком в клубящемся сизом мареве сигаретного дыма тускло светили плафоны желтого стекла. Из динамиков негромко доносились звуки шансона. От беззвучного мельтешения ярких картинок на экранах плазменных панелей, установленных по углам, рябило в глазах. Над окнами и дверью висели шарфы, плакаты и флаги болельщиков «Зенита».

Никитин не сразу заметил Льва, сидящего в дальнем углу. Увидев школьного товарища, озирающегося по сторонам, Петров привстал с места и помахал. За те несколько месяцев, что они не виделись, приятель изрядно поправился. Воротничок синей рубашки, видать, не сходил с мощной шее, поэтому две верхние пуговицы её были расстегнуты. Темно-сиреневый галстук сбился набок. Редущие темные волосы зачесаны так, что едва скрывают небольшую плешку на темечке.

Сергей Петрович подошел ближе и, пожав приветственно вытянутую руку, удобно устроился на свободном диване.

— Чего пьешь? – кинув короткий взгляд на высокую кружку с пивом, спросил Никитин.

— «Миллер». Заказал, чтобы скоротать время в ожидании.

— Понятно, — отозвался Сергей Петрович, блуждая взглядом по залу в поисках официанта. – Девушка, можно вас?

К столику подошла дама средних лет в длинном сером фартуке. Пуговицы белой сорочки в области груди пикантно натягивали ткань.

— Что будете заказывать? – не улыбаясь, спросила женщина.

Сергей Петрович, подняв глаза, уперся в пышный бюст. Почувствовал неловкость и перевел взгляд на бейдж:

— Будьте добры, Наташа, пива. А какое есть кроме «Миллер»?

— «Василеостровское» нефильтованное. Светлое, темное... «Карлсберг»...

— Нефильтрованное светлое. И что-нибудь к пиву.

— Берете «Василеостровское» — получаете в подарок от нашего бара гриссини. Принести?

Никитин решил не показывать свою неискушенность в итальянской кухне, поэтому безропотно согласился на предложение. Дама окатила мужчину высокомерным взглядом и удалилась.

— Ну, как дела? Рассказывай, — кивнул Сергей Петрович.

— Да вроде ничего. Работаем. Людмила недавно к родителям ездила. Мать у нее хворает, второй год с постели не встает.

— Печально. А дети?

— Женька в третий класс перешел. А Севка, — Петров махнул рукой. — Оболтус! всю кровь матери выпил.

— Что на этот раз?

— Ты представляешь, с другом в толчок зажженную петарду смыли. Всю школу с первого по третий этаж говном залило... Пришлось в ремонт вложиться... Паразит!- в сердцах выругался Лев.

— Себя в его возрасте вспомни.

Петров недовольно поморщился:

— Да когда это было? Тогда и времена другие были.

— Времена всегда одинаковые. Перерастет.

— Я, собственно, к тебе с этим и хотел обратиться. Кое-как директора успокоил... Он с меня слово взял, что переведу своего бандита в другую школу. Хотел тебя попросить по старой дружбе... может, возьмешь к себе?

— Слушай, Лев... У меня и так проблем по горло, мне только твоего балбеса не хватало!

— Ну, Серёга, ну... будь другом! Я в долгу не останусь!

Никитин в задумчивости почесал лоб. Петров хоть и криминалист, но в юридических вопросах подкован по-всякому лучше него самого. А в свете последних событий консультации специалиста были бы очень кстати, тем более работник следственного комитета наверняка имеет неплохие связи и в смежных с уголовным правом сферах, чем, возможно, Никитину придется воспользоваться.

— Ладно, — решил предложить взаимовыгодную сделку Сергей Петрович. — Но при условии, что ты мне помогаешь разобраться кое с чем.

— Так значит, я к тебе с документами на днях подъеду? — Петров заискивающим взглядом посмотрел Никитину в глаза.

— Подъезжай, — вздохнул Сергей Петрович, отпивая пиво из только что принесенной кружки.

— А у тебя что за проблемы?

— Да на работе... Вот и ты уже знаешь о моих перспективах, а тут развели шум...

— Закон подлости. Так в чем суть, расскажешь?

Никитин провел рукой по лицу от виска до подбородка и, поморщившись, продолжил:

— Недавно к нам из другого города мальчик перевелся. Мальчишка как мальчишка. Обыкновенный. На первый взгляд ничего особенного. Но тут выяснилось, что отец у него... как бы это сказать... нетрадиционной ориентации.

— Бывает, — скривился в ухмылке Лев. — Ну и что? Что тут такого?

— Вот и я так подумал. Ну и что? — Сергей Петрович развел руками. — Оно меня не касается и ладно. Но ведь нашлась активистка, выследила. Пинкертон в юбке! Пришла и поделилась своим «счастьем» с классной руководительницей. А та — тетка старой закалки, принципиальная. Навела шороху. Настропала родителей письмо направить в попечительский совет, чтобы лишить отца прав. Якобы его аморальное поведение ставит под угрозу жизнь ребенка. Вся школа на ушах, только это и обсуждают... пацаненка сверстники

гнобят всюду. Драку учинили недавно... В общем, такие вот невеселые дела...

— И что? - Петров вальяжно развалился на диване. - Ты из-за этого переживаешь?!

— Ну да. Сейчас начнутся разбирательства, проверки, комиссии...

— Пф-ф, было бы из-за чего переживать?! Что, у кого-то доказательства есть, что мальчику угрожает опасность? Даже если попечительский совет передаст это в органы опеки, даже если те в суд подадут... Папашка придет и всем им в лицо плюнет. Скажет, не знаю, не видел, не состоял. Пойди докажи! Да даже и состоял. Если не было посягательств на половую неприкосновенность, то говорить тут не о чем. Серёга, забей и даже не думай! Ерунда какая! А проверки... так если нет ничего, пусть проверяют... Походят, походят, да и вернутся восвояси. Ну, не мне тебя учить, как проверяющих встречать! Еще и хвалебные отзывы напишут. Так что, расслабься и не паникуй! Давай лучше за встречу выпьем!

Порядком захмелевший Петров потянулся обновленной кружкой пива к бокалу Сергея Петровича.

Роман ураганом ворвался в кабинет следователя. Золотарёв сидел за столом.

— Он ни в чем не виноват! Санька все придумал! Ничего не было! Вы понимаете? Ничего! — прямо с порога начал Крестовский.

— И вам здравствуйте, Роман Олегович! — следователь был невозмутим. — Давайте оставим эмоции и спокойно поговорим.

Санька топтался возле отца, уткнувшись взглядом в носки собственных ботинок.

— Итак, мальчик прошел освидетельствование?

— Да, мы были, но это уже неважно! Саня мне признался, что все придумал, чтобы поссорить нас с Андреем! - Роман тяжело дышал, слова и мысли путались.

— Хорошо. Так значит, вы утверждаете, что мальчик все придумал?

— Да, придумал.

— А вы знаете об ответственности за дачу ложных показаний? Кажется, я вам уже об этом говорил в день, когда было совершено преступление.

— Никакого преступления не было!

— Ну как же! Вы вызвали милицию. Заявили, что застали мальчика голым в компании вашего друга. По-моему, это веское основание полагать, что было совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не так ли, Роман Олегович?

— Да нет же! Это просто недоразумение! - Роман с надеждой посмотрел в холодные серые глаза.

— Могу я поговорить об этом с Сашей? - спросил Золотарёв. Роман кивнул. - Саша, расскажи мне, что произошло вчера?

— Я дождался, когда папкина машина заедет во двор, а потом подошел к Андрею и снял штаны... — боясь взглянуть на следователя, Санька еще ниже опустил голову.

— Вот видите? Что нужно сделать, чтобы Андрея выпустили? Заявление забрать?

— Хм, — хмыкнул Евгений Петрович. — Забрать заявление нельзя.

— Как нельзя? — опешил Роман.

— Вересов же не палку колбасы в магазине украл. Это преступление против личности.

Романа охватил ужас. Во рту пересохло. Кое-как ворочая вмиг прилипшим к нёбу языком, он растеряно спросил:

— Что же тогда делать?

— А ничего, — Золотарёв откинулся на спинку стула и, положив на нее локоть правой руки, брезгливо разглядывал поникшую фигуру. — Дело будет расследовано, затем передано в суд. Там окончательно решат, виновен Вересов или нет. А пока ничем не могу помочь!

— Но как же так!.. — Роман вскочил с места и, нависая над столом, гневно сверкнул на следователя глазами. — Вы должны прекратить дело!

— Нет! — лицо следователя перекошило от злобы. — Я не могу прекратить это дело! У меня есть ваши показания, и я доведу его до суда! Чего бы мне это ни стоило!

— Но почему, черт возьми?!

— Потому что я не верю ни единому вашему слову!

— Но ведь Саня... — Роман в растерянности плюхнулся на стул.

— А знаете, во что я верю? — Золотарёв прищурился. — Вы увидели своего друга с сыном. Приревновали. А потом, поостыв, пожалели своего любовника и придумали эту нелепую историю. Надавив на ребенка, заставили его рассказать эту чушь!

Слова следователя поразили Романа, как удар молнии. Он понял, что мышеловка захлопнулась и уже просто так из нее не выбраться. В голове промелькнули страшные мысли. Андрей! Что же с ним теперь будет? Силы будто разом покинули, сменяясь полным опустошением. Роман обреченно посмотрел на Золотарёва и, сглотнув слюну, тихо спросил:

— Скажите, где он сидит? Я могу его увидеть?

— Нет.

— Поймите, у него кроме нас с Санькой в городе никого... — следователь отрицательно покачал головой.

— Но почему?

— Станный вопрос. Вы потерпевшая сторона, он обвиняемый. Это противоречит интересам следствия.

Когда они вместе сели в машину, Санька взглянул на отца. Тот словно сильно постарел за каких-то двадцать минут, проведенных в кабинете следователя. Его лицо будто накрыла серая тень. Глаза стали тусклыми и пустыми. Складки морщин залегли глубже, делая их более явственными. Спина ссутулилась, грудь впала. Уголки рта опустились книзу, губы побледнели и сделались тоньше. Он положил руки на руль и замер, уставившись сквозь лобовое стекло вдаль.

Санька не узнавал его, словно это был не его папка, а какой-то чужой незнакомый человек. От этого стало страшно. Вдруг Санька понял то, что никак не хотел понять всю дорогу от больницы до здания следственного комитета. Отец ведь пытался донести до него мысли о том, что нельзя из-за сыновей ревности, чужих домыслов и неприязни, непохожести на других, обвинять человека в страшных вещах. Как бы неприятен был Саньке тот факт, что Андрей и отец — любовники, но суть оставалась одна: он посадил невинного человека за решетку, поставив на одну ступень с насильниками и убийцами, причинив тем самым страшную боль единственному родному человеку — своему отцу в погоне за его любовью.

Санька понял, что до этой минуты он был неискренен в тех словах, что говорил следователю, не желая признавать право Андрея на место в сердце Романа. Но видя перед собой отчаявшуюся папкину фигуру, Санька, наконец, смог почувствовать всю отвратительную фатальность сложившейся ситуации. Ему стало нестерпимо жаль и отца, и Андрея, и себя. Как же все запуталось, закрутилось, перемешалось... Ведь папка никогда не будет счастлив без своего любимого, так же как и не будет счастлив без него, без Саньки. Андрей и Санька — две половинки счастья одного человека, без которых жизнь теряет всякий смысл. Что же он наделал? Саньке вдруг захотелось вернуться и объяснить все следователю, чтобы тот, наконец, понял, насколько они все трое важны друг для друга. Что счастье возможно, только когда они вместе, как это было еще год назад, и Саньке плевать на то, что скажут другие. Ну и пусть говорят. Пусть. Лишь бы все стало как раньше! Лишь бы отец снова улыбался, ведь он у него единственный и Санька не может его потерять.

— Пап... — Санька осторожно коснулся руки Романа. — Прости меня, пап...

Роман зажмурился. Хотелось забыть от собственного бессилия. Он должен справиться с этой дурацкой ситуацией, что-нибудь придумать, чтобы вытащить Андрея из тюрьмы. Сейчас не время сидеть и страдать от своей беспомощности, надо действовать, искать выход. Но куда пойти? Куда податься? Роман никогда не имел дела с милицией, тем более с прокуратурой и тюрьмой. Если не считать мужа Кати, который был рядовым участковым и к тому же жил в другом городе. Не станет Виктор помогать Роману даже советом. После того как узнал правду, свояк здороваться перестал, не говоря о чем-то большем. Да и не виделись они со времен развода.

После того, как Роман уходил, Андрей чувствовал себя отвратительно. Ему не хотелось отпускать друга. Каждое такое расставание давалось с трудом. Сердце больно щемило от мысли, что предстоит прожить несколько дней без родного человека, лишь вспоминая его глаза, смотрящие с любовью и нежностью, его легкую улыбку, и мягкий волнующий голос. Андрей едва сдерживал слезы. И каждый раз мысленно ругал себя за эту чрезмерную сентиментальность.

Он очень сильно любил Романа, но ужасно боялся признаться в этом. Ведь бытует мнение, что один только любит, а другой позволяет себя любить, и нельзя ни при каких обстоятельствах говорить, что ты любишь больше, иначе все пропало. И Андрей молчал,

улыбаясь в ответ на Ромкины нежные признания. Словно это единственное «люблю» будет слишком сильным, слишком глубоким, и тогда сказка закончится, Роман растворится в потоке бытия, оставив в наследство лишь ноющее сердце и светлые воспоминания о прекрасной поре их взаимного счастья.

Но разве Андрей может надеяться на другой исход? Ведь рано или поздно эйфория пройдет и Романа потянет назад, в уютное семейное гнездышко. Иметь семью — это же так здорово. Так чудесно, когда есть любимые родные люди, которые волнуются за тебя и ждут твоего возвращения домой. Когда мягкие детские ручки, сладко пахнущие ванильным печеньем, обнимают за шею, крепко прижимая, дают почувствовать кожей касание нежных щек. А звонкий детский голос ласкает слух одним лишь словом «папа», таким теплым, близким, родным.

Мысли о семье всегда расстраивали Андрея. Он понимал, что, наверное, никогда не сможет получить такого обычного, доступного многим, простого незатейливого счастья. Но так хотелось верить в чудо, которое вдруг может случиться! Что будет, если он все-таки сможет урвать себе кусочек? Даша — она женщина, ей проще найти мужчину, а для Андрея Роман — единственная надежда, шанс, которого в жизни может больше не представиться. От этих гаденьких эгоистичных мыслей Андрею становилось не по себе. Но ему хотелось, безумно хотелось, чтобы у него был этот самый шанс. Его любовь заставляла ощущать себя вором, разрушителем семей, но чувства были сильнее голоса разума, и каждое свидание он доставал Романа своими расспросами о Даше, об их отношениях, стараясь не показывать ревности, терзающей душу. Но Роман будто не замечал этих далеко идущих разговоров, отвечая на вопросы со всей откровенностью, не видя в них никакого подвоха.

Время шло, оставляя позади чувство вины и никчемные метания. Андрей все острее воспринимал каждое расставание с Романом, все больше ревновал его к жене. Напряжение между любовниками росло, выливаясь время от времени в небольшие ссоры с бурным выяснением отношений. После каждой такой стычки Андрея охватывал страх, что Роман обидится на него и больше никогда не придет. Но когда возле служебного входа в театр он снова видел маячившую фигуру, внутри теплело. Потом они долго и с наслаждением занимались примирением у Андрея в комнате, несмотря на недовольное бурчание и угрозы соседки.

— Рома, — Андрей, лежа на подушке, ласково смотрел в любимые глаза после очередного такого воссоединения. — Скажи, ты и вправду любишь меня?

Крестовский расплылся в улыбке:

— Как ты думаешь, если бы я тебя не любил, стал терпеть твой несносный характер?

— Не зна-аю, — потянул Андрей, лукаво улыбаясь.

— Что у тебя на уме, хитрец, выкладывай.

— Только пообещай мне, что ты не разозлишься.

— Обещаю... — когда по Ромкиному организму еще бродит гормон удовольствия, от него можно было добиться чего угодно.

— А ты никогда не думал о том, чтобы жить вместе? — от волнения в ушах гулко застучало. Андрей замер в ожидании ответа. Лицо друга вмиг стало серьезным, между

бровей появилась складочка. Он глубоко вздохнул и сосредоточенно посмотрел на любовника.

— Думал, но я еще не готов к этому...

— Почему? – губы Андрея задрожали. Дыхание стало частым, и он почувствовал, как волна негодования и отчаяния захлестывает его. – Когда любят, то хотят быть вместе с любимым человеком. Поправь меня, если я ошибаюсь!

— Успокойся, Андрюша. Ну? Чего ты, в самом деле... — Роман внезапно ощутил себя виноватым.

Андрей сел, повернувшись так, чтобы друг не видел его лица, по которому катились хрустальные капельки слез.

— Андрей, — Роман привстал и погладил рукой по тонкой обнаженной спине. – Ты что, плачешь?

— Нет, – горло сдавил ком, не давая свободно дышать.

— Да, я и вправду люблю тебя и хочу, чтобы мы жили вместе, но пока это невозможно. Санька еще слишком маленький. Понимаешь?

— Да-да, конечно! И я должен подождать! – Андрей вскочил с кровати и лихорадочно стал натягивать на себя вещи. – Прости, зря я затеял этот разговор... А чего я, собственно, ждал, связавшись с женатым мужиком... Какой же я идиот... Идиот...

Андрей закрыл лицо руками, выронив футболку. Весь будто сжался, его плечи затряслись в такт частым всхлипываниям. Андрей резко отвернулся к окну, стыдясь своих так не вовремя нахлынувших эмоций.

Роман, сидя в кровати, боялся пошевелиться, молча наблюдая за плачущим у окна любовником. От созерцания этой картины внутри больно сжалось. Пришло время принимать решение, он это отчетливо понимал, но до последнего старался оттянуть этот неприятный момент.

— Конечно, я понимаю... — захлебываясь слезами и судорожно вдыхая, Андрей повернулся к Роману, – ты не можешь на мне жениться... я никогда не смогу предложить тебе то... что у тебя сейчас с Дашкой... но я тоже хочу... наверное, это эгоистично... но я тоже хочу просыпаться каждый день не один... я тоже хочу быть кому-то нужным... не чувствовать себя одиноким... если бы ты только знал... как ужасно оставаться одному в праздники и выходные... возвращаться в холодную темную комнату... и ждать... ждать... ждать... пока ты позвонишь... и бояться, что однажды... ты просто забудешь мой телефон... а я не хочу быть один...

— Ты не один, — попытался успокоить его Роман.

— Один! Я один! Есть ты и твоя семья... А я один! Сам по себе... Ты сейчас встанешь и уйдешь к ним, а я останусь тут! Ты же даже не думаешь, как мне здесь... Даже не замечаешь... Для тебя все наши отношения — лишь интересное приключение, которое скрашивает серый быт... Вы же так это называете? Серый быт! Господи, если бы только знал, что я готов отдать за этот «серый быт»... если бы только знал...

— Андрей, — Роман встал и, подойдя к расстроенному другу ближе, крепко обнял его. –

Прости... я никогда не думал...

— Да, ты не думал... — продолжал обиженно всхлипывать Андрей. — А я тоже хочу семью... тоже хочу, чтобы меня ждали дома... человек не создан для одиночества... какой бы он ни был...

— Но Дашка...

— Дашка, Саня! Ты постоянно твердишь о них! И этому не будет конца! — Андрей оттолкнул от себя Романа. — Уходи... и больше не возвращайся...

Собственные слова повергли в ужас, но иначе было нельзя. Андрей был истерзан ревностью и постоянными ожиданиями звонков и тайных встреч. Сколько это могло еще продолжаться? Нужно расставить все точки над i. Если Ромка его действительно любит, то он его не потеряет... А если потеряет? А если потеряет, то его жизнь превратится в жалкое серое существование. Никчемная, бездарная, никому не нужная жизнь. Но, по крайней мере, он не потеряет себя, сохранив остатки самоуважения.

Часть 12

На следующее утро Золотарёв снова находился в следственном кабинете СИЗО. В ожидании Вересова он достал сигарету и закурил, размышляя над материалами следствия.

Евгений Петрович был не на шутку озадачен заявлением Романа. К тому же заключения медицинских обследований мальчика и подозреваемого не давали абсолютно ничего. Улик против подследственного не было. Оставалась еще надежда на школу. Может, кто-то из родителей, учителей или администрации что-то видел и даст показания в пользу обвинения. Но этого мало, чтобы основательно засадить Вересова за решетку.

Когда дело касалось педофилов, Золотарёв не давал слабину, стараясь довести расследование до суда, если на то были серьезные основания. А с Вересовым они были. История с подставой казалась следователю до абсурда нелепой и нелогичной. Куда более стройной выглядела первоначальная версия Крестовского о том, что любовник совращал мальчика, заставляя делать всякие гадости. Такие, как Вересов, обычно от одного упоминания о тюрьме начинают дрожать коленями и выкладывают все начистоту, лишь бы смягчить свое наказание, добиться для себя особого положения. А этот нет.

Наверное, стоит поднажать, чтобы расколоть его. У Золотарёва были два варианта. Первый — весьма тонкий изощренный психологический прием, и второй — грубый, но эффективный, хоть и не совсем законный. Евгений не любил пользоваться последним, стараясь прибегать к этому методу только в очень редких случаях.

Золотарёв, погруженный в свои мысли, вздрогнул от внезапно резкого металлического звука. Дверь открылась, и в комнату вошел Андрей в сопровождении конвоира.

— Доброе утро, Андрей Васильевич! Садитесь. — Золотарёв, затушив недокуренную сигарету, испытывающим взглядом посмотрел на Вересова.

— Здравствуйте, — без особой радости отозвался тот.

Золотарёв достал из лежавшей на столе коричневой папки лист бумаги и авторучку.

— Пишите.

— Что? — Андрей удивленно вскинул брови.

— Я вам буду диктовать, а вы пишете, — извлекая все из той же папки небольшой блокнот, промолвил следователь. Его голос звучал ровно с достаточной долей безразличия.

Молодой человек послушно взял ручку и приготовился. Евгений Петрович стал диктовать:

— Федор Михайлович Достоевский. Написали? Пишите дальше с новой строки... кавычки отрываются... Ко всему-то подлец-человек привыкает! Кавычки закрываются. Написали?

Андрей молча кивнул.

— Кавычки открываются. Три точки... выражаются иногда про «зверскую» жестокость человека... запятая... но это страшно несправедливо и обидно для зверей... двоеточие...

С каждым написанным словом у Андрея внутри холодело все больше. Он нервно сглотнул. Золотарёв, не отрываясь от блокнота, продолжал:

— Зверь никогда не может быть так жесток как человек... запятая... так артистически... запятая... так художественно жесток... точка. Дописали?

По спине Андрея прокатилась волна мурашек. Кончики пальцев стали ледяными, а ладони покрылись неприятной липкой влагой. Чего добивается следователь? Разве он не понимает — Андрей ни за что не станет оговаривать себя! Он чист перед законом, перед людьми, перед Ромой и Саней. И ему не в чем признаваться. И это главное!

— А теперь загните эту часть листка так, чтобы её не было видно.

Андрей безропотно подчинился словам следователя.

— А теперь, Вересов, пишите, как все было. Как вы совращали ребенка. Во всех подробностях, не стеснясь, будто на исповеди. — Ни один мускул не дрогнул на лице Золотарёва.

— Я никого не совращал, — Андрей уставился глазами в стол.

Золотарёв почувствовал, как в нем поднимается волна ярости.

— Врешь, сука! Врешь! — он резко ударил ладонью по столу. — Как это было?! Ну, давай, выкладывай! Как ты его раздевал... Ну?! Где ты его трогал? Или что? Может, свой член трогать заставлял? Что делал?

Андрей молчал, слушая длинную тираду Золотарёва.

— Рассказывай, Вересов, рассказывай... — уже более ласково заговорил Золотарёв, пытаясь заглянуть Андрею в глаза. — Все равно же расколешься... чего ты в несознанку со мной играешь? Героя из себя корчишь.

Следователь в ожидании смотрел на Андрея. А тот сидел, опустив голову, и судя по всему, не собирался давать признательных показаний. В воздухе повисла напряженная пауза.

Сделав глубокий вдох, Евгений Петрович продолжил уже более спокойным голосом:

— Откройте ту часть листа, которую вы загнули и прочитайте вслух, что написано.

Андрей стал читать:

— Федор Михайлович Достоевский. Ко всему-то подлец-человек привыкает! ...выражаются иногда про «зверскую» жестокость человека, но это страшно несправедливо и обидно для зверей: зверь никогда не может быть так жесток как человек, так артистически, так художественно жесток.

Произнесенные вслух слова били по ушам, забирались леденящим ужасом под кожу, заставляя сердце трепыхаться, словно флажок на сильном ветру. Дыхание Андрея сделалось частым, отрывистым.

— Я ничего не делал, — поняв ту хитрую игру, которую с ним ведут, Андрей продолжал стоять на своем.

Золотарёв вскочил и, нависая над столом, зло уставился в зеленые глаза.

— Пиши, Вересов! Пиши! Если не хочешь, чтобы тебя ещё до суда порвали в клочья!

От внезапного жеста Андрей вздрогнул и, отпрянув, отрицательно покачал головой.

— Не зли меня, Вересов! Лучше во всем признайся! Не усугубляй и без того говенную ситуацию, в которую ты вляпался!

— Не буду.

Покопавшись в папке, Золотарёв вытащил из нее бумагу и, держа за край, показал Андрею:

— Знаешь, что это?

— Нет.

— Это решение суда о содержании тебя под стражей до окончания следствия. Знаешь, что означает «содержание под стражей»? — не дожидаясь ответа, он продолжил: — Это значит, что тебя сегодня же... повторяю... сегодня же... переведут из ИВС в СИЗО. И ты пойдешь в камеру к ээкам. Ты хоть это понимаешь, Вересов? Ты понимаешь, что там с тобой сделают?

От страха у Андрея закружилась голова.

— Последний раз тебя спрашиваю. Будешь писать добровольное?

— Нет.

Золотарёв оперся локтями о стол и обхватил голову руками.

— Не понимаю, чего ты добиваешься? Хочешь, чтобы тебя оправдали в суде? — он устало взглянул на подозреваемого. — До этого еще дожить надо, Вересов. Просто тупо дожить. А в СИЗО тебе этого не дадут... Тебя сегодня же грохнут. Вначале трахнут всей камерой, а потом забьют до смерти.

— Я не буду ничего писать.

Упрямство Андрея выводило из себя. Золотарёв понял, что так он ничего не добьется.

Придется немного обломать зарвавшегося парня.

— Все! Можете увести! — Евгений Петрович разочарованно махнул рукой, вскинув глаза на конвоира.

За окном уже стемнело. На улице моросил холодный дождь, смывая следы недавно выпавшего снега. В лужах, вздрагивающих от каждой капли, отражался унылый фонарный свет.

Этот почти завершившийся рабочий день был весьма обычным, без лишних стрессов и тревожных звонков из министерства. Никитин закончил свои дела и, отпустив секретаршу пораньше, собирался уже уходить, как в дверь постучали. Не дождавшись приглашения, в кабинет вошёл высокий светловолосый мужчина. Черная стеганая куртка была распахнута. Под ней виднелись строгий серый пиджак и светлая кремовая рубашка. Костюмные брюки и галстук дополняли собранный аккуратный образ незнакомца. Резкие черты лица подчеркивали изящные очки в тонкой золотой оправе. В руках мужчина держал коричневую кожаную папку.

— Вы ко мне? — Никитин с любопытством посмотрел на вошедшего.

— Добрый вечер, я из следственного комитета. — Незнакомец уселся за стол и, положив на него папку, расстегнул молнию, извлекая на свет визитку. — Золотарёв Евгений Петрович.

Он протянул карточку озадаченному Никитину.

— А вы директор этого чудного заведения, Никитин Сергей Петрович.

— Откуда? — брови вышеозначенного директора поползли вверх.

— Я следователь. У меня работа такая. Все. Про всех. Знать.

— Чем могу быть полезен? — Сергей Петрович почувствовал, как от волнения ворот рубашки внезапно сдавил шею. Засунув палец за воротник, он попытался ослабить давление, расстегивая верхнюю пуговицу. Не каждый день приходится разговаривать со следователем из прокуратуры.

— Можете. Я задам вам несколько вопросов. Вы не против?

— А что? Что-то произошло?

— Если бы не произошло, то вряд ли я оказался сегодня в вашем кабинете. Итак, могу начать?

— Да-да, конечно. Задавайте.

— В вашей школе учится некий Александр Крестовский.

Под ложечкой неприятно засосало. «Вот оно! Началось!» — подумалось Никитину.

— Скажите, в последнее время какие-нибудь события, связанные с этим мальчиком, не происходили? Может, вы что-то видели или слышали?

«И видели, и слышали! Господи! А Лев еще предлагал расслабиться и не паниковать! Так, спокойно! Дыши глубоко и ровно!» — Никитин почувствовал дикую неровную пульсацию в недрах могучей груди.

— Ну-у, было... Может, по коньячку? — он чувствовал, что без дозы алкоголя ему будет сложно расслабиться и не паниковать.

— Нет, спасибо, на службе не употребляю.

— А у меня рабочий день закончился. С вашего позволения... — Никитин полез в несгораемый шкаф и, достав оттуда початую бутылку, плеснул немного в стакан. По комнате поплыл горьковатый аромат. Выпив одним глотком содержимое стакана, Никитин громко шмыгнул и, медленно выпустив воздух изо рта, начал рассказывать: — Где-то с месяц назад ко мне в кабинет пришла классная руководительница восьмого «А». Она была весьма обеспокоена ситуацией в семье Саши. Утверждала, что его отец живет с мужчиной и что мальчику угрожает опасность.

— А вы не думали, почему она так решила?

— Откровенно говоря, меня насторожила эта информация, но я не считаю, что если мальчик живет в семье геев, то ему нужно чего-то опасаться.

— Ну, во-первых, в нашей стране законом такие отношения к семейным не приравниваются. А во-вторых, если женщина заявила подобное, то у нее наверняка были для этого основания. Вы не пытались разобраться в ситуации?

— Конечно, пытался. И даже разговаривал со старшим Крестовским. Когда я намекнул ему о том, что нам известно о его сексуальной ориентации, он вспылил, и разговор с ним не получился.

Следователь внимательно слушал Сергея Петровича, слегка прищурился глазами.

— Это все? Или можете вспомнить что-то еще?

— М-м-м... наверное, да. Это случилось недавно, в субботу на той неделе. Саша подрался с мальчишками из параллельного класса, за то, что они заявили ему: таким, как ты, не место в нашей школе. Вы представляете?

— Представляю. Что-то еще?

— Ах, да. Родительский комитет во главе с классной руководительницей направил письмо в попечительский совет, по поводу лишения родительских прав отца Крестовского. Якобы существует угроза растления...

— А вот это, пожалуй, не лишено смысла!

— Я вас не понимаю... — Никитин растерянно смотрел на Евгения Петровича.

— Крестовский застал своего друга с сыном.

— Что?! - Сергей Петрович вытаращил глаза. — Когда? Как?

— Два дня назад. Можете еще что-то добавить?

Обескураженный заявлением следователя, Никитин только молча помотал головой. А Лёвка его ещё успокаивал. Это конец! Его имя, как директора школы, в которой произошел сексуальный скандал, теперь прополоскают во всех питерских газетах, а может, и не только.

Отчего-то сразу в голове всплыли картинки из знаменитого ток-шоу Малахова. Несомненно, Сергей Петрович не против популярности, но не такой же! Тем более накануне возможного назначения на пост главы администрации округа. Вот об этом, наверное, уже можно забыть. Никитин нервно сглотнул.

— Могу я поговорить с классным руководителем восьмого «А»?

Сергей Петрович пожал плечами:

— Если она еще в школе. Время, сами понимаете, позднее.

— Где я могу ее найти? — Золотарёв встал с места.

— Я провожу. Пойдемте.

Дверь в кабинет русского языка и литературы была не заперта. Никитин заглянул внутрь и увидел полноватую фигуру женщины, склонившуюся над тетрадками.

— Добрый вечер, Нина Ивановна!

— А, Сергей Петрович! Добрый вечер! Проходите, — дама подняла голову и улыбнулась, увидев в дверном проеме директора.

— Я не один, — Никитин неуверенно вошел в класс. — Вот, с вами хотел бы поговорить следователь из прокуратуры.

Золотарёв уверенной походкой подошел к учительскому столу, и присел на край ближней парты.

— Здравствуйте, Нина Ивановна. Позвольте представиться — Золотарёв Сергей Петрович.

Учительница взволнованно посмотрела на незнакомца, потом перевела взгляд на смущенное лицо Никитина.

— Что-то случилось?

— Да, случилось. — Цепкий взгляд следователя изучал испуганное лицо женщины. — Нина Ивановна, расскажите мне о том, почему вы решили, что Саше Крестовскому угрожает опасность?

— Саша?! Господи, что с ним?! — дама схватилась за сердце. — Он жив?!

— Жив.

— Но что? Что с ним случилось?

— Это я и пытаюсь выяснить. Так почему вы решили, что Саше угрожает опасность? — Золотарёв продолжал стоять на своем.

— Как-то ко мне пришла мама одной из учениц и рассказала, что... его отец живет с женщиной... и мальчика совращают... — голос Нины Ивановны дрожал.

— И что сделали вы?

— Я поговорила с Сашей... и расспросила о семье...

— И что он вам рассказал?

— Он говорил, что живет с отцом... и его другом... Андреем, кажется...

— И все?

— Да, кажется, это все...

— А сами вы что-нибудь странное замечали? В поведении Саши? Может, что-то видели? К примеру, этого друга отца возле школы... или что-то в этом роде?

— Вы знаете, нет... сама я ничего такого не видела... и странного в поведении Саши не замечала, кроме, может быть, того, что со вторника его не было в школе...

— Так... Я бы хотел побеседовать с этой мамой. Той самой, которая приходила к вам. Можете дать мне ее координаты?

— Да-да, — Нина Ивановна засуетилась, судорожно перебирая вещи, лежавшие на столе. — Где же? Где? Одну минуточку...

Она открыла ящик стола и, недолго покопавшись, достала сотовый телефон.

— Вот! Сейчас найду ее номер... А, вот он... Хотите я запишу вам его на бумажке?

— Будьте столь любезны...

Нина Ивановна оторвала листок от небольшой стопки желтых квадратных листиков и быстрым почерком написала несколько цифр.

— Ее зовут Светлана. Это мама Юли Сорокиной. Пожалуйста, — она протянула листочек следователю.

— Спасибо. До свидания! — Золотарёв, спрятав бумажку во внутренний карман куртки, направился к выходу.

— Не провожайте меня, — кинул он походя дернувшемуся Никитину.

После того, как за следователем закрылась дверь, Нина Ивановна повернулась к Сергею Петровичу и почти шепотом спросила:

— Что все-таки произошло?

Директор вздохнул и, стараясь не глядеть на педагога, сказал:

— Похоже, вы были правы, Нина Ивановна. Отец застал Сашу со своим любовником...

— Что-о-о?! — тонкие редкие брови поползли вверх. Нина Ивановна в удивлении открыла рот.

— Да, дорогая моя, вы были правы, а я нет! Черт! — в сердцах Никитин прикрыл рот рукой.

В комнате воцарилась тишина.

— Какой же гад этот Крестовский! Я его предупреждал! — вдруг Сергей Петрович

почувствовал злость на самого себя за свою мелочную недальновидность. Бедный мальчишка! Что ему пришлось пережить! И сейчас он с этим гадом, своим отцом, который не смог уберечь сына, увлеченно занимаясь только собой, не думая об интересах ребенка. Никитину вдруг стало отчаянно жаль Сашу. Почти незнакомого мальчика. В школе таких, как Саша, много, разве же узнаешь про беды каждого?

— А я говорила вам! Я говорила! — зло затараторила Нина Ивановна, глядя на директора. — Говорила, что ничем хорошим это не кончится! И что вы мне на это сказали?

— Это уже неважно... — Никитин был готов действовать. Он повернулся и решительно направился к двери.

— Как это неважно? Послушайте меня... Сергей... Петрович... — понеслись вслед возмущенные слова. Но Никитин их уже не слышал.

Полностью поглощенный своими мыслями, Сергей Петрович стремительно шел по коридору.

Часть 13

Роман сидел за столом, обхватив голову руками. Два дня в поисках грамотного юриста, который помог бы в такой непростой ситуации не дали ровным счетом ничего. Те, кто мог оказать реальную помощь, просили подождать неделю, две, а то и целый месяц. А с бездарями, желающими по легкому срубить бабок, дела иметь не хотелось. Да и вряд ли от них можно было ожидать решения проблемы. Отчаяние наступало на пятки. Собственное бессилие выводило из себя. Голова раскалывалась от непрекращающейся мозговой атаки. Он все думал и думал, перебирая по кругу возможные варианты, но новых решений не находил. Им попросту неоткуда было взяться. Это был тупик, из которого нет выхода. При мысли об Андрее сердце больно щемило. Роман в сотый раз корил себя за то, что предал любимого человека.

Санька сидел рядом и сочувственно вздыхал. Они с отцом прошерстили весь интернет в поисках ответа на свой вопрос, но так ничего дельного не нашли. И теперь мальчик, поджав губы, бесцельно щелкал мышкой по уже открытым вкладкам. Ему порядком надоели все эти телефонные звонки различным юристам, поездки по адвокатским контрам и вычитывание скучных статей из «Консультанта». Хотелось поиграть в стрелялки или пойти погулять с Борькой, но чувство вины перед отцом и Андреем глушило такие естественные детские желания.

В очередной раз налив из стоявшей на столе бутылки отвратительно пахнущий виски, Роман молча выпил содержимое стакана одним глотком и, достав сигарету, закурил, в задумчивости глядя перед собой.

Звонок домофона стал неожиданностью. Крестовский подошел к двери и увидел на мониторе знакомое лицо.

— Да, я вас слушаю.

— Роман Олегович! Я хотел бы поговорить с вами!

— О чем? — Роман смотрел затуманенным взором на экран.

— Откройте. Это касается не только вас!

— Заходите... — Роман нажал кнопку на панели и открыл входную дверь.

Уже через минуту на пороге квартиры стоял Никитин.

— Чем обязан? — негостеприимно спросил хозяин.

— Сегодня в школу приходил следователь... — Никитин старался быть сдержанным, но увидев похмельное небритое лицо Романа, его охватил приступ злости. — Он приходил по поводу Саши...

— И что? — равнодушный взгляд карих глаз заставлял нервничать все больше.

— Мне бы хотелось узнать... Какого черта происходит?!

— Мужик, чего ты лезешь не в свое дело?

— Не в свое дело?! — Никитин взорвался. — Ах ты, мразь!

Он схватил Романа за грудки и, притянув к себе, оскалился:

— Я, кажется, предупреждал тебя... Что судьба твоего ребенка мне не безразлична... В отличие от тебя самого...

— Слышь, ты, хрен с горы! Убери руки! — Роман схватил Никитина за запястья и дернул вниз, освобождаясь от хватки. — Что вы все лезете?! Лезете! Лезете! Это все из-за вас! Из-за вашего дебильного любопытства!

Желваки на лице Сергея Петровича заиграли, он стиснул зубы и резким движением заехал Крестовскому в скулу. У того от удара в глазах потемнело и он отпрянул.

— Не надо! Не бейте папку! — Санька с отчаянным криком кинулся к дерущимся у порога мужчинам. — Он тут ни при чем! Это я во всем виноват! Это я сам все подстроил! Не трогайте его!

Мальчишка вцепился в руку Сергея Петровича и повис на ней.

— Не надо! — слезы хлынули из Санькиных глаз. — Не бейте его! Не бейте!

— Скажи спасибо сыну, — процедил Никитин. — Иначе я тебя, тварь, прибил бы...

— Он хороший! Он не виноват! — надрывался Санька. — Это я! Это все я! Это я во всем виноват! Я! Я!

Сергей Петрович обнял мальчика и, прижав к себе, похлопал по спине:

— Все, успокойся... Не трогаю больше я твоего папку... не трогаю...

— Это я виноват во всем... — рыдал паренек, уткнувшись в пальто директора. — Я... я... я...

— Саня... ты ни в чем не виноват... — сглатывая подступившие слезы, прохрипел Роман. — Это — вот они... со своими правильными понятиями... они... такие, как вот этот...

Роман судорожно вытер ладонями вмиг ставшие влажными глаза.

— Зачем вы пришли? Дать мне в морду? Дали... Все... а теперь уходите...

— Нет, не все... вообще-то, я пришел поговорить... — Сергей Петрович тяжело дышал, внимательно разглядывая осунувшуюся фигуру Крестовского. — Следователь сказал, что вы застали... Вашего друга... с Сашей...

Внутри поднималась новая волна ярости. Никитин старался не давать волю чувствам.

— А... Мораль решили мне прочитать...

— Нет.

— Так какого лешего вы притащились? Хотите во всем разобраться? Так следствие уже разбирается...

— Я пришел сообщить... От имени родителей в попечительский совет направлено письмо... на лишение вас родительских прав... и в свете новых обстоятельств, скорее всего, так оно и будет... Постараюсь, чтобы это произошло как можно раньше...

— Что?! — Роман истерично засмеялся, на глазах выступили слезы. Он схватился рукой за лоб. — Да, давайте... добейте... что ж вы, как шакалы... мало вам, что из-за вас посадят невинного человека, так и еще лишите сына отца... Да, я гей! Да! Вы же думали, что такие не размножаются... но ошибочка вышла... так давайте отберите... лучше пусть в детском доме, чем с таким-то отцом... Спасибо! От души!

Он схватил ошарашенного Сергея Петровича за руку и потряс.

— Теперь все?! Будьте любезны, покиньте мою квартиру!

Слова, сказанные Крестовским, сильно задели, отчего Никитину сделалось неудобно. Всклипывающий Санька отпрянул в сторону и напуганно наблюдал со стороны. Сергей Петрович молчал, вглядываясь в малознакомого ему человека. Что-то было здесь не так. И он это чувствовал. Что-то никак не состыковывалось со словами следователя. Почему вдруг Крестовский говорит о невинности человека, которого посадят? И что значат эти надрывные слова Саньки? Может, то что он сейчас собирается сделать — большая глупость, и не стоит ему совать в это нос, но внезапно созревшее в голове решение не давало Никитину просто так уйти.

— Я не совсем понял, — начал Сергей Петрович после непродолжительной паузы. — Может, вы спокойно расскажете, что тут все-таки случилось?

— С чего вдруг? Вам же следователь все рассказал...

— Может, это не мое дело, но, кажется, вы не считаете своего друга виновным?

Роман прикрыл глаза и сглотнул подкативший к горлу ком.

— Зачем вам это знать? Вы все равно не поверите, как не поверил Золотарёв.

— А все-таки. Попробуйте.

— Ну, хорошо... — Роман кивнул в сторону кухни. — Проходите...

Никитин последовал за ним и уселся возле стола.

Достав из навесного шкафа чистый стакан, хозяин молча налил виски. Протянув угощение Сергею Петровичу, Крестовский сел подле и, немного помолчав, начал:

— Санька все инсценировал... я даже и подумать не мог, что он на такое способен... принял за чистую монету, увидев голого сына рядом с Андреем... вызвал милицию и отправил его за решетку... А теперь, когда Саня мне во всем признался... не знаю, как исправить то, что натворил... Вот, собственно, и все...

Он глубоко вздохнул и разом опрокинул в себя порцию алкоголя. Никитин последовал его примеру и в задумчивости сцепил пальцы в замок.

— И что собираетесь делать? — он посмотрел на Романа.

— А что тут сделаешь? Следователь не верит. Говорит, что я приревновал любовника к сыну, а потом, передумав, заставил Саньку врать.

— Так поэтому он кричал, что виноват во всем сам?

— Да, разве ж он виноват... ему наговорили черт-те что, вот и задумал нас поссорить... говорит, хотел, чтобы я выгнал Андрея... а оно вон как получилось...

— Н-да, дела...

Крестовского было, конечно, жаль, какая-то нелепая и трагичная ситуация. Однако Сергея Петровича, как ни крути, это тоже касалось. Ведь если то, что говорит Роман — правда, то, возможно, грандиозного скандала ещё удастся избежать. Но правду ли говорит Крестовский? Может, действительно выгораживает любовника? Черт их знает! Очевидно одно — вариант Золотарёва Сергея Петровича устраивает куда меньше, чем этот трагифарс. Похоже, настало время воспользоваться Лёвкиным «я перед тобой в долгу».

— Вот что. Есть у меня один знакомый, думаю, он сможет кое-что разъяснить нам по этому делу.

Сергей Петрович достал из кармана куртки сотовый телефон:

— Алло, Лев! — Никитин был крайне сосредоточен. — Слушай, тут такая ситуация. Помнишь, я давеча тебе про мальчишку рассказывал... Так вот, все твои «расслабься и забей» не прокатили. Все очень серьезно... тут долго рассказывать... может, подъедешь? Нет, это до завтра не ждет... Сейчас скажу адрес...

Сергей Петрович повернулся к Роману:

— Адрес какой?

Роман продиктовал адрес.

— Все, Лев, я тебя жду.

Спустя час Петров уже сидел за столом:

— Ну, выкладывайте, что тут у вас случилось?

— Лев, ситуация следующая. Сегодня ко мне приходил следователь из вашего комитета. И сказал, что Роман застал своего сына со своим... скажем, близким другом...

— Интересное начало, я бы сказал интригующее...

— Может, виски? - встрял Роман.

— Нет. Спасибо, - коротко отозвался Лев.

— Чтобы ты до конца понимал, мы с тобой об этом разговаривали при последней встрече.

Петров часто заморгал глазами. До него начало доходить, что хозяин дома — тот самый гей, о котором они с Никитиным еще недавно беседовали в баре.

— Угу... — помедлив, Лев кивнул, показывая тем самым, что понимает намек товарища.

Почувствовав неловкость в разговоре, Роман решил взять инициативу на себя.

— Извините, Сергей Петрович. Давайте я все сам расскажу.

Лев быстро перевел взгляд на виновника внезапной встречи школьных приятелей.

— Лев, дело в том, что я... я... — сделать каминг-аут в спокойном состоянии было куда сложнее, чем под воздействием сильных эмоций. Но сейчас не до собственных страхов, Петров его последняя слабая надежда. — Я гей и у меня есть друг, с которым мы давно живем вместе. Так вот... Два дня назад, когда я вернулся домой, то увидел обнаженного сына в компании своего друга. Первое, что пришло мне в голову — это то, что за моей спиной творится что-то ужасное. И я позвонил в милицию. Приехали ваши ребята и забрали Андрея. Саню направили на судмедэкспертизу. И там он мне признался, что подстроил эту нелепую сценку. Когда я и Саня пришли к следователю и все рассказали, он отказался поверить нам. Что теперь делать — я ума не приложу...

— Ну и письмецо... от родителей... попечительский совет, скорее всего, уже направил в органы опеки... Представь, что сейчас будет! - добавил Сергей Петрович, развалившийся на стуле рядом.

— Ну, блин, вы даете стране угля... — резюмировал Лев, понимая, почему застал Никитина этим вечером в столь странной компании. — Так...

Он сощурился и пристально уставился на Крестовского.

— Да, мужик, встрял ты по самые помидоры, — пальцы Петрова отбивали барабанную дробь о стеклянную крышку стола. — Есть родственники, кто сможет подстраховать — позаботиться о сыне в случае чего?

— Мама вряд ли сможет приехать, она в последнее время все болеет...

— Кто-то еще?

— Катя... тетка Сани, сестра моей бывшей жены... Но там муж... Согласится ли?

— Вот этот вариант уже больше подходит. Лучше чтобы согласилась и пожила у вас какое-то время... так, на всякий пожарный, мало ли...

— Я завтра позвоню ей...

— Лучше сегодня.

— А что с Андреем? Следователь даже не сказал мне, где его держат.

— Я постараюсь завтра все выяснить по своим каналам. Статья у него поганая... вот что... Как фамилия следователя, говоришь?

— Золотарёв.

— А, знаю-знаю... этот копытом землю рыть будет, чтобы подследственного по сто тридцать четвертой до суда довести... Здесь главное, чтобы твой дружок слабину не дал... Если чистосердечное напишет, то суши сухари. А Золотарёв уговаривать мастак... Фамилия друга?

— Вересов. Вересов Андрей.

Петров достал телефон и добавил запись в напоминания.

— И свой номер мне скажи, как что-то будет известно, отзвонюсь.

После разговора Роман быстро собрался и ушел, коротко чмокнув любовника в щеку и бросив напоследок невыразительное «пока». И с тех самых пор больше не звонил.

Беспокойство охватило на пятый день. Андрей понимал, что настал переломный момент, и если он позвонит первым, то все сказанное им улетит в тартарары и они к этой теме уже вряд ли вернуться. Но волнение нарастало. Настоящая паника началась на шестой день, когда он дрожащей рукой нажал вызов контакта «Рома» на телефоне. Те несколько секунд, пока в трубке слышались длинные гудки, показались вечностью. Отбой со стороны вызываемого абонента стал настоящим ударом. Внутри оборвалось: «Неужели конец?» Повторный вызов был отбит еще быстрее. Настроение упало до нуля. Ничего не хотелось.

Возвращение в одинокую холостяцкую комнату показалось нестерпимой пыткой. Здесь все напоминало о Романе.

На столе стояла красная кружка в белый горошек. Андрей ее купил специально для любимого.

Еще недавно Рома сидел на стуле возле окна и, грея с мороза руки, рассказывал забавные истории, делился событиями прошедших рабочих будней. Потом они вместе ужинали на кухне. Эти моменты навсегда запомнились, как необычайно светлые и по-семейному уютные. И теперь Ромка больше не хочет даже слышать его. Все закончилось.

Не было ни слез, ни сожаления, только какое-то бесконечное равнодушие ко всему в мире.

Андрей сидел на кровати, безучастно уставившись в мелькающий разноцветными картинками телевизор. Время близилось к полуночи. В квартиру позвонили. Пойти открыть дверь не было ни малейшего желания. Наверняка очередная старуха-соседка заявила к Марье Никитичне за луковицей или горсточкой соли.

До слуха донеслись шаркающие шаги и надтреснутый голос спросил:

— Кто там?

Судя по всему, бабка не спешила открывать позднему гостю, грубо заявив через дверь:

— Иди, откуда пришел. Тебе открывать не буду.

Андрей встрепенулся и выскочил в коридор.

— Кто там, Марья Никитична?

— Ходят по ночам... Сталина на вас нет... я вам не швейцар... — бормоча себе под нос, старуха поплелась в комнату.

Андрей кинулся отпирать замки. На пороге стоял Роман. Вид у него был измученный и усталый. Он поднял с пола спортивную сумку и молча вошел в квартиру.

— Рома, что-то случилось?

— Да... — он кинул поклажу под вешалкой. — Я ушел от жены...

Эта новость сильно обрадовала Андрея, но понурая фигура друга вызывала беспокойство.

— Я звонил... ты не брал трубку...

— Я был занят. — Немного помолчав, Роман добавил: — Даша сказала, что не хочет, чтобы я виделся с сыном...

— Прости, — Андрей почувствовал себя виноватым.

Роман обнял его за шею и, глубоко вздохнув, промолвил:

— Ничего. Прорвемся...

— Я скучал по тебе...

— Андрюха, — Роман уткнулся в теплый лоб, притянув любимого к себе, и пристально посмотрел в его глаза. — Я люблю тебя...

Часть 14

Прошло несколько дней. Роман подал документы на развод. С Дашей они не виделись и не созванивались. Да и к чему все это? Уходя, он не стал посвящать жену во все подробности своей личной жизни, ограничившись лишь сухими отговорками, что устал от быта и ему хочется пожить отдельно. Но женщины — существа чувствительные. Даша сразу заподозрила, что у мужа на стороне кто-то есть. Она пыталась добиться от Романа, кто та женщина, что посмела вторгнуться в их семью. Плакала и в какой-то момент даже старалась отговорить его от опрометчивого шага ради Сани. Но ничего не помогало. Роман был непреклонен.

Как же Даша ненавидела в момент тяжелого разговора с мужем свою соперницу, отпуская в ее адрес самые гадкие оскорбления. После того, как собрав в сумку все необходимое, Рома ушел, Даша еще долго плакала, прижимая к груди ничего не понимающего сына. Было обидно и больно сознавать, что человек, которому она верила, которого любила, предал ее.

Она всегда знала, что любит мужа больше, но это нисколько не останавливало. Ведь казалась, что ее любви хватит на двоих. Но как же жестоко она ошиблась. И хорошо, что не стал ее слушать и ушел. Как можно жить под одной крышей с предателем, видеть, как он улыбается и знать, что в его жизни есть кто-то еще? Но он пожалеет о том, что так поступил. Приползет на коленях. Но разве же она простит?

Слезы душили, капали Саньке на макушку. Она что-то шептала, раскачиваясь, крепко обняв сына. И он словно чувствовал ее боль. Жался к мамке тоненьким тельцем, обхватывал мягкими ручонками шею, целовал в щеки и шептал: «Не плачь. Ты ж моя красавица!». Гладил теплой ладонью по рыжим кудрявым волосам, вытирал слезы. От этого еще больше ныло разбитое сердце. Любовь сына — единственное, что осталось у нее. И она не отдаст ни капли этой любви бывшему мужу. Слишком больно, слишком сильно.

Кате она позвонила только спустя неделю, долго переживая в одиночку свое несчастье. Сестра тут же приехала. Жалела ее, говорила, что все еще наладится, Дашка молодая красивая женщина, будет у нее счастье, а Ромка не заслуживает, чтобы так по нему убивались. Но Даша не слышала, она слишком была поглощена собственной обидой. Ей хотелось встретить разлучницу и высказать в лицо все, что накопилось. Пусть поймет, что не будет ей счастья. Отольются им Дашкины слезы. Жизнь все по своим местам расставит.

Катерина убеждала сестру не делать этого, не искать встреч с новой пассией мужа:

— Господь им судья. Пусть живут, как знают. А ты остынь, отпусти. У тебя ж сын есть. Если бы не Ромка, то и Саньки не было б. Ты об этом подумай!

— Нет, Катя. Не могу я так. И что он в ней нашел? Чего ему дома-то не хватало? — не унималась Даша, вытирая опухшие веки.

— Никто не умер и, слава богу. Все живы-здоровы, руки-ноги целые. Остальное — мелочи жизни. Была бы шея, хомут всегда найдется. Не отчаивайся, сестренка. Вон у Витьки моего на службе полно парней неженатых.

— Да ну брось, Катя...

— А что? Клин-клином...

В дверь позвонили.

— Ох, никак Витька нарисовался. Сто лет жить будет. Пойду, открою...

Виктор, войдя в кухню, устремил взгляд на Дашу.

— С чего такой потоп приключился?

В ответ Даша только шмыгнула носом.

— Не приставай, Вить. Ужинать будешь?

— Конечно, мать. Я голоден как стая рыжих собак! — потирая руки, родственник уселся за стол. — Так чего у вас стряслось, что Катерина моя, как неотложка, в считанные минуты примчалась?

Виктор взял в руки ложку и, откусывая от ломтя черного хлеба, принялся есть борщ из тарелки, только что поставленной перед ним женой.

Сестры молча наблюдали за ним.

— Ну, чего замолчали? — попытался тот разрядить напряженную обстановку. — Крестовский-то где?

Виктор продолжал с аппетитом наворачивать суп.

При воспоминании о супруге Дашины губы задрожали, глаза затянуло мутной пеленой.

Катя нервно вздохнула.

— Ушел Крестовский.

— Как ушел? — Виктор выронил из рук ложку. Та со звоном плюхнулась в тарелку, разбрызгивая борщ по столу, оставляя красными точками на его лице. Небрежно утеревшись рукой, Виктор уставился на жену. — Я не понял. Он что, совсем ушел?

— Вить, ты сам по себе дурак или на тебе работа так сказывается?

— Стоп-стоп-стоп... Крестовский ушел... — Виктор шальными глазами смотрел на жену, прокручивая в голове события двухмесячной давности. — Не... не может быть! Старуха была права... не... не... Итить твою мать! Вот паскуда...

Он разговаривал сам с собой, будто не замечая находившихся рядом сестер.

— Витя, ты что? Что-то знаешь?

— А? — мужчина вздрогнул. Его глаза забежали, на лбу появилась испарина. Стоит ли рассказать о его догадках, он не знал. — Откуда... Катя... я... я-то... откуда...

— Витя, — жена с пристрастием посмотрела на мужа, — выкладывай все, что знаешь.

Как его угораздило жениться на Катерине? Не баба — прокурор в юбке.

— Я-то чё? — Виктор явно нервничал.

— Выкладывай все, что знаешь, — повторила Катя.

Виктор нервно сглотнул, перевел взгляд на застывшую в ожидании Дашу, потом снова посмотрел на жену.

— Без стопаря не смогу...

— Я сейчас, — встрепенулась Даша и достала из напольной тумбы початую бутылку водки. Налив Виктору, она протянула рюмку.

Виктор резко выдохнул и опрокинул содержимое стопки в себя. Затем поморщился, занюхал горбушкой хлеба и набычился, собираясь с мыслями.

— Ну, мы ждем.

— Короче, — решил он. — Два месяца назад поступил в нашу дежурку сигнал от одной бабули, что соседи ее истязают. Отправился я по указанному адресу и столкнулся нос к носу с Крестовским. Бабка, что вызвала милицию, живет в квартире с парнем. У нее комната, у него комната. А Ромка, стало быть, к нему приходил. Но не в этом суть. Бабка мне все твердила: педерасты, педерасты. Ну, я ей тогда не поверил... А сейчас думаю...

Даша вскрикнула и прикрыла рот рукой.

— Ты что ж такое мелешь-то?! — озлобилась Катя.

— Я чё?! Я ничё! Сама ж меня допрашивать стала! Свяжись с бабами... Расскажи! Расскажи! А потом — чего мелешь... Не буду больше ничего говорить! — обиделся Виктор.

Катя видела, как затряслись тонкие Дашкины плечи. Она тихо заскулила, не отрывая руки от лица.

— Не верь ему! Мало ли, что Збруеву на службе померещилось.

Даша замотала головой.

— Витя, — Даша подняла на родственника глаза полные слез. — Адрес можешь сказать?

— Даша, Дашенька! Я прошу тебя, не надо! Родная моя, не ходи туда! Зачем тебе все это? — Катя кинулась успокаивать сестру.

— Я должна. Я в глаза им посмотреть хочу... — по щекам катились крупные капли. — Господи, какой позор... За что? Почему я?

— Даша, тем более забудь...

— Как я людям теперь в глаза смотреть стану? Все пальцам будут тыкать... Говорить: «Смотрите, от нее муж к мужику сбежал!» Позор... Какой позор... Ненавижу его! Урод!

После переезда Романа жизнь заиграла новыми красками. Андрей каждое утро вставал пораньше, чтобы успеть приготовить завтрак. И, умиляясь, наблюдал, как любимый уплетает за обе щеки, сидя в кровати. А потом он провожал Романа до двери, на прощание нежно целуя его в губы. Счастье переполняло сердце. Он любил и чувствовал себя любимым.

Однако Марья Никитична не разделяла радости своего соседа и ворчала по поводу незаконно проживающего в квартире Романа. Кроме всего прочего, старуха повадилась гадить парням, высыпая в холодильник содержимое мусорного ведра, чем доводила Андрея почти до истерики. Он пытался объяснить с ней, но бабка молча закрывалась в комнате и не желала идти на переговоры. Когда в очередной раз молодые люди остались голодными, было принято решение снять отдельную квартиру, а комнату Андрея выставить на продажу.

Все вещи были упакованы. Роман обвязывал бечевкой разобранный шкаф. Шофер заказанной «Газели» только что позвонил. Андрей, открыв дверь, потихоньку перетаскивал вещи на лестничную клетку, когда на пороге появилась хрупкая маленькая женщина в сером длинном плаще. В рыжих волосах, ниспадающих на плечи, играли солнечные лучики, едва пробивающиеся с улицы сквозь пыльное подъездное окно, создавая мягкий ореол свечения

вокруг ее головы. Ввалившиеся щеки подчеркивали красивые высокие скулы. Тонкие бледные губы были плотно сжаты. Кончик острого вздернутого носика выделялся розовым цветом на фоне бледной почти фарфоровой кожи. Веки припухли. Глазницы очерчивали темные круги. Было видно, что женщина совсем недавно плакала.

Она молча ступила в коридор, обдавая Андрея холодным взглядом. Андрей застыл, он точно помнил, где видел это красивое лицо. Жена Романа, Даша. Женщина подошла почти вплотную и, подняв голову, уставилась на него. В огромных карих глазах задрожали слезы. Она молчала, лишь когда по тонкому лицу скатывались капли, подрагивали ее длинные, словно кукольные ресницы. С очередной коробкой в руках из комнаты вывалился Роман. Увидев молчаливую сцену в прихожей, мужчина опешил.

— Даша? — почти беззвучно выдавил он.

Даша резко обернулась. Поклажа упала на пол, брэнча чем-то металлическим внутри.

Звонкая пощечина оставила на светлой коже бывшего мужа яркий след.

— Так значит, это правда... — подбородок Даши задрожал. Плечи вздрогнули. — Какая же ты мразь... Ненавижу тебя... А ты...

Она снова повернулась к Андрею.

— Это все ты... ты... ты... Ты же бл..дь! Бл..дь! — заверещала она и вцепилась Андрею в лицо острыми маникюренными ногтями.

— Даша! Даша! — Роман оттащил жену от любовника. — Успокойся!

— Пусти меня, скотина! Я ненавижу вас! Ненавижу! — орала женщина. — Будьте вы прокляты! Будьте прокляты!

Беседа с оперативником в корпусном стакане прошла на удивление гладко. Мент с Андреем долгих душевных бесед не вел и как-то сразу определил в камеру, громко выкрикнув: «Следующий!». Парню выдали матрац и постельные принадлежности. Ни сменной одежды, ни бритвенных приборов, не говоря уже о таких тюремных ценностях, как сигареты, чай и мыло, у него не было. Да и откуда им было взяться. Не Рома же их принесет. Слова милиционера: «Собирайтесь, поедете с нами», — в момент задержания он не мог воспринять адекватно, захватив по пути только куртку с вешалки.

Андрей нерешительно вошел в камеру, держа в руках свернутые в рулон казенные вещи. Дверь за спиной с грохотом захлопнулась. Послышались скрежет запирающего механизма и глухие шаги удаляющегося прочь дежурного надзирателя.

Компания, сидевшая за столом, разом прекратила разговор и уставилась на парня. В камере воцарилась гробовая тишина. Все зэки повернулись в сторону входа и замерли.

Это зловещее молчание ввергло Андрея в состояние паники. Леденящий ужас заскользил по телу, опускаясь холодом в живот. Сердце заклокотало. По барабанным перепонкам гулко била пульсирующая кровь, все быстрее разгоняемая сердечной мышцей.

Крупный мужчина, расположившийся на скамейке возле окна, сидел, чуть завалившись набок. Его внимательные спокойные глаза смотрели на Андрея. Парень застыл, боясь пошевелиться, словно загипнотизированный. Здоровяк неспешно перевел взгляд на сидящего по правую руку тощего мужичка в наколках, которые сплошь покрывали кожу рук, оголенную до локтя синтетической олимпийкой. Тот медленно встал из-за стола и вальяжной походкой направился к Андрею.

Подойдя почти вплотную, он цыкнул сквозь зубы и неторопливо заговорил:

— Ну, что, голубь, здравствуй... ждали мы тебя... — мужичок, оглянувшись по сторонам, вперился парню в лицо. — Тут на хату нам курсанули... что ты по сто тридцать четвертой чалишься...

Вкрадчивый тон и колючий взгляд темных глаз вынудили попятиться к двери. Андрей нервно сглотнул. Голова закружилась так, что он потерял чувство реальности. Мужичок, неприятно ощерился и продолжил свой монолог:

— Говорят, ты, гнида, пацаненка опустил... Что молчишь, сука? Слова забыл? — его говор был тихим, вкрадчивым.

Тело охватила мелкая дрожь, нарастая с каждой секундой.

— Ну? Что хайло зажал... Ответ братве, было? — он на мгновение повернулся, окидывая сокамерников коротким взглядом.

Андрей испуганно замотал головой.

— Врешь ведь, падла... — ноздри на угловатом сморщенном лице напряглись, глаза сверкнули злобой. — Мне врешь, братве врешь... кому еще? Ты что же думаешь, сука, если в отрицалово подался, то тебе все с рук сойдет?

Андрей смотрел в темные, налитые лютой ненавистью глаза и ничего не мог ответить. Губы словно слиплись, отказываясь шевелиться.

— Что, петушила, думал, никто не узнает? Зашкеришься и прокатит? А, сучара, не слышу? Говори! — выдавливая сквозь зубы последние слова, мужичок вцепился парню в лицо и, зажав ладонью, схватился за затылок, резким движением дернул вниз, роняя его голову на выкинутое в сторону колено. Не удержав равновесия, Андрей сделал несколько шагов и приземлился на руки, сплевывая затопившую носоглотку кровь.

Сделав не хилый замах, ээк пнул вдогонку. Парня скрутило так, что он въехал лицом в бетонный пол. Андрей сморщился, сквозь плотно сомкнутые веки проступили слезы. Жадно хватая ртом воздух, он пытался встать.

— Больно?! — мужик присел, заглядывая жертве в глаза. — А ты что же, падла, думаешь, папе-маме пацана не больно? А нам ты думаешь не больно, что ты туфту трешь? А?! Не стыдно перед людьми?!

С этими словами арестант схватил парня за волосы и, приподняв голову, с силой ударил о пол.

— Не стыдно?!

От боли в глазах потемнело. Андрей застонал, захлебываясь очередной порцией солоноватой

субстанции.

— Если сам не втыкаешь, то мы тебя научим, как по правде жить!

Вокруг началось шевеление. Зэки встали с насиженных мест, окружив их кольцом. Перед глазами замелькали ноги, обутые в разношерстные домашние тапочки, китайские литые сланцы и ботинки без шнурков.

— Как думаешь, надо тебя жизни учить?! - почти ласково спросил сидевший на корточках мужичок.

Парень только прокряхтел в ответ. Зэк резко вскочил и еще раз ударил ногой корчившееся на полу тело.

— Надо?!

— Да... — задыхаясь от удара, выдавил Андрей, понимая, что споры с мучителем только усугубят его положение.

— Как думаешь, надо тебя наказать за пацаненка? - мужик наклонился и зашипел, брызгая сквозь зубы слюной. Его лицо налилось кровью, жилки на висках набухли, рот ощерился, демонстрируя неровные желтые зубы. - Не слышу!

Его голос стал невероятно гневным, он тяжело дышал.

— Да... — будто издали услышал себя мужчина.

— На колени, гнида! - заорал зэк. Чьи-то сильные руки с двух сторон приподняли парня, удерживая за подмышки. Мужик расстегнул ширинку и, достав член, приказал: — Соси!

Мутная пелена, стоявшая перед глазами, застилала реальность. Странное чувство болезненного удовлетворения охватило Андрея от того, что он толком не видит происходящее.

— Ну! Чего ждешь?!

Мужичок схватил его за лицо и, разжимая рукой челюсти, мощно впихнул в рот свой орган, вставив до самой гортани. Резкое действие заставило подавиться, вызывая рвотный позыв. Из носа потекло, обжигая носоглотку кислыми рвотными массами.

— На... На... - злобно цедил зэк, жестко засаживая в горло. Спазмы пищевода усиливались, с каждым толчком. Очередная порция желудочного сока перемешалась с вязкой спермой, вытекая из наполненного рта. Андрей обмяк от внезапного приступа рвоты. Член выскользнул изо рта. Зловонная жижа фонтаном вырвалась наружу.

— Чушок! Весь пол зафоршмачил! - послышалось со стороны.

— Ах ты, сука! - очередной удар прилетел в пах. Его свернуло от внезапного острого болезненного ощущения. Он снова упал.

— Держите его, братва! - крикнул кто-то из числа толпившихся вокруг. С него одним рывком стащили джинсы и нижнее белье. Он чувствовал резкую обжигающую боль, мощные вбивающие толчки и теплое семя, вытекающее наружу. Его вертели как куклу, насилуя по очереди до тех пор, пока не осталось желающих. Затем его били, чаще ногами, несколько раз хлестанув по почкам мокрой, свернутой в жгут, простыней. Тело сотрясалось от жестоких

ударов, сыпавшихся со всех сторон. Он слышал свои низкие натужные стоны, хрипы, вырывающиеся из груди, злобные матерные выкрики, свист и улюлюканье линчующей толпы. Все страшно гудело от побоев, багровые рубцы на коже горели. Глаза слезились от ноющей в каждой мышце, каждом суставе ломоты.

После сокамерники схватили его и, повернув лицом к трехъярусным нарам, привязали тряпками к металлической конструкции опор.

— Давай сюда щетку! Я ему в жопу засуну! – прохрипел знакомый голос. Свора арестантов одобрительно загомонила в предвкушении казни.

Острая распирающая боль от вогнанного в задний проход твердого предмета внезапно выдернула из реальности, погружая в чудовищно болезненный кошмар. Чьи-то руки запикивали орудие пытки с усилием все глубже. Зубы сжались с неистовой силой, заполняя рот костяной крошкой. Мышечное напряжение палача передавалось через инородное тело, мелкой вибрацией пронизывая утробу. Андрей надрывно зарычал. Происходящее дальше, он будто видел со стороны, поглощенный раздирающими тело ощущениями. Нечеловеческая мука пронзала насквозь, мощным электрическим разрядом прокатываясь по коже, захватывая каждую клеточку, переходя в жуткие спазмы. Из груди вырвался страшный крик, вмиг заполнивший собой все пространство камеры, больше походивший на вопль смертельно раненного зверя, чем на звуки, издаваемые человеком. Перед глазами замелькали светящиеся точки. Они множились, сверкали, переливались, закрывая собой мрачную картинку тюремной комнаты. Звуки вокруг смешались, выдавливая низкие частоты высоким сводящим с ума нарастающим звоном. Действительность померкла, втягивая сознание в абсолютную черную пустоту с солоноватым металлическим привкусом крови.

— Атас, братва, цирики! – услышав гулкие быстрые шаги за дверью, ээки кинулись врассыпную, оставив висеть на нарах распятое тело парня.

— Всем стоять, суки! – несколько надзирателей ворвались в камеру, походя лупцую резиновыми дубинками попадающихся на пути ээков.

— По беспределу пошли, гниды! Я вам устрою, твари, райскую жизнь! – орал главный смены. – Найду, кто это говно сделал, урою! Казлы! Б..ди ё..ные!

Встав по центру комнаты, он дубиной показал на ээка:

— Бубнов, ты, сука, сделал? Отвечай, б..дь! – дежурный огрел тощего мужика усмирителем.

— Не я! – завизжал арестант.

— А кто?! Отвечай, палда! Отвечай! – пытался добиться правды тюремщик, нанося удары по скрючившейся спине. – Молчишь, п..р! В карцер его!

— За что?! – верещал мужичок, втянув голову в плечи.

— Глаза у тебя, сука, б..ские! Врёшь и даже не поперхнешься! Все! Остальных обшманать... чую грев в хате! Я вам устрою, б..ди, такой душняк, что в собственном говне до китайской пасхи на коленях ползать будете!

Часть 15

Телефонный звонок раздался в половине первого ночи. Катя нашарила на тумбочке рядом с кроватью телефон. На экране светился вызов Романа.

— Алло... — сонно ответила женщина. — Ты чего по ночам трезвонишь? В отличие от Питера у нас тут глубоко за полночь.

— Это срочно... — звучавший в трубке голос заставил волноваться.

— Что-то случилось? Что-то с Саней? — Катерина встрепенулась, усаживаясь на кровати.

— Катя, нам нужна твоя помощь. Ты не могла бы прилететь ближайшим рейсом? Все расходы беру на себя.

— Да что стряслось-то?

— Санька может попасть в детский дом... Андрей в тюрьме, а меня хотят лишить родительских прав... Приезжай!

От таких новостей по телу прокатилась волна неприятных мурашек.

— Расскажи ты толком...

— Не по телефону. Приезжай, на месте все узнаешь. Ты нам очень нужна! — он умолял ее.

— Ладно. С утра забегу на работу, напишу заявление и первым же рейсом к вам.

Ночной звонок Романа не давал покоя. До самого утра Катя так и не смогла больше сомкнуть глаз. Тревога за единственного любимого племянника рисовала жуткие картины в воображении. Промучившись до четырех утра, женщина встала и направилась собирать чемоданы. К пяти часам вещи были упакованы. В интернете она нашла и заказала билет на самолет, невзирая на солидный ценник.

Решила не ждать начала рабочего дня и позвонить начальнице прямо из аэропорта, чтобы попросить отпуск. Благо, женщину на фабрике, где она работала, уважали. Да и начальство попало на редкость адекватное — ценило кадры. Так что Катя не сомневалась: ее поймут, и не будут вставлять палки в колеса.

Однако в это утро ее больше занимал другой вопрос. Что же произошло в Питере? Несмотря на ранний рейс, до Петербурга лететь долго и в доме Романа она появится не раньше обеда. Катерина вздохнула, вспомнив, с каким тяжелым сердцем еще недавно провожала Саньку с отцом в другой город. Ведь бабье чутье ей подсказывало, что не справится Рома с воспитанием сына. Вот, пожалуйста, результат! Получите, распишитесь! Но ничего, она-то во всем разберется, расставит по своим местам.

Еще до прихода Льва, утомленный всей этой нервозной Санька, прикорнув на диване в гостиной, уснул под разговоры отца с директором школы. Но Роман этой ночью не спал. Что-то тревожило его, не давая расслабиться. То ли от избытка алкоголя, то ли от волнений сердце бешено kloкотало в груди. За окном плыла глухая питерская ночь, закрывая от взора звездную бездну черного неба рыжим электрическим светом. Крестовский понимал, что не может сейчас ничего сделать для Андрея. Ему остается только надеяться и ждать звонка от нового

знакомого. То, что произошло этим вечером иначе, чем чудом он назвать не мог. Само проведение привело к ним в дом Никитина, который внезапно вызвался помочь и по случайному стечению обстоятельств оказался школьным товарищем Льва, работающего в Следственном Комитете. Размышляя над этим, Роман печально усмехнулся. Но Андрей... Мысли о нем вызвали приступы сильного беспокойства. Господи! Лишь бы с ним ничего не случилось. Роман не был верующим человеком, но этой ночью ему захотелось помолиться за друга. Слишком тревожными рисовались картины тюремной жизни.

«Андрей! Родной мой, потерпи еще чуть-чуть. Я вытащу тебя оттуда», — как мантру повторял про себя Ромка.

Он не заметил, как уснул, сидя за столом.

Телефонный звонок разорвал тишину. Роман вскочил, хватая трубку в надежде, что Лёвке удалось что-то выяснить. Но это была Катя. Она сообщила, что уже в самолете и сегодня днем будет у Крестовских.

Следующий звонок был от замдиректора, требовавшего Романа срочно явиться в офис. Потом позвонила какая-то дама, проводящая соцопросы среди пользователей сети «Мегафон». Еще пара звонков с работы и ни одного от Петрова.

Разбудив Саньку, Роман попросил его остаться дома и встречать тетку, сам направился разгребать скопившиеся за несколько дней рабочие вопросы.

День близился к концу, на город навалился сумрак. Из дома позвонил Санька и сообщил, что Катерина успешно доехала и готовит ужин. От этой новости на сердце немного полегчало. Ну, хоть Катя здесь. Уже хорошо.

Но то, что от Льва до сих пор нет никаких известий, беспокоило. Может, он забыл или у него не такие уж и большие связи, чтобы помочь хоть чем-то?

Еще из коридора Роман почувствовал аппетитные ароматы, доносящиеся из квартиры. Катя была мастерицей на все руки.

Присутствие в доме женщины чувствовалось с порога, создавая особую атмосферу тепла и уюта. Пахло пирогами и детством.

— Ну, привет! — снимая в холле уличную обувь, поздоровался с возившейся на кухне родственницей Роман. — Как долетела?

— Хорошо. Ты давай мой руки и ужинать! — засуетилась Катерина, по-хозяйски доставая из шкафа столовые приборы.

За столом Санька уплетал румяные пирожки, запивая их чаем. Рома подсел к сыну. Поставив перед зятем тарелку с едой, женщина пристроилась на соседнем стуле с чашкой ароматного кофе.

— Ну, Ром, рассказывай все по порядку. Санька мне уже напел про какие-то совращения и подставы. Теперь я хочу услышать обо всем от тебя. — Свояченица смотрела на мужчину выжидающим взглядом.

— Сейчас, только дух переведу. — От предстоящего разговора перехватило дыхание. Как рассказать все Кате? Поймет ли она? Поддержит? Ведь из-за Андрея он развелся с Дашей.

— Ну что, надышался? – спросила женщина, сделав большой глоток из кружки. – А теперь выкладывай.

Держа в руках вилку, Роман стал подробно рассказывать Кате о Санькином представлении, о том, как вызвал милицию и о признании во время медицинского осмотра. Рассказал и про то, как не поверил им следователь, и о вчерашнем визите Никитина и его школьного друга Петрова. Катя слушала, не перебивая, внимательно глядя на него пронизательными голубыми глазами. Когда мужчина закончил, она глубоко вздохнула.

— И что теперь?

— Остается только надеяться, что Лев сможет нам помочь, – грустно резюмировал Рома. — А ты-то как? Как Витька? Удивительно, что он вот так тебя отпустил.

Катя опустила глаза.

— А нет больше никакого Витьки.

— Как это нет?

— А так... Был да сплыл... — она сощурилась, уставившись в темный квадрат окна.

— Вы что, поссорились?

— Нет. Он, как ты в свое время, просто собрал вещички и умотал.

Роман опешил:

— Как это?

— Да не в этом смысле, – махнула Катя на зятя рукой. – Бабу он себе завел. Как оказалось, давно... и, знаешь, что самое обидное...

Было видно, что ей тяжело говорить.

—... ребенок у него там. Девочка. В этом году в школу пойдет... — она горько усмехнулась. – А мне говорил, что детей не хочет. Вот и получается, что скоро сорок, а я одна: ни мужа, ни детей. Дура! Все его слушала. Потакала каждой прихоти. Не хочет Витенька детей, ну и не надо... мы и так как-нибудь... а оно вот как получается. Когда уходил, попрекнул ведь. Говорит, какая же ты баба, если дитя не родила. Если бы хотела, говорит, родила и без моего согласия. А теперь ухожу я. Потому что там нужнее. Вот так, Ромочка. Невезучие мы с Дашкой...

В голубых глазах заблестели слезы.

— Н-да, — только и смог сказать Роман, вспоминая, как больно когда-то сделал бывшей жене.

— Что-то мы с тобой заболтались. Ешь давай. Поди, остыло все, – опомнилась Катя. – Дай бог все еще наладится!

Вопреки ожиданиям, Петров не позвонил и на следующее утро. В отчаянии Роман, забросив все дела, снова кинулся на поиски юриста.

Звонок раздался ближе к вечеру, когда Роман ехал по Невскому в сторону центрального офиса. Увидев на экране заветную фамилию, мужчина тут же нажал ответ:

— Да!

— Привет! - голос был взволнованным. - Есть новости. Сможешь подъехать на Мойку?

— Буду через десять минут!

Подъезжая к зданию Центрального Следственного Управления, Роман сразу заметил фигуру Петрова, курившего возле крыльца. Остановив машину неподалеку, Крестовский посигналил. Лев затушил сигарету и быстрыми шагами направился к автомобилю.

Обдавая запахами улицы и табачного дыма, криминалист ловко уселся рядом и протянул ладонь для рукопожатия.

— В общем, я все узнал, и мне даже удалось кое-что сделать. Но новости не очень. — Он поджал губы. - Начну с хорошей. Вересов добровольное не написал. А теперь плохие. Золотарёв побеспокоился, чтобы друга твоего в пресс-хату засунули. Хотел немного пообломать, но сидельцы перестарались. Я уже договорился, чтобы Вересова из санчасти Крестов перевели в больницу. Он в СИЗО до завтра вряд ли бы дотянул. Там, знаешь, мало, кого лечат.

Роман почувствовал, как в груди гулко ухнуло; в глазах потемнело. Пытаясь побороть внезапный приступ духоты, он открыл окно и с силой втянул холодный воздух, ворвавшийся с улицы в салон.

— Где он?

— Сейчас, погоди. Я еще не закончил. Я узнавал, у Золотарёва на Вересова, кроме твоих показаний, ничего нет. Вот он и решил повысить раскрываемость старым дедовским способом. Но как бы сейчас жестоко ни прозвучало, это нам на руку. Нельзя первоходов к рецидивистам сажать. Так-то. Сейчас только бы успеть опередить Золотарёва. Заводи мотор, поехали.

— Куда?

— В больницу к твоему ненаглядному.

Роман пропустил подколку Лёвки мимо ушей и, повернув ключи в замке зажигания, вырулил на дорогу.

Подойдя к железной двери с надписью «Реанимация», Лев нажал на звонок.

Женский голос из динамика спросил:

— Вы к кому?

— Центральное следственное управление по Санкт-Петербургу. Откройте!

Зеленая лапочка замигала, послышался писк домофона. Петров потянул ручку на себя и смело ступил в коридор. Роман вошел следом.

Навстречу им выбежала молоденькая женщина в бирюзовом хирургическом костюме и мягкой голубой шапочке.

— Здравствуйте! Вы только, пожалуйста, бахилы надевайте. Халаты можно взять на вешалке.

Мужчины послушно подчинились.

— Вы, наверное, в десятую. К тому, которого сегодня утром под конвоем привезли, – уточнила она.

Лев кивнул.

— Пойдемте, я провожу, – легкой бесшумной походкой девушка направилась вглубь отделения.

Возле стеклянной двери развалившись на стуле, дремал конвоир. Услышав шаги, он вскочил с места, преграждая путь посетителям. Лев одним движением достал из внутреннего кармана корочку и, развернув ее, молча показал охраннику. Тот отошел в сторону, пропуская мужчин в палату.

Женщина проскользнула следом.

В лежавшем на койке человеке Роман с трудом узнал своего Андрея. На нем не было живого места. Отекшее лицо покрывали коричнево-серые синяки. Нос и губы распухли, глазницы очерчивали темные круги, глаза заплыли так, что превратились в щелочки. На обнаженных бледных плечах и шее ярко выделялись багровые кровоподтеки. Из руки торчала прозрачная трубка, уходящая вверх к бутылки, закрепленной на металлическом штативе рядом с кроватью.

Сердце остановилось и замерло, отвратительный холод ртутью растекался по телу. Роман побледнел, пол, словно закачался у него под ногами. Он схватился за дверной косяк.

— Вам плохо? – медсестра быстро приблизилась, заглядывая Крестовскому в лицо.

Прикрыв глаза, он помотал головой и произнес едва слышным голосом:

— Всё в порядке. Сейчас пройдет.

— Ему недавно сделали операцию. Он еще не отошел от наркоза, – пояснила она.

Лев подошел к окну и, вглядываясь куда-то вдаль, с досадой выпалил:

— Вот блин... — Затем он повернулся к девушке и спросил: — Когда он придет в себя?

— Через час, может чуть меньше.

— А писать сможет?

Поправляя капельницу на руке пациента, медсестра посмотрела на Петрова:

— Сможет, почему нет... правда, не сразу... наркоз будет действовать еще какое-то время.

Дверь распахнулась, и в комнату неспешно вошел высокий мужчина в голубом костюме.

— Маша, почему посторонние в палате? Кто разрешил? – не вынимая рук из карманов, грозно спросил он.

Медсестра выпрямилась и попятилась назад.

— Кирилл Николаевич, это из следственного комитета.

Врач метнул недобрый взгляд на присутствующих в палате мужчин:

— Пациент еще не пришел в себя. Что вы от него хотите?

— Нам нужно, чтобы он дал кое-какие показания. Это срочно, - Петров смотрел на врача.

— Разве вы не видите, что пациент ещё под действием наркоза? Он вам сейчас ничего не скажет!

— Доктор, что с ним?

— А вы ему кто? - Кирилл Николаевич с недоверием посмотрел на Романа.

— Я...

— Брат, — опередил его Лев.

— Не здесь. Пойдемте, - врач кивнул Крестовскому, направляясь к выходу.

Они зашли в небольшой кабинет. Кирилл Николаевич уселся за письменный стол, сложив перед собой руки. Роман устроился возле него на стуле.

Покопавшись в бумагах, доктор достал тоненькую картонную папку. Раскрыл ее, положил перед собой и пробежался беглым взглядом по истории болезни.

— Можно сказать, вашему брату повезло. Несмотря на то, что его жестоко избили, внутренние органы практически не пострадали. Перелом ребер... множественные гематомы... ушиб правой почки. Но вот разрывы прямой кишки и повреждение анального сфинктера... хм... если бы его вовремя не привезли, то все могло закончиться трагически.

Доктор поднял на Романа глаза:

- Операцию мы сделали. Остается только ждать, пока он восстановится.

— А скажите... Разрывы — это...

— Ну, знаете, как в тюрьме бывает? Поверьте, ваш брат не первый и не последний.

От внезапно подкатившей тошноты во рту онемело.

— Нехорошо?

Роман кивнул. Кирилл Николаевич встал и, неспешно подойдя к белому шкафу, достал из него пузырек с нашатырем. Открыв флакон, он поднес его под нос Крестовскому. Роман сделал глубокий вдох. Резкий запах обжег слизистую.

— Так лучше? - убедившись, что мужчина немного отошел от шока, врач продолжил: — По поводу физического здоровья вашего брата я бы не переживал. Он поправится. Еще недели две и вполне можно будет выписывать. Правда, придется с полгодика постоять на учете, последить за собой. Куда больше вызывает беспокойство его психоэмоциональное состояние. Жертве

насилия после пережитого нелегко адаптироваться к повседневной жизни. Тем более мужчине. Возможно, стоит обратиться за помощью профессионального психолога.

Бедный Андрюша. Милый ласковый мальчик. Его жестоко изнасиловали, а потом решили забить до смерти. Какой ужас ему пришлось пережить! Но за что?! За что?! А если Андрею придется вернуться в тюрьму? Он же просто не захочет больше жить.

Сердце больно сжалось. Ком подкатил к горлу и остро впился в кадык.

Роман вышел из ординаторской. Его трясло от отчаяния и ненависти ко всей этой мерзости тюремной жизни. Он подошел вплотную к стене и, прижавшись лбом к холодному бетону, в приступе ярости с силой ударил кулаком. От мощного удара костяшки занули. Глаза заволокло влажной пеленой. Он крепко стиснул зубы и тихонько замычал.

Кто-то осторожно дотронулся до его плеча. Роман обернулся. Перед ним стояла уже знакомая сестричка.

— Простите, там ваш друг. Просил найти вас.

— Да, да. Я уже иду.

Крестовский твердым шагом прошёл мимо сидящего у дверей конвойного. Тот лишь устало посмотрел ему вслед.

— Роман, мне надо срочно отъехать. Но это дело так оставлять нельзя. Вересов должен написать две бумажки, - Лев был серьезен как никогда. - Давай сделаем так. Я уеду. А, скажем, часа через два вернусь. К тому времени он как раз очнется.

— Я тоже сметаюсь домой, привезу Андрюшке вещи.

Петров уехал, договорившись с Романом встретиться в семь у входа.

Увидев на пороге квартиры озадаченного Крестовского, Катя и Санька кинулись навстречу.

— Ну, что есть новости? - женщина внимательно смотрела на родственника.

— Да. Андрей в больнице.

— Как в больнице? - охнула она.

— Не сейчас, Катя! Очень тороплюсь. Сделай что-нибудь поесть. А я соберу его вещи и назад.

Роман достал из купе спортивную сумку. Покидал в нее несколько смен нижнего белья, носки, футболку, пару спортивных штанов. Из ванной забрал бритву и зубную щетку Андрея.

— Пап, — Санька подошёл к отцу.

— Давай позже, видишь, мне некогда! - Роман мельком взглянул на сына. Внутри неприятно зануло.

Смахнув в сумку приготовленные Катериной пластиковые коробки с едой, Крестовский помчался к машине.

Лев уже ждал его в больничном холле.

— Ну, пошли, – кинул он Роману, направляясь к лифту.

В коридоре реанимации вовсю кипела больничная жизнь. Двери палат были открыты настежь. Туда-сюда сновали медсестры со штативами в руках и пластиковыми стаканчиками на небольших подносах. Мимо них размашистым шагом прошел Кирилл Николаевич, держа подмышкой истории болезней. Из процедурной доносилось металлическое звяканье и звуки рвущейся ткани. В нос били запахи спирта и хлорки.

На посту возле десятой палаты сидел уже другой конвойный.

— Не положено! – преградил он путь мужчинам. Петров, изящно козырнув ксивой, направился в комнату.

— А у вас что? — отрезал путь Роману конвоир.

— Это со мной, – торопливо проговорил Лев.

— Не положено!

— Пусти, брат там мой, – Роман соорудил жалобное лицо.

— Не положено! – упорствовал охранник.

— Слышь, братан, — Ромка достал из внутреннего кармана деньги. – На вот, возьми. Только пусти. Умоляю.

Охранник оглянулся и, выхватив быстрым движением купюру, молниеносно засунул ее в карман.

— Ладно. У тебя пятнадцать минут.

Часть 16

Андрей тихо застонал. Голова сильно кружилась, мысли путались. Откуда-то со стороны доносилось металлическое звяканье, отдаваясь болью в черепной коробке. Он открыл глаза. Мутная пелена едва давала различать окружающие предметы. Тело будто затекло. Андрей попытался пошевелиться. Боль пронзила насквозь, вызвав новый приступ стона. Сознание медленно возвращало в реальность. Где это он?

Стены выложены белой кафельной плиткой, сквозь стеклянную дверь из коридора льется холодный электрический свет, в воздухе пахнет спиртом и какими-то лекарствами. Возле окна высокий несгораемый шкаф, выкрашенный в белый цвет. Рядом с кроватью приземистая тумбочка, наверху пристроились пузатые бутылки с прозрачной жидкостью. Возле двери раковина с зеркалом, рядом висит дозатор с мылом и держатель для бумажных полотенец.

Андрей перевел взгляд вниз. Похоже, что одежды на нем не было. Белая простыня укрывала тело. Из руки торчал пластиковый катетер, крепко зафиксированный пластырем.

Внезапно он вспомнил тюремную камеру и уносящиеся вдаль звуки «Атас... братва... цирики!», а дальше только тьма. Что произошло, как Андрей оказался здесь, он не помнил. Ясно было только одно, он еще жив.

Жуткие картинки стали возникать вспышками в его сознании. Андрей вспомнил, как его били, а потом подвергли унижительной пытке. На душе не было ровным счетом ничего. Ни злости, ни страха, ни обиды. Ее словно парализовало. Была лишь только не проходящая тупая телесная боль. Внизу все горело, отходя от обезболивающих. Мышцы ныли. Опухшие слипшиеся веки толком не открывались, позволяя смотреть на мир лишь сквозь узкие щелки.

Дверь открылась, и в комнату вошли двое: Роман и невысокий пухлый мужчина.

Рома? Что он тут делает? Рома! Сердце бешено забилося.словно ледяная корка безразличия ко всему, сковывавшая до этого, треснула. Жгучая смесь обиды и радости наполнила сердце.

— Андрей, ты очнулся! — Роман кинулся к лежавшему на постели парню и, ухватив его за руку, присел возле кровати.

Что произошло? Почему Рома так изменился? Последний раз, когда они виделись, любовник отпихивал Андрея от себя, грозясь удавить собственными руками. Обвинял в соvrращении сына. А теперь? Неужто до него наконец-таки дошло, что Андрей ни в чем не виноват?

— Прости меня, если сможешь... Прости... Ради бога, прости... — шептал Роман, прижимаясь теплыми губами к тыльной стороне тонкой кисти. — Санька мне во всем признался... Прости, что не поверил тебе... прости...

Как он мог не поверить?! А что, если бы Санька не признался? Жалость к себе сдавила горло. Андрей осторожным движением освободил ладонь из Ромкиных рук и уставился в стену.

— Кхм... — напомнил о себе стоявший поодаль Лев. — Я, конечно, дико извиняюсь, но нам нельзя терять время. Андрей...

Он подошел к койке, держа в одной руке планшет с закрепленными на нем листами бумаги, в другой — шариковую ручку.

— Писать сможешь?

— Что?

— Забыл представить. Это Лев. Он вызвался помочь. Сделай, как он говорит. Прошу тебя. — Крестовский смотрел умоляющим взглядом. Стоит ли верить ему? Но Андрей не в той ситуации, чтобы выбирать. Возможно, это его единственный шанс на спасение от тюрьмы.

После наркоза во рту все пересохло, язык едва шевелился.

— Попить дай! — попросил парень.

— Сейчас, — засуетился Роман, доставая из сумки прихваченную по дороге в больницу бутылку воды.

Налив в кружку немного, он поднес ее к губам Андрея. Тот сделал несколько глотков и тихо произнес:

— Так что я должен написать?

— Жалобу на имя начальника СИЗО о нарушении правил содержания и заявление в

прокуратуру о том, что подвергался в камере пыткам, унижающим человеческое достоинство. Нам необходимо добиться инициирования внутреннего расследования и прокурорской проверки в Крестах. А там уже положитесь на меня.

Андрей взял протянутую ручку. Рука тряслась. Лев придерживал планшет, пока парень писал под его диктовку документы. После того, как все было готово, Петров беглым взглядом прочел написанное, и, захлопнув планшет, посмотрел на парня.

— Если придет Золотарёв и начнет снова давить, не вздумай писать добровольное, понял? Все. Я полетел.

— Лев! - Роман подошел к мужчине и протянул руку. - Спасибо тебе огромное!

Петров крепко сжал ладонь и похлопал Крестовского по плечу.

— Держитесь. Все будет хорошо!

После того, как Петров ушел, Андрей повернул голову к стене, не желая больше смотреть на Романа.

— Андрей... — осторожно позвал его мужчина, но тот будто не реагировал. - Я все понимаю... я очень сильно виноват перед тобой, но постарайся понять меня...

— Уходи, — прошептал Андрей.

Роман стоял возле койки друга, виновато опустив голову. Повисла пауза. Слышно было, как за дверью переговариваются медсестры, как бренчат иглы и шприцы, падая в металлические лотки, как везут по коридору очередную каталку с новым пациентом.

— Я принес тебе все необходимое, — прервал молчание Крестовский. - Наверное, я пойду. Мне уже пора.

Парень даже не шевельнулся. Только когда Роман вышел, по щекам Андрея покатались слезы. Он судорожно всхлипывал, не в состоянии справиться со своими переживаниями. По вине Романа ему пришлось пройти через весь этот ад, и еще ничего не закончилось. Хватит ли у него сил на то, чтобы справиться со всем этим? Ведь те жуткие воспоминания, что еще так свежи в памяти, никуда не денутся, навсегда останутся с ним. Они будут являться ему в самый неподходящий момент, сниться по ночам, заставляя вздрагивать каждый раз, когда за дверью слышатся чьи-то шаги, не чувствовать себя в безопасности, где бы ни находился. Ему уже никогда не отмыться от этой грязи. Андрей чувствовал дикий стыд за то, что с ним сделали. Но почему стыдится именно он? Разве же он в этом виноват? Если не он, то кто? Рома, который сдал его милиции? Или Санька, решивший избавиться от него таким нелепым способом? Или же те, кто заполнил их головы глупыми невежественными предрассудками? Сможет ли он когда-нибудь забыть все, что с ним произошло? Научится ли жить с этой новой памятью?

Расчет Петрова оказался верен. Благодаря связям, Льву удалось быстро добиться прокурорской проверки СИЗО. Золотарёв не успел толком сообразить, что произошло, как ФСИН начало расследование в Крестах, поэтому вскоре Евгения Петровича отстранили от дела Вересова. Новый следователь оказался человеком непредвзятым. Санькино признание о том,

что он подстроил свое совращение, приложили к материалам дела, и оно было закрыто с пометкой «за недостаточностью улик».

Андрей пошел на поправку. Уже на третий день его перевели из реанимации в общую хирургию. Охрану с палаты сняли. И Роман, дававший взятки за свои визиты конвоирам, теперь беспрепятственно мог навещать Андрея в больнице, договорившись с зав. отделением об отдельной палате для парня.

Дома Крестовский практически не появлялся, приходил только ночевать. С утра заезжал в больницу и ехал в офис. После работы, захватив приготовленные Катей туески с едой, мчался обратно в клинику.

Андрей по-прежнему не хотел разговаривать с Романом, но деваться было некуда, кроме Крестовского, в городе у него никого нет. Трепетная забота друга подкупала.

Отеки и рубцы на коже потихоньку стали проходить. Андрей уже мог узнать себя в зеркале, но зеленовато-сиреневые синяки, расплывшиеся по лицу, еще напоминали о пережитом. С Ромкиной помощью он стал вставать с кровати, правда, сидеть еще не мог. Каждый подъем, как и обратное возвращение в лежачее положение давались с трудом. Вечером Роман приходил часов в восемь и, в ожидании конца назначенных процедур, пытался развлечь Вересова всякими байками, стараясь никак не затрагивать тему их отношений. Мужчина понимал, что Андрею нелегко забыть ужасы тюремного заключения и простить его.

После утомительных капельниц, Роман помогал другу подняться с постели, и они вместе медленно прогуливались по длинному больничному коридору. Роман был рад тому, что Андрей принимает его помощь.

Страшно представить, что было бы, если не Петров. Лев звонил Роману, справлялся о здоровье Андрея. И каждый раз Роман так подолгу благодарил криминалиста, что Лёвке становилось даже неловко.

Недельное отсутствие Саньки в школе будто никто и не заметил. Однако теперь интерес одноклассников возрос до небес. При нем все делали вид, что ничего не случилось. И даже Борька нарочито обходил щекотливую тему стороной. Учителя относились к Сане с особой трепетной осторожностью. Слухи о его совращении будоражили воображение школьной общественности похлеще тех, что разносили до этого времени о его отце. Напряжение росло. Каждое утро Санька заставлял себя войти в класс, борясь с желанием вернуться домой и больше никогда не приходить сюда.

Отношения с родителем тоже не радовали. Роман словно избегал общения с сыном, находя различные благовидные предлоги. Мальчик понимал, что сам стал заложником своего вранья. Но как-то надо было жить дальше. Завоевывать утраченное доверие заново. Он чувствовал себя одиноким как никогда. Единственной поддержкой и отдушиной в такое непростое для него время стала тетя Катя. Она искренне любила племянника и очень сильно переживала за него, выслушивая все Санькины горести, пыталась хоть как-то успокоить.

— Ничего, Санечка. Все уляжется. Вот увидишь! – говорила она.

Как ему хотелось, чтобы ее слова стали правдой. Но холодность отца и новый виток проблем в школе никак не давали расслабиться.

— Теть Катя, не уезжай! Если ты уедешь, то я останусь совсем один.

— А как же папка? Он любит тебя.

— Уже не любит... — Санька поник. — Он видеть меня не хочет после того, как узнал, что Андрея в тюрьме избили.

Катерина горестно вздохнула, глядя подростка по голове:

— Как же не любит? Любит. Ведь ты ж его единственный сын. Просто ему сейчас тяжело. Надо его понять. Ему нужно дать время. Он очень расстроился из-за Андрея. Потихонечку все забудется и заживете как прежде.

Ей отчаянно хотелось верить в то, что Роман не держит зла на Саньку, связывая его отстраненность с внутренними душевными переживаниями.

— А если не забудется и не будет как прежде? — Санька будто читал ее мысли.

— Должно забыться. Папка не может вот так запросто отказаться от тебя. Пойми. В том, что случилось не только твоя вина. Его вина не меньше, если не больше. И он это знает...

Кате хотелось надеяться, что Ромка действительно осознает — винить в случившемся только сына глупо. Ведь это из-за него Саня решился на отчаянный шаг, ведь это его эгоизм и нежелание решать насущные проблемы стали причиной конфликта. Может, если бы отец поговорил с ним, не скрывая своих отношений, то ничего бы этого и не случилось.

— А ты чего спать не идешь? — встрепенулась тетка. — Тебе же завтра в школу рано вставать. А ну живо в постель!

Санька встал со стула и послушно поплелся в свою комнату.

Женщина осталась сидеть в гостиной. Озадаченная разговором с племянником, она решила дождаться Романа, чтобы выяснить у него, почему он так резко охладил к единственному сыну. Разобраться, наконец, с бывшим зятем. Объяснить, что Санька сильно переживает и ему сейчас тоже нелегко.

Включив видеопанель, она расположилась на диване. На экране герои очередной мыльной оперы нудно выясняли отношения. Катя не заметила, как заснула под эту монотонную бубнежку.

Вернувшийся в квартиру Роман застал родственницу спящей. Стараясь не разбудить, он принес из спальни одеяло и заботливо накрыл свояченицу, взял в руки пульт и выключил телевизор. Женщина вздрогнула и открыла глаза.

— Рома, сколько времени? — моргая спросонья, спросила Катя. — Двенадцать доходит. Спи.

— Ты давно вернулся?

— Нет, только что зашел.

Откинув одеяло, Катерина встала с дивана.

— Голодный, наверное. Давай покормлю тебя, — она направилась в кухню.

— Спала бы. Я чаем обойдусь, - посетовал мужчина.

— Не до сна мне. Поговорить я с тобой хочу. - Катя уселась за барную стойку.

— О чем, если не секрет?

— Не секрет, о сыне твоём. Переживает он сильно, что ты избегаешь его. - Она смотрела на Романа изучающим взглядом.

— С чего он взял, что я его избегаю? Вовсе нет. - Роман старался не смотреть в глаза, что не могло ускользнуть от женского внимания.

— Ром, не ври мне. Скажи честно. Я все пойму.

— Ничего-то от тебя не скроешь... Всегда такой была. - Роман поджал губы. - Не могу я с ним. В глаза смотреть. Разговаривать. Рядом находиться не могу!

— Это почему же, Рома? - Катя ожидала услышать от Крестовского нечто подобное, но до последней минуты не хотела верить, что ее догадки верны.

— Простить не могу! Не могу и все! - на его лице заиграли желваки. Он нервно сглотнул. - Ты же не все знаешь.

Роман внимательно смотрел в голубые глаза Кати, будто стараясь разглядеть в них что-то.

— Андрея не просто избили, его жестоко изнасиловали, понимаешь? - он тяжело задышал, пытаясь справиться с вновь нахлынувшими эмоциями.

От этих слов Катя сжалась. Она слышала, что делают в тюрьмах с педофилами и где-то догадывалась о случившемся с Андреем в СИЗО. Поводов любить парня у Катерины не было, скорее наоборот. Но такого он явно не заслуживал.

— Мне жаль, Рома. Но ты пойми, Санька в этом не виноват. Зачем ты срываешь на нем свою обиду?

— А кто, Катя? Кто? Если бы он все это не придумал...

— Если бы ты ментов не вызвал, а попытался сам разобраться! А лучше просто не давал поводов к тому, чтобы сын боролся за твою любовь! - резко перебила она его. - Рома, разве ты не понимаешь, что все беды из-за тебя? Ты виноват во всем!

Ее вдруг охватила такая злость. Как он смеет обвинять во всем ребенка! Чертов эгоист!

— Если бы не ты, то Дашка сейчас, может, была жива! - в сердцах выпалила она. - Это ты ее довел до такого! Ты же не знаешь, что она полтора года после развода на таблетках жила! Ты... Да что с тобой говорить... — она махнула рукой, на глаза вдруг навернулись слезы. - Для тебя все люди - игрушки. Наигрался, надоело - бросил... Вначале ты с Дашкой так поступил, сейчас Саня... Подумай над этим, Рома... Гляди, пробросаешься, останешься один на старость лет никому не нужный...

— Права ты, Катя... Как всегда права... - Роман понуро опустил голову, обхватив руками. - Но не могу я, не могу. Все ты правильно говоришь, и я это понимаю, но вот сердцем принять никак не могу. Не получается.

— А ты хоть раз в жизни попробуй не только о себе беспокоиться. О Саньке подумай. Каково ему? Без матери, да ещё родной отец видеть не хочет. Ты потерять его думаешь? Так зачем меня вызвал, сдал бы в детдом, и дело с концом! Нет сына – нет проблем. Все ты, Рома, надеешься, что за тебя кто-то решит твои проблемы. Вон, результаты твоих ожиданий! Любуйся...

От сказанных Катей слов стало неприятно. Да, он виноват, но зачем винить его во всех смертных грехах? Романа начал раздражать этот ночной разговор на повышенных тонах, он и так устал за целый день. А теперь еще приходится выслушивать от Кати нотации.

Он молча встал из-за стола и, бросив на Катерину недобрый взгляд, отправился к себе спать, коротко пожелав женщине спокойной ночи.

Несмотря на Катини увещевания, у Романа никак не получалось наладить отношения с сыном. Он понимал, что несправедлив к Саньке, но не мог ему простить Андрея. Вся эта ситуация с изнасилованием его очень сильно задела, затронув самые глубинные первобытные чувства. Роман видел, как Андрей сильно переживает, стараясь не показывать своих внутренних волнений. Но что-то изменилось в их отношениях, будто ускользнуло. И это что-то связано отнюдь не с Андрюхиным молчанием.

В душе Романа появился холодок, отчужденность. Может, он перегорел, слишком сильно переживая за любимого? А может, случившееся показало, что Андрей вовсе не так уж дорог ему? Вся его забота о друге, скорее, была вызвана чувством вины и обычным человеческим состраданием. Но любовь – она будто исчезла. Отношение к Андрею оставалось по-прежнему теплым, но больше каким-то братским. Слово тот был горячо любимым родственником, но никак не желанным любовником. И Романа это злило. Доводило до бешенства. Он понимал, что больше не сможет лечь в постель с этим человеком. Подленькое чувство брезгливости к некогда вожделенному телу напрочь вытравило сексуальное влечение. Стоило Роману только представить Вересова, совокупляющегося, пусть и не по своей воле, с толпой зэков, как подкатывала тошнота. Обида Андрея была настолько сильна, что он по прошествии вот уже нескольких дней хранил стойкое молчание. Может, оно и к лучшему. Смог бы Роман сейчас, зная, что случилось в СИЗО, поцеловать его в губы? Если после выписки из больницы Андрей решит уйти, то он не станет его держать. Наверное, так будет лучше для обоих.

Но Андрей, видя, как Роман ухаживает, как он внимателен и участлив, все больше убеждал себя, что в его несчастье любимый не виноват. Андрей попросту стал жертвой дурацкого стечения обстоятельств. Наверное, Рома сильно переживает из-за того, что случилось с любовником. Андрей постоянно вспоминал, как смотрел на него Роман в палате реанимации, как держал за руку, как шептал «прости». Он так искренне раскаивался. Ромка, его любимый, такой трогательный, такой милый Ромка. Он же рассказывал, как носился по городу в поисках юриста, когда узнал о Санькином вранье, как пытался убедить следователя отпустить Андрея. Какое отчаяние навалилось, когда понял, что не может ничем помочь. Ромка! Он всегда был таким нежным, таким чутким, таким заботливым. «Что же я делаю?» — подумалось вдруг. А если Роман решит, что Андрей хочет разорвать отношения? Дальнейшей жизни без любимого парень не представлял. Андрей полюбил своего мужчину с первого взгляда и любит до сих пор и, кажется, не разлюбит никогда. Он готов даже переступить через такую сильную обиду ради этой своей любви. Хотя мысли о сексе сейчас его пугали. Но он постарается ради Романа. Ему только надо оправиться от этого чудовищного потрясения. Может, не сразу, но все наладится через какое-то время. Он был уверен, Рома подождет, не будет его принуждать. Он же все

понимает. Его Ромка!

Крестовский, разрываемый между работой и больницей, не замечал, что творится вокруг. Катерина рассказала, что к ним приходила комиссия из опеки и интересовалась условиями проживания Саньки. Увидев в доме женщину, проверяющие вроде бы остались довольны. Однако вскоре на имя Крестовского пришла повестка.

Дело слушалось недолго. Роман суд выиграл, оставив за собой все родительские права. Адвокатом Крестовского был один из самых сильных в городе юристов по семейному праву. Конечно, нанятый специалист влетел ему в копеечку, но оно того стоило.

Никитин, присутствовавший на заседании от лица школы, выступил в защиту Романа, несмотря на опасения Льва по поводу того, что такой жест могут неправильно истолковать. А это вовсе не последнее, когда принимаются решения о назначении на пост в городскую администрацию. Но все прошло гладко. Газетчики шумиху устраивать не стали, так как уголовное дело о совращении мальчика было закрыто и жареными фактами здесь уже не пахло. В администрации на этот случай внимания не обратили и продолжали пестовать фигуру Никитина на должность главы муниципального округа.

Часть 17

Андрей понемногу стал отвечать на вопросы Романа, все же пытаясь держать дистанцию. Ему сейчас, как никогда, необходимо было чувствовать себя нужным и любимым. Без этого он просто не смог бы продолжать жить. Теплые прикосновения Ромкиных рук давали ощущения защиты и поддержки. Ужасы тюремного заключения остались в прошлом, но страх все еще терзал его. По ночам Андрей просыпался от собственного крика, сердце бешено колотало в груди. Ему снилась камера, хмурые лица арестантов, металлический скрежет запирающих механизмов железной двери и гулкий топот тяжелых армейских ботинок по металлическим пандусам извилистых коридоров СИЗО.

По истечении почти двух недель Андрей чувствовал себя намного лучше. Хотелось выйти на улицу. Втянуть носом прохладный запах питерских мостовых, почувствовать, наконец, себя свободным. Три последних недели окончательно изменили его внутренний мир, показав истинные ценности, которые в обычной жизни люди, погруженные в суету серых будней, не замечают, принимая как данность. Человеческая психика – странная вещь. Только лишившись чего-либо, человек начинает ценить это, а обретя, недолго наслаждается полученным даром, вновь погружаясь в унылое мельтешение. И лишь сильное потрясение заставляет посмотреть на происходящее вокруг другими глазами, переворачивая привычное с ног на голову. Несчастье, случившееся с Андреем, помогло ему прозреть, посмотреть иначе на собственную жизнь. Он понял, что никогда уже не сможет так бездарно тратить отведенное богом время, как делал до этого. Он художник и его призвание – нести людям частичку того света, что есть в его душе. Андрей твердо решил, что будет творить не только в удобные моменты, а уделять своему таланту как можно больше часов в ущерб всему остальному. Пусть это и не принесет баснословных барышей, но он точно будет знать, что делает именно то, ради чего пришел на эту землю, получая от своей работы истинное наслаждение.

Андрей много думал и об отношениях с Романом. Может, произошедшее было послано ему как наказание за те грехи, что Андрей совершил? Именно сейчас он особенно остро почувствовал

свою вину за сломанную судьбу Даши. Ведь это он стал причиной ее несчастья, несмотря на то, что этого вовсе не хотел. Но собственный эгоизм взял верх. Андрей помнил, как радовался, когда Роман ушел от жены. Радовался чужому горю. Тихо. Не показывая своих восторгов окружающим. И теперь он получил по заслугам за все те страдания, что причинил этой маленькой хрупкой женщине. Наверное, где-то там, в небесной канцелярии строго следят за каждым его шагом, каждым желанием, каждой эмоцией и воздают по заслугам. Возможно, теперь-то он искупил свою вину перед ней и в его жизни все наладится. Должно наладиться. Иначе быть и не может.

К выписке у Андрея не осталось и тени обиды на Романа. Он с нетерпением ждал своего возвращения домой, чтобы начать рисовать. В голове было столько идей, столько грандиозных планов, которые помогали не заикливаться на своих горестях.

Наконец этот день наступил. Роман приехал почти сразу, как Андрей позвонил и сказал, что его сегодня выписывают. Погрузив сумки с вещами, мужчины сели в машину. Андрей заметил, что Роман чем-то озадачен. Его лицо было напряжено.

— Рома, что-то не так? – вглядываясь в красивый профиль, спросил Андрей.

— Все в порядке. С чего ты взял? – Роман пристально смотрел вперед, выруливая с больничной парковки.

— Знаешь, мне немного неловко... – Андрей потупил взор.

— Говори.

— Катя. Меня смущает ее присутствие в нашем доме.

— Хм... с чего бы это? – Крестовский всегда с особым уважением относился к своей родственнице, считая ее мудрой и порядочной женщиной. За те пять лет, что он прожил с Дарьей, они с Катей часто общались и неловкости в ее компании Роман никогда не ощущал.

— Ну как... она же родная сестра твоей бывшей жены... не думаю, что Катерина от меня в восторге. Тем более... – Андрей чувствовал себя неловко. Ему не хотелось, чтобы свояченица Крестовского знала о подробностях тюремного заключения. – Надеюсь, ты ей не рассказывал, что произошло?

— Рассказывал... – не отрываясь от ситуации на дороге, ответил Крестовский.

От этих слов Андрей почувствовал стыд:

— Зачем?

— Так было нужно. Она сама вызвала меня на этот разговор.

Андрей никогда не видел Кати. Как он будет смотреть в глаза незнакомой женщине, которая знает о нем все и даже больше? Он уже рисовал себе картины презрительного к себе отношения со стороны родственницы Крестовского, в деталях представлял, как ему предстоит жить в напряженной обстановке вынужденного соседства.

Вопреки ожиданиям Катерина оказалась очень милой дамой. Андрей даже был удивлен широкой улыбке, с которой она встретила бывшего зятя и его любовника на пороге квартиры.

Увидев Андрея, Санька подошел к парню.

— Прости меня, Андрей... — мальчик старался не смотреть в глаза. — Я не хотел, чтобы ты попал в тюрьму... правда, не хотел...

Санькины слова вызвали неприятные чувства, затронув болезненные воспоминания. Андрею хотелось раз и навсегда забыть этот ужас, но, похоже, ему еще не раз напомнят о нем. Он тяжело вздохнул и лишь грустно улыбнулся в ответ. Еще слишком больно, чтобы можно было вот так запросто говорить об этом. Чувство скованности в собственном доме не покидало.

— Рома, Саня, Андрей идите за стол! — позвала Катя.

Катерина приготовила по случаю возвращения Андрея праздничный ужин. Стол ломился от всевозможных закусок — широкие тарелки с нарезанными на квадраты пирогами, салатники, наполненные оливье, мясная и рыбная нарезки, маринованные огурчики и много чего еще. Специально для Андрея женщина приготовила пареные овощи и рыбу, как велел доктор. Такая забота тронула.

Катино радушие и широта души поражали. Ее такт и внимание по отношению к Андрею были выше всяких похвал. От этого он еще больше чувствовал неловкость. Возможно, она жалела Андрея, но никакой враждебности в ее поведении не было.

Катерина с какой-то материнской заботой опекала всех троих мужчин, живущих под одной крышей. Роман принимал это как должное, не задумываясь, каких усилий стоило Кате великодушие в отношении Андрея.

Катя никогда не встречалась с Вересовым. Она ожидала увидеть нечто похожее на то, что преподносят средства массовой информации — жеманного вертлявого мужчину. Андрей же ее удивил. В нем не было ничего подобного. Вполне обычный тридцатилетний молодой человек, может, излишне астеничный. Мягкий красивый баритон только подчеркивал его мужское начало. Если бы она не знала, то никогда и не подумала, что это и есть любовник ее бывшего зятя. Вернувшись от Крестовского в тот самый день, Дашка иначе, чем бл..дью парня не называла. Поэтому Катя всегда представляла его несколько иначе. Андрей вел себя более чем скромно, очевидно, сильно стесняясь свояченицы Романа. Через несколько дней совместного проживания Катя даже прониклась к Вересову необъяснимой симпатией.

На работу Андрей вернуться не смог. Мысль об оправданиях по поводу собственного отсутствия была ненавистна ему. Справка из СИЗО — это не тот документ, который можно просто отдать в отдел кадров и благополучно забыть. Он уволился, и все время проводил дома, закрывшись в комнате. Что он там делал, Катя могла только догадываться. Выходил, только когда женщина звала его за стол. Катерина всю хозяйничала в квартире Крестовского, но Андрей относился к этому без особой ревности.

Катя видела, как он каждый вечер ждал, когда вернется с работы Роман, подолгу вглядываясь в темное окно. Его понурый вид вызывал у женщины щемящее чувство жалости.

К удивлению Катерины, Крестовский вел себя с любовником достаточно холодно. Поначалу Кате казалось, что он просто не хочет демонстрировать родственнице отношения, которые могут ее шокировать. Но позже стала понимать, что дело вовсе не в этом. Роман словно не желал больше ни видеть, ни слышать того, что напоминало ему о пережитых тяжелых днях. Он постоянно задерживался на работе, приходя домой ближе к полуночи. А уходил, когда не было еще и шести.

Время неумолимо приближалось к тому моменту, когда Кате предстояло вернуться в свой город. За этот неполный месяц Санька настолько прикипел к тетке, что не хотел ее отпускать. Она давала ему то, что не мог дать Роман. Катя заботилась о мальчишке, как о родном сыне, переживая вместе с ним его сложности в отношениях с отцом и школе. Когда Санька заговорил о том, что хочет уехать вместе с ней, Катино сердце зашло в сумасшедшем ритме. Как бы ей этого хотелось! Если бы они жили вместе с племянником, было бы не так одиноко. После ухода Виктора ей трудно было возвращаться в опустевшую квартиру, где ее никто не ждал, и где она не нужна была никому. А теперь у нее появилась надежда. Санька стал для нее тем лучиком, что наполняет жизнь женщины смыслом.

— Я поговорю с твоим отцом. Может, он согласится! - Катя улыбнулась, глядя в карие мальчишеские глаза.

— Обязательно поговори, тетя Катя. Я бы в школу свою вернулся. Там Колька, Петя! Я по ним так соскучился! Правда... Борьку не увижу... — лицо мальчика погрузнело.

— Отчего не увидишь? Увидишь. Будешь на каникулах папку навещать, встретитесь. И потом, школу закончишь, поедешь в питерский институт поступать. А папка тебе поможет. Здесь институты, знаешь, какие... у-у-у... не чета нашим. Так что давай попробуем.

— Угу! - Санька кинулся на шею тетке. - Спасибо тебе, тетя Катя! А я себя обещаю хорошо вести. Ты не переживай, со мной проблем не будет.

— Ой ли, не будет? - засмеялась Катя. - Давно ли ты беспроблемным-то стал?

— Ну чего ты... — обиделся на подколку тетки Саня.

— Ладно дуться. Я любя.

Роман этим вечером пришел, как обычно, поздно. Катя сидела за обеденным столом в ожидании родственника.

— Чего не спишь? - увидев женщину, удивился Роман.

— Тебя жду. Ты чего-то на работе стал подолгу просиживать.

— Проект большой подкинули, а работать некому, - соврал Роман. - А чего ждешь?

— Разговор у меня к тебе серьезный.

— Ой, Катерина, опять ругать меня собралась?

— Тебя что ругай, что не ругай, все как об стену горох, - отмахнулась Катя. - Я о сыне твоём поговорить хочу.

— Опять на любимого коня уселась! Еще раз пропесочить меня решила? Дай ты мне хоть время отдышаться!

— Не об этом я! – оборвала его Катерина, видя, что зять начинает нервничать. – Забрать я его хочу. Как раз и надышишься.

— Куда? – Роман вытаращил глаза.

— С собой, в родной город. Все равно ему тут жизни нет. Ты его видеть не хочешь, в школе шушукаются, пальцем тычут.

— Что, опять?

— А ты как думал? После ваших этих перипетий, молчать, что ли, станут? Или не узнает никто? Трудно ему здесь. Скатился на тройки. Говорит, как на каторгу, на занятия иду. А ты собой занят, о ребенке думать некогда.

С силой выпустив из легких воздух, Роман раздраженно поморщился.

— Мы с Саней сегодня разговаривали. Хочет со мной вернуться, в старую школу пойти.

— Так там же...

— Ты не перебивай! Да, может, хуже образование, но он мальчик умный, способный. Школу закончит. В Питер вернется. В университет поступит. Мы с ним уже это обсудили.

— Обо всем, значит, уже договорились! – разозлился Роман. – За моей спиной все решили, да?!

— Ром, так тебя ж дома не бывает. Ты же, как страус, голову в песок засунул и что творится вокруг видеть не хочешь!

— Ну, если вы уже все решили... — Крестовскому явно не нравилось то, что Катерина взяла инициативу в свои руки. Он привык, что последнее слово всегда было за ним, а тут эта Катя. Вот не зря от нее Виктор ушел! Вертит всеми как хочет. Ну а с другой стороны, чего он вдруг развоевался? С Санькой отношения никак не ладились. Не мог Роман переступить через свои обиды. Ему нужно было время, чтобы все успокоилось, забылось и потом, может быть, он изменится. Вариант, предлагаемый Катериной, действительно был выходом из такой непростой ситуации.

— Так что, Ром? Ты согласен? – Катя смотрела на зятя выжидающим взглядом.

— А-а! Делайте, что хотите! – махнул рукой Крестовский.

— Ну, что мы тогда собираемся? – внутри все ликовало. Неужто ей удалось уговорить Романа отпустить Саньку?

— Да... Собирайтесь! Чего там надо сделать? Документы из школы забрать?

Катя кивнула. Она была счастлива. Теперь ей будет о ком позаботиться. Санька будет жить с ней. Довольная разговором женщина отправилась спать.

Хлопоты по сбору в дорогу начались на следующий день. Катя названивала Крестовскому,

беспокоясь о том, как бы мужчина не забыл уладить дела со школой. Санька всю паковал чемоданы, придирчиво выбирая, что он заберет с собой, а что оставит в Питере. Катя составила длинный список необходимых в дорогу вещей. Затем они вместе с племянником выбрали рейс и заказали билеты на самолет. Поглощенные своими делами, они не замечали Андрея, который напряженно наблюдал за этой суматохой, сидя за столом в кухне.

Андрей понимал, что когда Катя и Саня уедут, то их квартира опустеет. И не будет больше ни совместных вечерних посиделок за большим столом, ни пирогов, ни Катиного звонкого голоса, ни Санькиного недовольного ворчания. В квартире воцарится тишина, и он останется сидеть здесь один дни напролет. Роман будет приходить поздно, усталый и, не перебросившись с Андреем и парой слов, сразу заваливаться спать.

После возвращения Андрея из больницы все изменилось. Рома больше не старался найти время, чтобы побыть вдвоем, не рассказывал, что у него происходит на работе, он даже ни разу не обнял его, а когда ложился в кровать, то предпочитал отодвинуться подальше и, накрывшись одеялом, тут же засыпал. Они больше никуда не ходили вместе, даже за продуктами, не говоря уже о таких заведениях, как театр или ресторан. Рома заезжал после работы в круглосуточный супермаркет и привозить полные сетки еды, лишь бы не делать этого с Андреем.

Андрей сильно переживал, стараясь не показывать этого. Пытался отвлечь себя занятиями живописью. Творить в спальне было неудобно, но и выйти в гостиную со своими работами он стеснялся. Рисовать на воздухе пока у него не хватало духу. Недавние события подломили психику и общение с людьми давалось ему с трудом. Единственной отдушиной в это непростое время были сын и свояченица Романа. Лишь в их обществе он мог хоть немного забыться и не чувствовать себя законченным социопатом. А теперь они уезжают.

Перечитывая длиннющий список, Катя отмечала купленное и что еще оставалось купить. На какой-то момент она оторвала взгляд от бумажки и посмотрела на Андрея. Ее сердце сжалось. Андрей весь поник, его глаза с тоской смотрели на то, как Санька укладывает в чемодан учебники. Понурую фигуру парня словно пронизывало насквозь чувство безысходного тотального одиночества. Он выглядел будто брошенный на произвол судьбы ребенок — жалкий, осиротелый. Катерине стало не по себе. Что твориться в этом доме? Почему Рома так к нему относится, будто Андрей — пустое место? Катя уговаривала себя не лезть в это дело. Ведь Рома и Андрей взрослые люди и сами могут во всем разобраться. Но какое-то бабье стремление помочь всем страждущим ныло внутри, не давая спокойно смотреть на то, как на ее глазах парень страдает.

На сей раз Роман вернулся домой раньше обычного. Переговорив с Никитиным, он забрал Санькины документы из школы и принял решение не возвращаться на работу, а поехать сразу домой. Тем более, что Катя с Санькой скоро уедут, и когда он в следующий раз увидит сына, еще не известно.

Увидев на пороге Романа, Андрей оживился. Но мужчина, словно не замечая его, уселся за стол и стал рассказывать Кате о разговоре с директором. Их беседа плавно перетекла на насущные проблемы, связанные с перелетом и финансовым расходом на Саньку. Об Андрее даже никто и не вспомнил. Тот молча сидел, поглядывая то на Катю, то на Романа, то на суетившегося вокруг них довольного Саньку, и чувствовал себя лишним в этом теплом семейном кругу. Что он сделал не так? Почему эти люди не хотят принимать его? Чувствовать

свое одиночество среди близких было невыносимо. Андрей встал из-за стола и ушел в спальню. Катя проводила парня долгим взглядом, а затем повернулась к Роману.

— Крестовский, что происходит?

— Не пойму о чем ты, Катя?

— Ты лицо Андрея видел?

— А что?

— Ты что с ним делаешь? Он и так никакой после всех передрыг, так в последнее время вообще в тень превратился. В глаза не смотри. Слышу только, как сидит у себя в комнате и тихонько рыдает.

— Не лезь в это, Катя! - отрезал Роман.

— Как это не лезь? Ты его до самоубийства довести хочешь? Домой приходишь поздно, с ним совсем не разговариваешь! Ты что творишь-то?

— Не понять тебе. Ты же не мужчина.

— Отчего же не понять? Чай, не глупее тебя. Ты уж постарайся, объясни.

— Не могу я, понимаешь? - Роман зашептал, боясь, что любовник его услышит.

— Что не можешь?

— Спать я с ним не могу больше.

— Это ты чего — обратно переметнуться решил? Под традиционные знамена?

— Не собираюсь я никуда метаться. Меня все устраивает, только вот, может, уже не с ним.

Катя обомлела:

— Это почему?

— Противно мне с Андреем этим заниматься. Брезгливо. Как подумаю, что в тюрьме его всей камерой имели, так наизнанку выворачивает.

— Что? Ты смотри, а?! Какой чистоплюй! Крестовский, а тебе не кажется, что ты оборзел? Напомнить тебе, с чьей легкой руки там Андрей оказался?

— Ну как тебе это объяснить?! Говорю же, не поймешь... — разозлился Роман.

— Да все я понимаю. Скотина ты, вот что! Только о себе печешься, о своих удобствах! О тех, кто тебя любит, даже не думаешь. Жаль мне Андрея, доведешь ты его до гробовой доски, как Дашку...

— Да он и сам не больно хочет... зажметя на краю кровати и лежит, не дышит... Такое ощущение, что с покойником в постель ложусь!

— А ты не думал, что ему-то посложнее, чем тебе? После того, что случилось... Представляешь,

какой страх его охватывает, каждый раз когда думать об этом начинает?.. Нет ведь, Ром, ты ничего не замечаешь и замечать не хочешь. Андрюша твой, как снегурочка, замороженный. К нему бы с теплом, с лаской... Глядишь, и оттаял, живее на мир смотреть стал. Любовь ему твоя нужна, а не только возвратно-поступательные движения. Отогрей, приласкай. Любит ведь тебя. Такое простил! Я б на его месте ни за что тебя не простила. А ты ведешь себя, как последняя дрянь...

— Прекрати! Со своей бабьей колокольни судишь. Перегорело у меня к нему. Все! Амба! И говорить тут не о чем. Поезжайте с Санькой, куда собирались! Мы тут без вас разберемся!

Катя не стала больше спорить с Романом. А и действительно, чего она лезет? Останется Ромка один, так поделом ему! Лишь бы Андрей не решил с собой что-нибудь сделать. Ведь у Крестовского доводить людей до белого каления отлично получается.

Часть 18

Провожать Саньку с Катей отправились вместе. Мужчины помогли дотащить и погрузить на ленту тяжеленные чемоданы. Потом Катерина и Саня долго обнимались с Романом возле входа в залы ожидания. В расстроенных чувствах родственница Крестовского заключила в объятия Андрея, поцеловав на прощанье в щеку и взяв с него обещание, что тот обязательно приедет в гости. Молодой человек смущенно улыбнулся, пролепетав невнятное заверение ей в ответ.

Женщина с мальчиком прошли паспортный контроль и, помахав, скрылись за белыми стеклянными дверями.

От Пулково до дома ехали молча. Только иногда Роман злобно ругал нерадивых автолюбителей, с досадой мотая головой каждый раз, когда кто-то, по его мнению, нарушал правила дорожного движения. На Андрея он не смотрел. Вел себя так, будто того и вовсе не было в машине.

Вызвать Романа на разговор, чтобы, наконец, прояснить все до конца, Андрей не решался. Наверное, он боялся услышать то, что и так было очевидно: их отношения доживали последние дни.

Андрей подсознательно словно ждал чего-то. Что он будет делать после того, как все закончится? Да и будет ли для него это «после»? Без Ромки его просто не станет. Мир опустеет, потухнет. В нем не будет больше места радости и счастью. Все его существование станет бессмысленным. Зачем ему такая жизнь? Она ему будет не нужна. От этих горьких мыслей тискалами сдавило горло.

Приехав домой, Роман только кинул Андрею, что ему срочно надо быть сегодня на работе и ушел, оставив его одного. Андрей понимал, что это была ложь. Рома попросту не хотел оставаться с ним наедине. Но что ему, Андрею, делать? Он не мог вот так запросто уйти. У него нет ни денег, ни работы. Оставалось только ждать, когда его попросят из квартиры. Но разве он это заслужил? Почему? Что случилось с Ромой? Что вообще происходит?

Находиться рядом с Вересовым Роман больше не мог. Но и оставаться одиноким не собирался. Он еще молодой, полный энергии мужчина. И ему требуется как-то сбрасывать копившееся напряжение. Роман не смог придумать ничего лучше, как начать знакомиться по интернету. Клубы и тусовки его не привлекали, он был приверженцем спокойного образа жизни, тяготеющим к домашнему уюту. Однако несколько недель поисков и знакомств с различными

молодыми и не очень людьми желаемых результатов не принесли. Те, кто разделял позиции Романа относительно размеренного времяпрепровождения, как правило, не отличались особыми внешними данными. Были либо слишком старыми, либо толстыми, либо лысыми и куча еще других «либо». Молодые же симпатичные парни нередко производили впечатление недалеких прожигателей жизни. Такие велись на Романовскую тачку и щедрость, иногда отплачивая ему быстрым одноразовым сексом в машине. На большее они не годились. Роман понимал, что такие отношения его не устраивают. Он привык к стабильности и искал человека, который сможет заменить ему Андрея.

С Максом он познакомился случайно. Парень был аспирантом на кафедре одного вуза, с которым «Промнефтегаз» сотрудничал по очень важному договору. Крестовский сразу заметил симпатичного голубоглазого брюнета, пристально смотревшего на него каждый раз, когда обсуждали очередной этап рабочего графика.

Все произошло само собой. Максим сам напросился Крестовскому в попутчики, сказав, что едет в центр туда, где находится центральный офис «Промнефтегаза». Внимательный изучающий взгляд ультрамариновых глаз и легкая ухмылка Макса волновали Романа.

— И что ты меня так разглядываешь? - начал Крестовский с явным намерением прощупать почву.

— Лицо у тебя интересное. Ничего, что я к тебе на «ты»? - Максим улыбнулся.

— Ничего. - Роман решил зайти издалека: — Время обеденное, я собираюсь перекусить. Может, составишь компанию?

— Легко. Куда поедем?

— Здесь недалеко. Думаю, тебе понравится. - Ему захотелось пустить пыль в глаза новому знакомому, поэтому он повез его в один из самых дорогих ресторанов города.

«Во всяком случае, — думал Роман, - я ничего не теряю. Если окажется, что Макс не гей, то хотя бы проведу время в приятной компании. Парень вроде не дурак, и внешне девять из десяти возможных»

На сей раз чутье не подвело, Макс действительно оказался геем и Крестовский ему явно нравился. Отношения развивались быстро. Свидание было назначено на вечер субботы. Роман волновался, как школьник, придирчиво выбирая одежду для предстоящей встречи.

Андрей сидел на кровати, наблюдая за мельтешением друга. Подозрения, что у Ромки кто-то есть, появились дня два назад, когда тот прикрыл дверь в комнату, разговаривая по телефону. И теперь сердце ныло от этих не слишком скрываемых сборов на randevu.

— Ты уходишь? - тихо спросил Андрей, когда Роман поочередно прикладывал к надетой на себя рубашке разные галстуки.

— Черт! - выругался мужчина, бросая аксессуары на комод. Это же неофициальная встреча. Однако предстоящее посещение театра диктовало определенные условия на выбор выходного костюма.

Андрей опустил голову, в груди неприятно кольнуло.

— Да, у меня сегодня встреча с очень важным подрядчиком.

— В субботу вечером?

— А почему нет?! - рявкнул Роман. Его явно раздражала эта беседа.

— Скажи честно, ты идешь на свидание?

— Говорю честно, я сегодня встречаюсь с подрядчиком. - В некоторой степени это было правдой.

— У тебя кто-то появился?

— Боже! - Крестовский сморщился. - Вот только не начинай! Избавь меня, пожалуйста, ото всех этих выяснений отношений. Я не намерен перед тобой оправдываться.

На глаза Андрея навернулись слезы.

— Так, значит, да?

— А если и так? С тобой у нас уже давно ничего нет. А я здоровый мужик, мне нужно время от времени заниматься сексом. Ты же теперь не можешь этого делать!

Крупные капли сорвались с ресниц и покатались по щекам. Было обидно и больно слышать упреки человека, с которым еще недавно Андрей был счастлив.

— Блин! - Раздосадованный рыданиями бывшего любовника, Роман провел по лицу рукой. - Ну, прости, если сделал тебе больно. Но пойми, все кончилось! У нас больше нет будущего. И если ты кого-нибудь себе найдешь, то я буду только рад.

От этих слов сердце взорвалось нестерпимой болью. «За что? Почему?» - крутилось в голове. Подступивший к горлу ком не давал сказать больше ни слова. Андрей только судорожно всхлипывал, пытаясь втянуть носом как можно больше воздуха. Его мир рушился на глазах, словно песчаный замок, подтачиваемый набежавшей на берег волной.

Андрей плотно прижал друг к другу тонкие колени и с силой сдвинул руками чашечки, прошептав одними губами:

— Я люблю тебя.

Но Роман не слышал его, стремительно выходя из комнаты. До Андрея долетел звук закрывшейся за Романом входной двери. Он упал на кровать и, уткнувшись лицом в подушку, тихонько заскулил.

День, которого Андрей боялся больше всего, наступил. Одиночество и жалость к себе теснили грудь. Слезы лились бесконечным потоком. Сейчас он чувствовал то, что, наверное, чувствовала в свое время Даша, когда Роман бросил ее. История повторялась, только на месте Даши теперь был он, Андрей.

Даша. Андрей в последнее время слишком часто думал о ней, вспоминая их единственную встречу и те проклятия, что выкрикивала она, когда Роман вытаскивал ее из квартиры на лестницу. Они сбывались наяву, словно в кошмарном фильме. Ее боль, ее страдания Вересов

сейчас ощутил со всей силой. Как он мог верить человеку, некогда предавшему свою семью? Разве он не понимал, что поступив так однажды, Рома вновь повторит свой поступок?

Андрея внезапно осенила мысль, что Рома не намерен терпеть его присутствия в своем доме. Ведь это квартира Крестовского. Те деньги, что получили от продажи комнаты Андрея, они вложил в доленое строительство, как начальный капитал. Но ипотека была открыта на Романа, и по условиям льготного кредитования Роман должен был являться единоличным собственником жилья. Конечно, Андрей может судиться, но нет никаких гарантий, что он сможет что-то отсудить. Да и не будет он этого делать. Он вымотан — эмоционально и психически — событиями последних месяцев, чтобы пускаться в судебные тяжбы с Крестовским. Но куда он пойдет? У него нет ни работы, ни каких-либо сбережений. За то время, что они жили вместе, Андрей привык полностью полагаться на Романа. И теперь он остался совершенно один, без всякой поддержки. Андрей еще не оправился от потрясения, он еще не в том состоянии, чтобы нормально общаться с людьми. Еще слишком сильны его переживания. Чувство стыда и страха еще крепко держат его в своих тисках. Обратиться за помощью к родителям Андрей не мог, ведь придется признаться, что он гей и рассказать обо всем, что произошло. А он просто не сможет сделать это. Ему страшно и стыдно. Андрею остается только сидеть и ждать, пока Рома вышвырнет его на улицу. Рома, которому он так верил, которого до сих пор любит.

Хотелось умереть здесь и сейчас, чтобы больше не думать, не чувствовать, не страдать. Для него Роман был всем — другом, надежной защитой, семьей. И теперь не осталось ничего. Ни дома, ни любви, ни желания жить дальше.

В антракте Макс и Роман поднялись на четвертый этаж, с которого был выход на галерку. Крестовский затащил нового знакомого в самый дальний угол, где вероятность встретить кого-либо из зрителей или работников театра стремилась к нулю. Романа распирало от желания. Он прижал парня к стене и впился в его губы, шаря руками по упругому молодому телу. Макс прикрывал от удовольствия глаза, подставляя свою шею жадным поцелуям.

В груди kloкотало. Роман почувствовал, как внизу живота растекается тепло, отчего в брюках становится тесно.

— У тебя есть где? — не прерывая ласк, с жаром выдохнул Роман в ухо Макс.

Парень отстранил от себя Крестовского и с прищуром посмотрел в глаза. От этого ультрамаринового взгляда подкашивались ноги.

— А у тебя?

— Ко мне пока никак...

— Что жена?

— Вроде того.

Парень ухмыльнулся.

— Ну, тогда поехали.

Квартира на юге Питера, в которой жил Максим, представляла собой достаточно просторную

обставленную со вкусом студию. Два больших окна, обрамленных тяжелыми темно-серыми портьерами. Справа встроенная кухня с черным лакированным панелями и длинной барной стойкой в окружении высоких стульев. По центру угловой диван и два кресла. У окна примостился стеклянный журнальный столик. На стене телевизионная панель. Стены, пол и потолок разных оттенков белого – от совершенно холодных до теплых, с мягким бежевым свечением. Зеркальный шкаф-купе занимает всю противоположную от окон стену.

— Проходи, – Максим положил ключи на высокую черную тумбу возле двери и, скинув ботинки, направился в сторону кухонного уголка.

– Вина? Шампанского? – стараясь быть гостеприимным, предложил парень.

— Нет. Иди сюда. – Роман схватил Макса за руку и притянул к себе, накрывая губы парня своим ртом.

— Подожди, – Максим, выскользнув из объятий Крестовского, расправил диван. – Добро пожаловать на траходром!

Улыбаясь, молодой человек растянулся на ложе, подперев голову кулаком. Роман улегся рядом, поглаживая парня по бедрам. Ему не терпелось. Ладонь скользнула выше и, почувствовав под рукой напряженный член Макса, Крестовский стал легонько мять его, то и дело поглядывая в голубые глаза. Губы парня растянулись в похотливой улыбке. Он расстегнул свои брюки и одним движением стянул их с себя, прихватив большими пальцами нижнее белье. В мгновение ока облегающий торс джемпер полетел на пол. Руки Романа заскользили по обнаженному красивому телу, поглаживая грудь. Переместились ниже, стали ласкать упругий накаченный пресс, подбираясь к вожденному.

Крестовский скинул с себя одежду, наслаждаясь прикосновениями тонких красивых ладоней Макса. Его охватило волнение. Он задрожал, поддаваясь этой сладостной неге.

— Мы с тобой не договорились, — прошептал в ухо Максим, обнимая массивную грудь Крестовского. – Надеюсь, что ты предпочитаешь быть сверху...

Он сладко впился в мощную шею мужчины. Роман замычал и, перевернув Макса на спину, навис над ним:

— Не переживай, ты все правильно понял.

Роман спустился ниже, чтобы подготовить Макса к совокуплению. Но чем ближе был ответственный момент, тем отчетливее Роман понимал, что мужская сила покидает его. От этого прошиб холодный пот. Чем больше он думал об этом, тем быстрее улетучивалось желание. Крестовский запаниковал. Макс время от времени хватавшийся за собственный член, прикрыл глаза и тяжело дышал, слегка постанывая. Еще немного и от Романа потребуют решительных действий. Но что он может предложить сейчас?

— Ну, давай же, — выдохнул парень.

— Сейчас. Дай мне еще немного насладиться твоим телом. – Роман врал, истерично хватаясь за собственные чресла в надежде, что у него еще может получиться. Но все было впустую.

— Что ты там возишься? – почуввав неладное, Макс приподнял голову.

Крестовский понял — это провал!

Увидев у любовника отсутствие эрекции, Максим разозлился. Такое положение дел больно ударило по самолюбию.

— Ты что, пасс? - он презрительно смотрел на Крестовского. — А может, ты просто импотент?

— Наверное, это от перевозбуждения, - попытался реабилитироваться Роман.

— Ну, слушай, извини, если ты не можешь, то я ничем тут не смогу помочь. Я бы, конечно, вставил тебе...

Парень брезгливо поморщился, окидывая Романа презрительным взглядом.

— ...если бы ты не таким старым и толстым. А так... Брюхо висит, рожа морщинистая... да у меня на тебя тупо не встанет! - Макс распался с каждым словом, его трясло от негодования.

— Ты на себя в зеркало посмотри, убожество!

Романа будто окатили ведром холодной воды.

— Не можешь трахать — сиди дома, дрочи на картинки!

Внутри все закипело.

— Щенок! - Роман отвесил парню звонкую пощечину.

— Убирайся! — зашипел Макс. - Пошел вон из моей квартиры!

Голос Макса звенел, отражался от стен, вибрируя в оконных стеклах. Он продолжал орать, сыпля все новыми оскорблениями в адрес Крестовского.

Роман спешно натягивал на себя брюки, ему хотелось поскорее уйти отсюда, чтобы никогда больше не видеть этого перекошенного злобой лица. За что Макс его так унизил? За то, что от волнения он растерялся? Кроме Андрея, у Романа никого не было, чтобы вот так — полноценно, на кровати. С перспективой дальнейшего продолжения любовной истории. Может, если бы Роман не искал серьезных отношений, то так бы не переживал и все у него получилось. Но он не хотел больше об этом думать.

Роман оделся, накинул пальто и, не говоря ни слова, вышел. Макс что-то еще орал ему вслед, но Крестовский потерял всякий интерес к нему.

Сегодня Роман потерпел фиаско. А в следующий раз? Он готов снова и снова наталкиваться на непонимание и нежелание разделить тревоги и переживания партнера, на отсутствие такта и несдержанность, на безосновательные амбиции и завышенные ожидания? Зачем ему все это? Для чего? Чтобы найти второго такого, как Андрей? А есть ли альтернатива Андрею? Будет ли тот, другой, так же преданно любить Романа? Сможет ли понять, как понимает его Андрей? Повторится ли еще та сказка, что была у них с Андреем? Андрей. Андрей. Андрей. Почему Роман опять всех сравнивает с ним?

Внезапно Роману до боли захотелось посмотреть в большие зеленые глаза Андрея. Такие родные, такие понимающие. Для чего он пошел к Максиму? Тот никогда не станет вторым Андреем, да это и не нужно. У Романа уже есть любимый человек, которого он сегодня очень сильно обидел. Катя была права, он просто законченный эгоист. Он не хотел замечать

очевидного. Андрюха любит его безоговорочно искреннее, не требуя от него быть совершенным, принимая таким, какой он есть. Господи, какой дурак! Сегодня он чуть не разрушил самое ценное в жизни, что у него есть. Кичась собственническими инстинктами, не подумав, причинил боль. Роману надо было лечь с Максом в постель, чтобы понять, как сильно он любит Андрея.

Роман повернул ключи в замке зажигания и направил машину к дому, туда, где ждет его Андрей. Андрюшка, его милый любимый мальчик. При мысли о нем на душе потеплело. Губы расплылись в улыбке. Дорога до дома, как назло, казалось длиннее обычного. Роману не терпелось притянуть к себе, заключить в объятьях свое сокровище, почувствовать рядом родное, бесконечно любимое. Прижать к себе и ощутить его тепло, как тогда, в первый день их знакомства. От этих воспоминаний на глаза выступили слезы. Губы задрожали.

«Вот еще! – ухмыльнулся Крестовский. – Наверное, старею. Впадаю в какую-то глупую сентиментальность»

За окном мерцала и переливалась огнями питерская ночь. Андрей не спал. Он лежал на кровати, уставившись в потолок, прислушиваясь к глухим ударам собственного сердца. Сердце? Разве оно еще живо? Андрею казалось, что в тот самый миг, когда за Ромой захлопнулась дверь, оно взорвалось, рассыпалось на тысячу мелких осколков и теперь уже не собрать и не склеить. Его больше нет. Оно умерло вместе с Ромкиной любовью. То, что сейчас стучит в его груди — это всего лишь жалкий сгусток крови и мышц, больше не способный ничего чувствовать. Ромка. Ромка. Где-то он теперь? Чьи руки ласкают его тело? Чьих губ, нежно поглаживая, касаются его пальцы? В чьи глаза он смотрит, едва выдыхая «люблю»? Сколько еще Андрей будет представлять эти ненавистные мучительные картины Ромкиного счастья, подаренного не ему? Будущего больше нет. Все остановилось, застыло на том мгновении, когда Ромка ушел. Он не просто ушел, он ушел навсегда из его Андрея жизни и уже никогда он не вернется. Никогда... Никогда... Такое короткое, такое простое и такое жестокое слово «никогда». Это значит конец, смерть, пустота. По щекам заструились слезы. Так зачем ему жить, если он уже не будет счастлив? Зачем? Зачем ему это серое безрадостное одиночество?

Андрей встал и подошел к окну. На востоке занималась заря, едва окрашивая густую черноту в пурпурно-алый, растекаясь лилово-сиреневыми красками по предрассветному небу. Солнце наступало, высвечивая белесым слепящим глаза сиянием линию горизонта, все больше и больше извлекая из темноты очертания спящего города. Первые яркие лучи ударили в оконные стекла, отражаясь огненными всполохами на стенах соседних домов. Выпавший за ночь нетронутый снег играл голубовато-синими переливами, чуть поблескивая в еще скользком по земле солнечном свете. Новый день набирал силу.

Андрей смотрел на зарождающееся утро, стараясь запечатлеть в памяти каждый его штрих, каждое малейшее движение, каждый сверкающий блик. С тоской понимая, что в этом новом дне ему уже нет места. Все кончено, он должен уйти. Уйти туда, где никогда уже не будет страдать, где не будет этих страшных тюремных снов, где он больше не почувствует своего стыда и его не ждут нищета и забвение. Другого выхода нет. Он загнан в угол, и не осталось сил бороться.

Андрей все для себя решил. Он сходил к машине и принес буксировочный трос. Разрезал его ножом на две части. Взял ту, что подлиннее. Достал из кладовой стремянку и поставил там, где под потолком висел лаконичный шестирожковый светильник. Встав на лестницу, после

недолгих усилий, сорвал с потолка люстру и откинул ее на пол, обнажив дыру в потолке, глубоко внутри которой виднелась металлическая перекладина. Он зацепил за планку карабин, из другого конца троса соорудил петлю так, чтобы она свободно затягивалась. Когда все было готово, он схватился за самодельную виселицу и потянул, проверяя крепость конструкции. Теперь дело оставалось за малым. Он раздвинул завязанный в кольцо канат и посмотрел в него, как бы примеряясь. В груди бешено пульсировало, отдаваясь гулким биением в ребра. Ладони взмокли. Руки заходили ходуном. Андрей тяжело дышал. Было страшно. Но сделать это было необходимо.

Подойдя к двери квартиры, Роман услышал изнутри грохот. Он задрожал всем телом в предчувствии неладно.

Андрей! Достав из кармана ключи, Роман судорожно стал открывать замок. Пальцы будто не слушались его, соскальзывая с металлической головки. Повернув несколько раз в замочной скважине ключ, Роман вошел внутрь.

От представшей его взору картины сердце замерло.

— Андрей! – он с криком кинулся к парню.

Андрей сидел на полу посередине гостиной и растерянно озирался. Рядом валялась поверженная стремянка. С потолка в том месте, где еще вчера была люстра, свисала оранжевая петля, сделанная из буксировочного троса.

— Андрюшенька, родной мой! – присев на полу рядом, Роман сгреб его в охапку. – Ты жив...

Роман прижал друга к своей груди. В карих глазах задрожали крупные капли. Они сорвались с ресниц и потерялись, падая в копну золотистых волос. Глядя любимого по голове, Роман чуть раскачивался, приговаривая дрожащим от волнения голосом:

— ...Ты жив... Значит, буду жить и я... Я очень люблю тебя... Люблю любого... Ты для меня весь мир... Никто на свете не сможет заменить мне тебя... Я знаю, ты устал, ты напуган... Ты отдохнешь, и мы будем вместе, будем счастливы... Будем жить с тобою долго-долго... Увидим светлую прекрасную жизнь... новых замечательных людей, которые поймут нас... Только надо любить друг друга... слышишь? Любить... И, тогда мы будем жить долго и счастливо... Ты и я...

— Рома... Я упал... я ударился...

— Мальчик мой... Андрюшенька... – Роман зарылся в светлую макушку и надрывно зарыдал. — Ты прости меня, дурака... Прости... Прошу, прости...

Эпилог

Прошло пять лет.

У Андрея с Романом все наладилось. Вересов, посвятивший себя творчеству, стал писать иконы и картины на религиозную тему, чем-то напоминавшие творения Рафаэля и Тициана. С полотен смотрели чистые светлые лики с полными грусти глазами. Андрея заметили. На него посыпались заказы от соборов и монастырей. В основном заказывали иконы. Но было и несколько больших работ: роспись иконостасов, которыми Андрей особенно гордился. Позже

состоялась персональная выставка Вересова в одном из известных московских выставочных залов. Две его работы приобрел Стокгольмский Музей Современного Искусства, выложив за них кругленькую сумму.

Санька окончил девять классов и поступил учиться в колледж радиоэлектроники в родном городе. Катя продала городскую квартиру и переехала в деревню неподалеку. Организовала свое небольшое фермерское хозяйство по разведению птицы. Дела у новоиспеченной фермерши шли неплохо. С деньгами проблем не было, тем более что Роман ежемесячно делал денежные переводы на Санькино содержание. По выходным и на каникулах Санька приезжал к тетке, а все остальное время жил в квартире матери, куда Катя нередко навещалась с проверкой, привозя продукты и прочие нужные в хозяйстве вещи.

Романа повысили до заместителя генерального директора структурного подразделения «Промнефтегаза». С Максом он старался избегать даже случайных встреч.

Каждое лето Андрей и Роман приезжали в отпуск на родину и жили у Кати, чему женщина была очень рада. В эти дни Санька был счастлив. Отношения с отцом наладились. Андрей простил парня, и они снова стали очень дружны. Нередко мужчины втроем выбирались порыбачить на озеро, что находилось в нескольких километрах от Катиного дома.

Ранним утром Катерина провожала их, выскакивая на крыльцо прямо в исподнем, накинув на плечи лишь тонкую пуховую шаль, а к вечеру пекла пироги и ждала своих добытчиков с уловом.

Подул резкий ветер. Занавески на веранде затрепыхались под сильными порывами, надулись, словно паруса бригаантины. Распахнутые настежь окна застучали, ударяясь друг о друга створками. Свинцовый сумрак завладел домом. На западе, разрезая сиренево-синее небо, сверкнула белая молния. Послышались раскаты грома.

— Рома, Саня, Андрей! - закричала Катя. - Закрывайте окна!

Волосы ее выбились, растрепались от сильного дуновения, расплзаясь светлой паутинкой по лбу. Женщина рукой пригладила испорченную прическу.

По крытому железом навесу, по ступенькам крыльца застучали первые тяжелые капли, разбегаясь все сильнее, ударяли о землю, рассыпаясь миллионами холодных брызг, звенели в стеклах оконных рам, били с грохотом по крыше, обрушиваясь лавиной, стекали звонкими прозрачными, будто хрустальными струйками с откосов.

Катя принесла из кухни чайник и большой открытый пирог с клюквой на деревянной доске. Санька расставлял чашки, помогая тетке по хозяйству.

— Сбегай еще за вареньем и сахарницу прихвати, — обратилась к юноше Катя.

Роман курил, покачиваясь в плетеном кресле-качалке, и смотрел на улицу. Андрей сидел рядом, робко поглядывая то на круглый стол, накрытый белой льняной скатертью, то на суетящихся возле него тетку с племянником, то на задумчивую фигуру друга.

— Ну, давайте садиться, — окидывая стол взглядом, произнесла Катерина.

Подсев ближе, Роман ухватил с подноса солидный шмат и с аппетитом надкусил его.

— М-м-м... Обалдеть! Молодец, Катюша! Не пирог - песня!

— Старею, — улыбнулась женщина. - Пироги получаются все лучше, в людей верится все меньше!

— Брось, Катюха! Ты у нас еще ого-го! Мы тебе такого жениха найдем!

— Да куда жениха! Мне уже сорок два. Какие женихи, Рома, окстись!

— Тетя Кать, зря ты так. Ты еще очень интересная женщина, это я тебе как мужчина говорю, — авторитетно заявил Санька, прихлебывая их кружки.

— Мужчина! — засмеялась она, потрепав парня по рыжим вихрам. - Давно ли вырос?

— А вот и мужчина. У меня и девушка есть... Оля... - парень обиженно посмотрел на тетку.

— Да? - оживился Роман. - И когда ты нас познакомишь?

— Я звал ее, но она пока стесняется.

Дождь не прекращался. Шумел в зеленой листве, выбивал комочки темной грязи с клумб и грядок, заливая узенькую выложенную бетонной плиткой дорожку, ведущую от дома к бане.

На веранде пахло сыростью и мокрой от дождя землей. Прохладный влажный воздух, доносящийся с улицы, окутывал, заставляя ежиться.

— Чего-то холодно стало, — Роман потянулся рукой к лежащей на соседнем стуле куртке. - Оденуть-ка я.

Сидевший до этого молча Андрей встрепенулся, его глаза широко раскрылись, он подался телом вверх, будто прислушиваясь к чему-то. Посмотрел в сторону зеленеющего за пеленой дождя леса и, вскочив с места, быстрым шагом направился к открытой двери, ведущей на улицу. На пороге на секунду остановился и взглянул вверх в бесконечную серую бездну, откуда падали крупные тяжелые капли.

Над столом повисла тишина. Сидящие вокруг него словно замерли. Катя медленно перевела взгляд с Романа на Андрея, который в этот момент сбежал по ступенькам вниз и, не обращая никакого внимания на ливень, устремился вглубь сада к околице.

Дождь хлестал по плечам, холодом падал на голову, пропитывая волосы влагой, стекал по ушам и подбородку. От воды одежда намочила, облепив худую узкоплечую фигуру.

— Я сейчас, — Роман встал и направился к выходу, попутно снимая с вешалки ветровку.

Катя и Саня, остались в веранде и молча следили сквозь тонкие кружевные занавески за тем, как Роман, подойдя к Андрею, накинул на него куртку, бережно поправил капюшон, и обнял за плечи.

Санька глубоко вздохнул.

— Теть Катя, почему они такие, а? Как думаешь?

— Бог их, Санечка, такими создал.

— Бог, говоришь? Так ведь в Библии написано, что «мерзость». Не унаследуют Царствия Божьего.

Катерина усмехнулась, в задумчивости помешивая ложечкой чай.

— Библию люди писали. Они же во имя Христа в Средние века неугодных на кострах жгли. Еретиков. — Женщина вздохнула, уставившись взглядом куда-то вдаль.

Санька смотрел в ее светлое широкое лицо, пронзительные голубые глаза под дугами русых бровей. Отчего-то глядя на нее, ему вспоминались иконы в толстых золоченых окладах, высокие церковные своды, запах ладана, и звенящая тишина храма, нарушаемая редкими звуками, доносящимися, будто откуда-то из потустороннего мира.

— Не верю я в то, что господь такой злой, — продолжила она, немного помолчав. — Сам создал, сам же покарает. Они тоже его дети и послал он их на землю не просто так.

— А для чего?

— Смирению научить, а нас — терпению и состраданию. Чтобы не писаными истинами души полны были, а сердцем и помыслами к Слову Божьему пришли. Прощать научились.

— Отчего же тогда люди к ним так?

— Люди, Санечка, они всегда люди. Не злые и не добрые. Обыкновенные.

Ливень шипел, заглушал звуки, бился о кроны деревьев, заставляя каждый листочек трепетать под натиском стихии. Крупные прозрачные капли омывали листву, соскальзывали с кончиков на землю, теряясь во влажной густой траве.

Этот майский дождь был таким же, как и девятнадцать лет назад. От нахлынувших воспоминаний сердце сладко защемило. Роман повернул к себе Андрея и посмотрел в его глаза. Они были все такие же чистые и ясные как тогда, но что-то незаметно ускользнуло, потерялось, изменив любимого человека. Словно в этом лучистом взгляде навсегда застыла печаль, затянув его будто изнутри холодной пеленой. Ком подкатил к горлу, губы предательски задрожали.

— Рома, ты плачешь?

— Нет, я не плачу... Это просто дождь... — Роман обхватил Андрея и крепко стиснул в своих объятиях.

КОНЕЦ.